

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ЕВРАЗИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НАУЧНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 2008 ГОДА
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ТРИ МЕСЯЦА

ISSN 2072-5663

№1 (9)

январь – март
2010 г.

Издатель: Центр евразийских и международных исследований
Института непрерывного образования
Казанского государственного университета

Редакционный совет:

М.Х. Салахов – председатель;

И. Р. Тагиров;

М.Х. Фарукшин

Главный редактор: *Б.М. Ягудин*

Редакционная коллегия:

А.В. Абакунова (Ответственный секретарь);

А.А. Арсланова;

В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН, г. Москва);

В.М. Бухараев;

К.Р. Галиуллин;

Я.Я. Гришин;

Р.Г. Минзарипов;

А.И. Мухаммадеев (Зам. главного редактора);

Р.Р. Сулейманов;

Э.И. Тагиров;

И.А. Тарханов;

И.И. Шарифжанов;

А.Д. Эпштейн (Открытый университет Израиля, г. Иерусалим);

А.А.Гараев (Анкарский государственный университет, Турецкая Республика);

Эрель Телляль (Анкарский государственный университет, Турецкая Республика)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

<p>Важнейшие научные направления Центра евразийских и международных исследований Казанского государственного университета The Main Fields of Specialization at the Eurasian and International Studies Center, Kazan State University</p>	4
<p>Информация о журнале «Евразийские исследования» About the «Eurasian Studies Journal»</p>	5
<p>Предисловие редакторов специального номера «Арабо-израильский конфликт и попытки его урегулирование» Israel and the Arabs: Conflict and Negotiations – Editors’ Introduction</p>	6
<p>СТАТЬИ ARTICLES</p>	
<p>М.Г. Агапов. К истории понятия «еврейский национальный очаг» Mikhail Agapov. «A National Home for the Jewish People»: The Development of the Notion</p>	9
<p>А.В. Шандра. Фактор арабо-еврейской конфронтации в процессе формирования гражданской администрации Палестины Великобританией Anton Shandra. The Impact of the Arab-Jewish Confrontation on the Formation of British Civil Administration in the Mandatory Palestine</p>	18
<p>И.А. Фадеев. Принцип свободы совести и вероисповедания и его реализация на земле Палестины в годы британского правления Ivan Fadeyev. The Concept of Freedom of Conscience and Religion and Its Implementation in Palestine during the British Mandate</p>	26
<p>М.С. Шаповалов. Еврейская экономическая колонизация Палестины в 1920–1929 гг. Mikhail Sharovalov. The Jewish Economic Colonization of Palestine, 1920–1929</p>	44
<p>С.А. Кожеуров. Дипломатия в дни войны: король Иордании Абдалла I и его переговоры с Израилем после ухода англичан из Палестины Stanislav Kozheurov. Wartime Diplomacy: Abdullah I of Jordan and his Negotiations with Israel in the Aftermath of the British Mandate on Palestine</p>	55
<p>А.Д. Гаврилов. Поиск решения палестинской проблемы без участия палестинских арабов: Кемп-Дэвидский саммит 1978 года Alexander Gavrilov. «Resolving» the Palestinian Problem without the Palestinians: Camp David Summit, 1978</p>	74
<p>А.В. Блащаница. Развитие поселенческой деятельности на контролируемых Израилем территориях Западного берега и сектора Газа (1973–1993 гг.)</p>	92

Artem Blashchanitsa. The Development of the Israeli Settlements in the West Bank and Gaza, 1973–1993	
А.Д. Эпштейн, Е.А. Варшавер. Как начиналась и чем закончилась первая израильская «война против терроризма»: от вторжения в Ливан до «сделки Джibriля» (1982–1985 гг.) Alek D. Epstein, Evgeni Varshaver. The First Israeli War on Terror and Its Aftermath: From Invasion to Lebanon to Jibril Prisoner Exchange, 1982–1985	104
В.А. Лихачев. Палестино-израильский конфликт в зеркале российской прессы: от начала Второй интифады до операции «Литой свинец» (2000–2010 гг.) Vyacheslav A. Likhachev. The Israeli–Palestinian Conflict in the Mirror of the Russian Press: From the Beginning of Al-Aqsa Intifada to the «Cast Lead» Operation, 2000–2010	122
СООБЩЕНИЯ PUBLICATIONS	
М.Б. Кизиллов. Караимы и крымчаки в современном Израиле Mikhail Kizilov. Karaites and Krymchaks in Contemporary Israel	138
ПЕРСОНАЛИИ PERSONALITIES	
З.Е. Гельман. Первый президент Израиля Хаим Вейцман – государственный деятель и ученый Zahar Gelman. Chaim Weizmann, the First President of Israel – State-Builder and Scientist	146
РЕЦЕНЗИИ REVIEWS	
В.Н. Пластун. «Непримиримый» ХАМАС Vladimir Plastun. The «Uncompromising» HAMAS	157
Р.Р. Сулейманов. Иран и Израиль: борьба за региональное лидерство Rais Suleimanov. Iran and Israel: Struggle for Regional Leadership	161
Сведения об авторах List of Contributors	165

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-34812 от 29.12.2008

© Центр евразийских и международных исследований

© Издательство «Intelpress+»

ВАЖНЕЙШИЕ НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦЕНТРА ЕВРАЗИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

- «Евразийская идея» в контексте истории и современности
- Геополитические характеристики и трансформации современной Евразии
- Процессы глобализации и Евразийский мир
- Интеграционные и дезинтеграционные тенденции в Евразии
- Международные отношения на пространствах Евразии
- Региональные и локальные конфликты на Евразийском пространстве
- Экономическая динамика в региональных пространствах и странах Евразии
- Правовые культуры и системы евразийских стран
- Перспективы создания Евразийского союза на постсоветском пространстве
- Этническая карта Евразии и развитие межнациональных отношений
- Конфессиональные процессы и региональная ситуация в регионах Евразии
- Ислам на пространствах Евразии: религиозно-культурный и социально-политический аспекты
- Трансграничная преступность и наркотрафик в Евразии
- Регион Поволжья в системе геополитики и геоэкономики Евразии
- Культурно-цивилизационные тенденции Евразийского мира
- Политические культуры обществ Запада – России – Востока
- Этнопсихологические доминанты в процессе формирования мировоззрения народов Евразии
- Культура народов и стран Евразии

«ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
периодический научный и общественно-политический журнал
ISSN 2072-5663

Главная цель нашего издания – содействовать взаимодействию исследователей в самых различных аспектах изучения социокультурного поля Евразии. Журнал рассчитан на аудиторию научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

В журнале представлены следующие основные рубрики:

Статьи

Сообщения

Персоналии

Историографические обзоры

Рецензии

Документы (актовый материал, мемуары, дневники, эпистолярная и др.)

Проблемы образования и культуры

Критика и библиография

Хроника научной жизни и новости образования и культуры.

Периодичность издания – четыре номера в год.

Вместе с общественно-политическим и информационным журналом Центра «Евразийские горизонты» наше издание в дальнейшем планирует широко освещать исторические аспекты и развитие евразийских тенденций в современной цивилизации.

Наш адрес: 420008, Казань, Кремлевская, 35. Ком. 201-А.

Тел./факс: (843) 292-05-73

E-mail: cemi_ksu@mail.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ НОМЕРА

Настоящий номер научного и общественно-политического журнала «Евразийские исследования» выходит как тематический выпуск «Арабо-израильский конфликт и попытки его урегулирования», целиком посвященный истории одной из главных нерешенных проблем Ближнего Востока в XX–XXI вв. Выход данного специального номера объясняется чрезвычайно большой ролью региона в современной геополитике.

История арабо-израильского конфликта – и связанная непосредственно с ним палестинская проблема – является составной частью истории Евразии. В номер вошли работы ведущих специалистов из России, Украины и Израиля, которые сконцентрировали свое внимание на ключевых темах данной проблемы.

Арабо-еврейское противостояние начинает проявляться уже в период британского мандата в Палестине, и даже до него. Декларация Бальфура от 2 ноября 1917 года предоставила евреям право на создание «национального очага» в Палестине, не объяснив конкретно, что именно под этим подразумевается. Тюменский историк Михаил Агапов попытался в своей статье дать ответ на вопрос о том, что же такое «еврейский национальный очаг», как развивалось и трансформировалось это понятие. В 1917 году англичане оккупировали Палестину в ходе Первой мировой войны, окончание которой и последующие за ней международные конференции стран-участниц закрепили за Великобританией право на Палестину в виде мандата. Это заставило англичан сменить военную администрацию на гражданскую. Антон Шандра (Арзамас) описал этот процесс, делая при этом упор на факторе арабо-еврейского противостояния. Тридцатилетнее правление англичан в Палестине наложило отпечаток на ее внутреннюю жизнь. Местное население британская администрация делила не по национальному признаку, а по конфессиональному. Как осуществлялась религиозная политика в Палестине? Ответ на этот вопрос дается в статье Ивана Фадеева (Москва). Британский период в истории Палестины отмечен бурным процессом еврейской колонизации. О этом, какие экономические последствия она имела для этого региона, особенно в первое десятилетие английского правления, можно узнать из статьи Михаила Шаповалова (Омск). Уход англичан из Палестины и образование еврейского государства привели к первой арабо-израильской войне. В то же время руководителям Израиля удавалось вести переговоры со многими арабскими лидерами, в особенности – королем Иордании Абдаллой I и его приближенными. Станислав Кожеуров (Москва) рассказал в своей работе об этой скрытой от глаз современников дипломатии.

Первая арабо-израильская война породила палестинскую проблему. Ее пытались решить многократно, в частности, на прошедших в 1978 году под эгидой президента США Д. Картера израильско-египетских переговорах в Кемп-Дэвиде. Только странным образом туда не стали звать никого из представителей палестинских арабов. Перипетиям этой истории посвящена статья А. Гаврилова (Москва).

Неотъемлемой частью новой региональной реальности является создание Израилем, начиная с 1967 года, многочисленных еврейских населенных пунктов на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Артем Блащаница (Тюмень) поведал в своей статье об истории израильского поселенческого движения на контролируемых территориях с окончания Войны Судного дня (1973 год) до подписания договора между Израилем и ООП, известного как Соглашение Осло (1993 год).

Много черных страниц в истории арабо-израильского конфликта занимают террористические акты и борьба против тех, кто организует, вдохновляет и направляет их. В 1982 году Израиль – впервые в своей истории – начал полномасштабную войну не против какой-либо страны, а против террористических организаций. О том, насколько успешной была война, вошедшая в историю как первая израильско-ливанская, можно узнать, прочитав статью Алека Д. Эпштейна (Иерусалим) и Евгения Варшавера (Москва).

То, что арабо-израильский конфликт не сугубо локальное явление, а проблема, ежедневно и ежечасно имеющая международный резонанс, да так, что на него пристально смотрят в странах, не имеющих общих границ ни с Израилем, ни с арабским миром, не удивляет Вячеслава Лихачева (Киев), рассматривающего в своей работе реакцию на ближневосточные события в российской прессе в первое десятилетие XXI века.

Израиль, хоть и позиционирует себя как еврейское государство, тем не менее, является многонациональным. О таких редко упоминаемых этноконфессиональных группах Израиля как караимы и крымчаки можно найти познавательную информацию в материале Михаила Кизилова (Беэр-Шева). Однако не будем забывать, что в истории большую роль играет личность. Первого президента Израиля Хаима Вейцмана знают не только в еврейском мире, но и в мире науки. О Х. Вейцмане как ученом можно узнать в статье доктора химических наук Захара Гельмана (Реховот).

Ни один научный журнал не обходится без рецензий на последние вышедшие книги. «Евразийские исследования» – не исключение. Российские востоковеды Владимир Пластун (Новосибирск) и Раис Сулейманов (Казань) прочитали и дали свое заключение о научной ценности книг своих израильских коллег, посвященных палестинскому исламскому движению ХАМАС и истории ирано-израильских отношений; обе рецензируемые монографии выпущены московским Институтом Ближнего Востока.

Издание этого номера в Казани, столице Республики Татарстан, не случайно. Татарстан, как и Ближний Восток, – регион исторически многонациональный и поликонфессиональный, а Казань в этом отношении очень напоминает Иерусалим: в ее историческом центре мечеть соседствует с синагогой, а та – с православным храмом. То же самое близкое соседство можно наблюдать и в «городе трех религий» – Иерусалиме. Разница лишь в том, что в Казани вы, будучи туристом, независимо от гражданства, национальности и вероисповедания, можете без труда посетить и мечеть, и церковь, а вот в Иерусалиме такой, казалось бы элементарной, возможности у вас не будет. Находясь в столице Татарстана, посещая его культовые здания, вы едва ли обнаружите там усиленный наряд полиции, а при входе в магазин никому в голову не придет изучать содержимое Вашей сумки на предмет наличия у Вас оружия. В этом народы раздираемого межэтническими и межконфессиональными противоречиями Ближнего Востока могут брать пример у Татарстана, которому удастся при столь огромной пестроте этносов и религий обеспечивать мирное сосуществование разных народов на одной территории.

Отдельно хотелось бы отметить самих авторов статей, включенных в этот номер. Очень важно, что среди авторов публикуемых в журнале статей высокий процент молодых перспективных исследователей, что дает надежду на то, что изучение истории этой очень сложной проблемы в различных российских регионах будет развиваться и углубляться.

Составители надеются, что данный коллективный труд займет достойное место на книжной полке исследователей Ближнего Востока как пример сотрудничества ученых России, Украины и Израиля на благо отечественной науки. Редакция журнала «Евразийские исследования» планирует и в дальнейшем выпускать номера, специально посвященные истории и современному положению на Ближнем Востоке. Выход настоящего номера не случаен: он приурочен к международному научно-практическому симпозиуму «Арабо-израильский конфликт и роль России в его урегулировании», который пройдет в Казани 14–15 мая 2010 года. Будем надеяться, что предстоящее мероприятие внесет свой вклад в интеллектуальное переосмысление всего спектра проблем, касающегося арабо-израильского конфликта. Хочется верить, что авторы и редакторы доживут до того дня, когда этот конфликт и всё, что с ним связано, будет изучаться исключительно на уроках истории.

*Раис Сулейманов и Алек Д. Эпштейн,
ответственные редакторы номера*

К ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ «ЕВРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОЧАГ»

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается возникновение и эволюция ключевого для истории международного сионистского движения понятия «национальный дом для еврейского народа» (a national home for Jewish people) в период с 1897 по 1939 гг. Автор анализирует сионистское, британско-сионистское и британское семантические поля данного понятия и его интерпретации в рамках каждого из них.

Ключевые слова: «еврейский национальный очаг», сионизм, Базельская программа 1897 г., декларация Бальфура 2 ноября 1917 г., политика Великобритании по отношению к Палестине, Белая книга 1922 г., Белая книга 1939 г.

Идея создания в Палестине «приюта» (Heimstätte) для еврейского народа, происходившая из ключевого тезиса националистической доктрины рубежа XIX–XX вв. об органической связи культурной (понимаемой как национальной) самобытности народа с его независимостью (понимаемой как государственной) [3, с. 146], была определена в качестве цели сионистского движения в Базельской программе 1897 г. Последняя представляла собой компромиссную формулу, учитывающую как позиции основных сионистских групп, так и интересы «великих держав». В отличие от программы Ховевей Цион, сформулированной на Катовицком съезде 1884 г. и ставящей целью движения «возвращение евреев к сельскохозяйственному труду и создание в Эрец-Исраэль еврейской сельскохозяйственной базы, концепция «приюта» (Heimstätte) предполагала обеспечение еврейского присутствия в Палестине защитой «публичного права». Данная формула была представлена в разработанном предварительным совещанием Первого Сионистского конгресса под руководством Т. Герцля – М. Нордау проекте программы Сионистской организации. В тоже время дабы не вызвать негативной реакции Турции, конгресс отклонил требование группы делегатов во главе с Л. Моцкиным, настаивавшей на формулировке четкого и решительного

требования создания в Палестине «еврейского государства» («Judenstaat»). В итоге конгресс принял следующее определение: «Der Zionismus erstrebt für das jüdische Volk die Schaffung einer öffentlich-rechtlich gesicherten Heimstätte in Palästina (Сионизм стремится создать для еврейского народа обеспеченное публичным правом убежище в Палестине)» [23, с. 40].

«Я сделал все, что мог, – писал в этой связи Т. Герцль, – чтобы убедить сторонников создания еврейского государства в Палестине, что мы должны найти какой-то эвфемизм, который отражал бы все, что мы имеем в виду, но так, чтобы не провоцировать турецких правителей упоминаемой земли. Я предложил заменить слово "государство" синонимичным словом "Heimstätte"... Такова история этого выражения, о котором столь много говорят. Оно было двусмысленным, но мы все понимали, о чем идет речь. Для нас оно означало "Judenstaat" в то время и означает то же самое сейчас» [19, с. 113]. Таким образом, изначально семантическое поле понятия «еврейский национальный очаг» интерпретировалось посредством смыслового переноса [12, с. 113]. Широкий диапазон значений немецкого Heimstätte (Heim – дом, очаг, приют; Stätte – место, жилище, очаг; Heimstätte – кров, приют, жилище, родные места, Родина) позволял каждой сионистской группе наполнять его собственным смыслом, соответствующим партийной позиции: суверенное еврейское государство, духовный центр еврейского народа, «Земля Израиля для народа Израиля в соответствии с Торой Израиля». Также и в переговорах с представителями «великих держав» лидеры сионистского движения представляли то или иное значение центрального положения Базельской программы в зависимости от хода переговоров [13, с. 99–116].

Европейские, прежде всего, германские националисты интерпретировали «Heimstätte in Palästina» исключительно как «Judenstaat». Примечательна в этой связи оценка сионистского проекта, данная в 1898 г. профессором Базельского университета Ф. Геманом в брошюре с характерным названием «Пробуждение еврейской нации. Путь к окончательному решению еврейского вопроса»: «...державы будут приветствовать образование в Палестине еврейского государства как счастливое разрешение трудной проблемы...необходимое условие для окончательного и справедливого решения еврейского вопроса заключается в том, чтобы помочь евреям создать себе государство, дабы они знали себе место и не навязывались другим народам, которые их не желают» [4, с. 56]. Автор приведенной цитаты представлял ту разновидность национализма, которая, по словам Э. Хобсбаума, утвердилась в 1880–1914 гг. и «стремилась скорее к образованию новых государств, нежели к решению проблемы "наций" в государствах уже существующих» [14, с. 162]. Именно в этом ключе формулировалась и интерпретировалась идея «приюта» для еврейского народа в Палестине на рубеже XIX–XX вв. Несомненный антисемитский пафос, присутствующий в приведенной

цитате, исчезал, когда речь заходила о будущем еврейском государстве в Палестине: «Державы будут рады, когда такой живучий и деятельный народ, как евреи, займет страну и будет ее культивировать» [4, с. 58].

Следующим этапом развития идеи «приюта» для еврейского народа в Палестине стали проходившие в феврале–октябре 1917 г. переговоры советника английского кабинета по делам Ближнего Востока М. Сайкса с вице-президентом Сионистской федерации Великобритании Л. Ротшильдом и Х. Вейцманом. В ходе переговоров было выработано шесть проектов документа о признании правительством Великобритании права евреев на создание в Палестине своего «национального дома (the National Home of the Jewish people)» [16, с. 84]. В частности в письме лорда Ротшильда министру иностранных дел Великобритании А. Бальфуру от 18 июля 1917 г. предлагалась следующая формула: «His Majesty's Government ... accepts the principle of recognizing Palestine as the National Home of the Jewish people and the right of the Jewish people to build up its National life in Palestine (Правительство Его Величества ... принимает принцип признания Палестины в качестве национального очага еврейского народа и право еврейского народа заложить основы своего национального образа жизни в Палестине)» [Цит. по: 22, с. 143]. Однако в текст декларации А. Бальфура, датированной 2 ноября 1917 г., вошла другая формулировка: «His Majesty's Government view with favour the establishment in Palestine of a national home for Jewish people (Правительство Его Величества благосклонно относится к основанию в Палестине национального приюта для еврейского народа)» [24].

Иначе говоря, проект Ротшильда–Вейцмана предусматривал признание Лондоном Палестины в качестве национального дома исключительно еврейского народа, о чем свидетельствует употребление определенного артикля: «*the National Home of the Jewish people*». Но в условиях стремительного роста арабского национально-освободительного движения кабинет Д. Ллойд Джорджа не мог провозгласить Палестину национальным домом только одного еврейского народа. Поэтому в декларации Бальфура было сказано о создании «национального дома для еврейского народа» (*a national home for Jewish people*), то есть еврейская община признавалась лишь одной из групп населения Палестины. Принципиальную разницу между терминами «очаг еврейского народа» и «очаг для еврейского народа» отмечает в своем исследовании Комитет по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа ООН: предлог «для» указывает направление либо цель, а прямое дополнение означает непосредственную принадлежность предмета [6, с. 15].

Авторы проекта от 18 июля 1917 г. подчеркивали национальный характер «еврейского очага». Так, для реализации целей сионистского движения они полагали необходимым «предоставление внутренней автономии еврейской национальности в Палестине, свободы

иммиграции для евреев, а также учреждение еврейского национального колонизационного общества для возобновления поселенчества и экономического развития страны (the grant of internal autonomy to the Jewish nationality in Palestine, freedom of immigration for Jews, and the establishment of a Jewish National Colonising Corporation for the re-settlement and economic development of the country)» [Цит. по: 22, с. 143]. Таким образом, трактовка термина «национальный дом для еврейского народа (a national home for Jewish people)» получала развитие в том смысле, что в Палестине еврейский народ обретет не только «убежище», но и национальную независимость.

В целом в декларации Бальфура понятие «a national home for Jewish people» осталось непроясненным [7, с. 25]. Существуют два варианта объяснения термина «национальный очаг» / «национальный приют» / «национальное убежище». Согласно первому, термин был, по сути, эвфемизмом понятию «еврейское государство» [6, с. 14]. Именно такую трактовку предлагала Сионистская организация. В соответствии со вторым вариантом, термин равным счетом ничего не значил (в особенности для британцев) и ни к чему не обязывал. Английские правящие круги не желали связывать себя какими-либо конкретными обещаниями сионистам, поскольку не могли предугадать реакции арабов на данный документ и опасались повторения резко отрицательной реакции евреев-несионистов, подобно реакции Палаты представителей британских евреев [16, с. 83].

Действительно, публикация декларации Бальфура всколыхнула еврейскую общественность во всех странах. И хотя в декларации особо подчеркивалось, что создание в Палестине «национального очага для еврейского народа» не должно нарушать «права и политический статус, которыми пользуются евреи в любой другой стране», целый ряд еврейских общин высказал опасения, что создание такого «очага» приведет к постановке вопроса о лояльности евреев к государствам, гражданами которых они являются. Если в США эта проблема была разрешена на основе так называемого «синтеза Брэндейса», трактовавшего план создания «еврейского национального очага» в Палестине как выражение принципов американской свободы и социальной справедливости [10, с. 9], то в Советской России декларация Бальфура использовалась почти как обвинительный акт против российских сионистов [8, с. 139–140].

В начале 1920-х гг. декларация Бальфура обрела характер международного обязательства Великобритании. 9 февраля 1918 г. Франция и Италия [5, с. 58–59], а 31 августа 1918 г. – США [5, с. 59], официально признали декларацию Бальфура, она была включена в текст Севрского (ст. 95) мирного договора. 25 апреля 1920 г. на конференции в Сан-Ремо Верховный Совет стран Антанты передал Великобритании «дорого стоящий и хлопотливый», по словам У. Черчилля, мандат Лиги Наций на управление Палестиной [15, с.

256]. 24 июля 1922 г. условия мандата были одобрены Советом Лиги Наций [18, с. 74]. Текст мандата включал в себя декларацию Бальфура, в его преамбуле говорилось об ответственности мандатария «за осуществление декларации от 2 ноября 1917 г., сделанной Правительством Его величества, одобренной упомянутыми [Основными Союзными] Державами» и, кроме того, признавались «историческая привязанность еврейского народа к Палестине и ... его право на восстановление национального дома в этой стране» [2, с. 45–46].

Проект создания в Палестине «еврейского национального очага» была воспринята арабским миром крайне враждебно. Придание гласности декларации Бальфура считается причиной палестинского восстания 1920 г. [11, с. 18]. Идея борьбы против создания в Палестине «еврейского национального очага», наряду с лозунгами панарабизма, панисламизма и антиимпериалистической борьбы, объединила элиты «британизованного Востока» (выражение Ж. Кайзера), а также элиту с массой населения [17, с. 54]. В этих условиях от Лондона требовалось представить такое определение термина «национальный дом для еврейского народа», которое оказалось бы приемлемым для всех субъектов общественно-политической жизни Палестины.

В изданной вскоре после первого крупного послевоенного столкновения еврейского и арабского населения Палестины в июне 1922 г. Белой книге по вопросу о британской политике в Палестине, известной как меморандум У. Черчилля, министр по делам колоний, подтвердив намерение английского кабинета выполнить обещания, данные им «еврейскому народу» в декларации Бальфура, дал официальные разъяснения формулировкам последней. Основные положения меморандума Черчилля были подготовлены, по мнению тогдашнего президента Сионистской организации Х. Вейцмана, верховным комиссаром Палестины Г. Сэмюэлем [25, с. 290].

Во-первых, У. Черчилль дезавуировал опасения арабов и надежды сионистов, заявив, что «декларация [Бальфура] не предполагала провозглашение всей Палестины еврейским национальным домом, но создание такого дома на территории Палестины (Declaration referred to do not contemplate that Palestine as a whole should be converted into a Jewish National Home, but that such a Home should be founded in Palestine)» [20]. При этом Черчилль особо подчеркнул, что ожидания «такие как: "Палестина должна стать столь же еврейской, как Англия английской" расцениваются правительством Его Величества как невыполнимые и несоответствующие его целям (Phrases have been used such as that Palestine is to become "as Jewish as England is English" His Majesty's Government regard any such expectation as impracticable and have no such aim in view)» [20].

Во-вторых, в меморандуме давалось определение термина «еврейский национальный

очаг в Палестине (the Jewish National Home in Palestine)», под ним, как говорилось в документе, английский кабинет понимает «сообщество, имеющее собственные политические органы ... для управления своими внутренними делами, [которое] с его ... политическими, религиозными и общественными институтами, собственным языком и собственными обычаями является, фактически, национальным (This community has its own political organs ... for the direction of its domestic concerns ... This community, then, with its town and country population, its political, religious, and social organizations, its own language, its own customs, its own life, has in fact "national" characteristics)» [20].

В-третьих, Черчилль пояснил, что под «развитием еврейского национального дома» британское правительство понимает его превращение в «центр, в котором весь еврейский народ может обрести основы своей религии и расы, национального интереса и гордости» [20].

Таким образом, меморандум Черчилля определял «еврейский национальный дом» как автономный национально-культурный центр всего еврейского народа, локализованный в Палестине. В будущем Палестина представлялась министру колоний как «процветающее сообщество», «общий дом» евреев и арабов, построенный ими на основе «единства и взаимного уважения». Все без исключения жители Палестины, как евреи, так и арабы, получали статус «палестинцев». Поддержание демографического баланса между арабской и еврейской группами населения Палестины должен был обеспечить ограничивающий еврейскую иммиграцию критерий «экономической емкости страны в каждый данный момент»: «Иммиграция [евреев в Палестину] не может быть слишком большой, так как страна не в состоянии принять много переселенцев, исходя из своих экономических возможностей (economic capacity). Важно дать гарантию того, что новые иммигранты не станут обузой для населения Палестины и не создадут конкуренцию в какой-либо области трудовой деятельности» [20].

Черчилль обещал, что со временем на смену мандатному правительству придут представительские органы власти и самоуправления, однако предоставление Палестине полной независимости называлось делом далекого будущего. «Прежде, чем это свершится, – говорил в 1922 г. Черчилль об установлении полного самоуправления в Палестине, – успеют умереть дети наших детей» [9, с. 646]. В начале 1920-х гг. британскому правительству представлялось вполне возможным не только сохранить на долгое время английский контроль над Палестиной, но и примирить интересы арабского населения и еврейских иммигрантов в этом стратегически важном для Британской империи районе [15, с. 247]. Однако уже следующее десятилетие выявило ограниченность возможностей британского правительства управлять процессом, вызванным его собственной политикой.

Сформулированные в Белой книге 1922 г. принципы оставались неизменными на протяжении всего межвоенного периода. Своеобразный итог британской политики по отношению к «еврейскому национальному очагу» в Палестине был подведен в феврале – мае 1939 г. 7 февраля 1939 г. в Лондоне открылась конференция по Палестине, которая должна была войти в историю под названием «конференции круглого стола», однако ее участники – лидеры арабских политических партий Палестины, а также делегаты Египта, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Трансиордании – сразу же заявили о своем непризнании полномочий руководства «еврейского национального очага» и категорическом отказе вступать в прямые переговоры с его руководителями. Британским дипломатам пришлось вести конференцию в формате отдельных переговоров с арабской и еврейской сторонами, несмотря на ее безрезультатное окончание, правительство Великобритании опубликовало 17 мая 1939 г. выдвигавшийся им на конференции план решения палестинской проблемы как «Декларацию о политике в Палестине».

В «Декларации» подтверждалось, что английский кабинет всегда руководствовался тем определением термина «еврейский национальный очаг», которое содержалось в меморандуме Черчилля 1922 г. «Правительство Его Величества, – говорилось в «Декларации», – твердо придерживается этой интерпретации декларации Бальфура и расценивает ее как обоснованное и всестороннее определение еврейского национального очага в Палестине». В настоящее время «еврейский национальный очаг» в Палестине, заявлялось далее, уже создан и дальнейшее его развитие будет нарушением британских обязательств перед арабами. «Очевидность того, что правительство Его Величества выполнило свои обязательства в этом отношении заключается в фактах... с 1922 г. более чем 300 000 евреев иммигрировало в Палестину, население национального дома возросло до 450 000 или 1/3 населения страны...» [21]. Этим заявлением фактически подводилась черта под англо-сионистским сотрудничеством, начавшемся с провозглашения декларации Бальфура.

Характеризуя коллизии британской политики по отношению к Палестине в межвоенный период, американский историк П. ван Альстайн писал: «Сионистское руководство подразумевало под "национальным очагом для евреев" плацдарм для еврейского национального государства. Британское правительство и не думало заходить так далеко ... Британская цель была смешанной: дать евреям шанс, но одновременно поддержать и арабов. Британская политика, таким образом, подразумевала весьма рискованную игру: убедить арабов согласиться с идеей национального очага для евреев в Палестине, но не создавать там еврейское государство, а также достичь компромисса между арабами и евреями в Палестине и не допустить при этом доминирования евреев над арабами» [цит. по: 1, с. 117].

Таким образом, в истории интерпретации понятия «еврейский национальный очаг»

представляется возможным выделить три этапа: 1) сионистский – понятие было сформулировано в Базельской программы 1897 г. в духе националистической доктрины рубежа XIX – XX вв. как эвфемизм понятия «еврейское государство»; 2) сионистско-британский – в результате переговоров сотрудников британского внешнеполитического ведомства с представителями сионистского руководства понятие «еврейский национальный очаг» было включено в декларацию Бальфура от 2 ноября 1917 г., ставшею частью британского проекта послевоенного устройства Ближнего Востока; 3) британский – понятие «еврейский национальный очаг» получило такое определение в Белой книге 1922 г., опираясь на которое Великобритания стремилась в межвоенный период реализовать в Палестине концепцию «общего дома» евреев и арабов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. В 2-х тт. / Под общ. ред. О.А. Колобова. – Т.1. Закономерности и особенности. – Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, 2008.
2. Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. В 2-х т. / Под общ. ред. О.А. Колобова. – Т.2. Документы. Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, 2008.
3. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 146–200.
4. Геман Ф. Пробуждение еврейской нации. Путь к окончательному решению еврейского вопроса. – Одесса: Издательство магазина Я.К. Шермана, 1898.
 5. Декларация Бальфура. Присоединение САСШ 31 августа 1918 г. // Гуревич Л.Б. Сирия, Палестина, Месопотамия (Мандатные страны). – Л., 1925. – С. 58–59.
6. Истоки и история проблемы Палестины, 1917–1947 гг. / Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк: ООН, 1978.
7. Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А. Документальная история арабо-израильского конфликта: Хрестоматия. – Нижний Новгород: ННГУ, 1991.
8. Крапивин М.Ю. Российская сионистская организация и советское государство в первые послереволюционные годы (1918–1920 гг.) // Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории. Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г. – СПб.: Олеариус пресс, 2008. – С. 134–149.
9. Лакер В. История сионизма / Пер. с англ. А. Блейз, О. Блейз. – М.: Крон-пресс, 2000.
10. Ласкина Е.Г. Обсуждение вопроса создания «еврейского национального очага» в еврейской общине США // Динамика арабо-израильского конфликта. Материалы научной конференции. – Нижний Новгород: ННГУ, 1991. – С. 8–13.
11. Рафес М. Палестинский погром и палестинская идея. – М., 1920.

12. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. – М.: Академический проект, 2008.
13. Сакер Говард М. История Израиля. От возникновения сионизма до создания Государства Израиль. Т.1. – Иерусалим: «Библиотека Алия», 1994.
14. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Алетейя, 1998.
15. Черчилль В. Мировой кризис. М. –Л.: Государственное военное издательство, 1932.
16. Шевелев Д.Л. Декларация Бальфура 2 ноября 1917 г. и сионистский проект 18 июля 1917 г.: семантический анализ текста // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – №1. – С. 82–86.
17. Шевелев Д.Л. Палестина в англо-арабской дипломатической игре в 1915–1939 гг. // Переписка Мак-Магона – Хусейна 1915–1916 гг. и вопрос о Палестине: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 5–102.
18. Шевелев С.С. Влияние Белой книги 1939 года по Палестине на ситуацию в стране // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Серия «История». – Том 14 (53). – 2001. – № 1. – С. 74–79.
19. Шевелев С.С. Возникновение сионизма и Палестины на рубеже XIX–XX веков // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 20. – С. 113–119.
20. British White Paper of June 1922. http://avalon.law.yale.edu/20th_century/brwh1922.asp
21. British White Paper of 1939: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/brwh1939.asp
22. Cohen M. J. The Origins and Evolution of the Arab-Zionist Conflict. – Berkeley: University of California Press, 1987.
23. Dokumente zur Geschichte des deutschen Zionismus 1882–1933 / Hrsg. und eingel. von Jehuda Reinharz. – Tubingen: Mohr, 1981.
24. The Balfour Declaration of 1917 // http://avalon.law.yale.edu/20th_century/balfour.asp
25. Weizmann Chaim: Trial and error. New York: Harper Brothers, 1949. – Vol. 1.

MIKHAIL AGAPOV

«A NATIONAL HOME FOR THE JEWISH PEOPLE»: THE DEVELOPMENT OF THE NOTION

SUMMARY

The article is devoted to origination and evolution of the key notion for the Zionist movement – «a national home for Jewish people», from 1897 to 1939. The author considers Zionist, British Zionist and British semantic fields of the notion and its interpretation in each of the fields.

Keywords: «A national home for Jewish people», Zionism, Bazel Program, Balfour Declaration, British Politic for Palestine, Churchill White Paper of 1922, MacDonald White Paper of 1939.

ФАКТОР АРАБО-ЕВРЕЙСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПАЛЕСТИНЫ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ

АННОТАЦИЯ

В 1917 году Великобритания захватила Палестину. После окончания Первой мировой войны встал вопрос о формировании гражданской администрации. В статье этот процесс рассматривается в контексте арабо-еврейского противостояния.

Ключевые слова: Палестина, Великобритания, гражданская администрация, арабо-еврейский конфликт, сионизм

Одним из важнейших вопросов британской политики в Палестине в межвоенный период был вопрос об организации и развитии системы управления ее территорией. Данный вопрос был сопряжен с проблемой распределения полномочий между внешнеполитическими структурами, прежде всего, Министерством по делам колоний и МИД, ставил задачи по формированию и дальнейшему функционированию органов управления Святой Землей, и, в конечном счете, определял уровень, формы и методы контроля над этой частью ближневосточного региона.

Примечательно, что ближневосточный вопрос, несмотря на неоднозначность принятых решений и выработанных принципов, был практически разрешен на Парижской мирной конференции. По итогам обсуждений наметилось два базовых элемента в подходе к расстановке сил на Ближнем Востоке:

1. на регион распространялась мандатная система;
2. мандаты на управление территориями будут распределены между Францией и Великобританией.

Несмотря на то, что мандаты носили формально-правовой характер их значимость для развития систем контроля над ближневосточными территориями и взаимоотношений держав в регионе была исключительной. К концу 1920 г. властные полномочия от военных администраций и оккупационных режимов в различных частях Ближнего Востока начали

переходить к так называемым Гражданские администрациям. При этом государства-мандатарии должны были учитывать специфику общественно-политического и экономического развития подмандатных территорий, а также их этноконфессиональные особенности. Так, разработка и начало реализации нового политического курса Великобритании в управлении Палестиной ставилось в зависимость от весьма существенного фактора – фактора арабо-еврейских противоречий.

В британской политической элите начала 1920-х годов не сформировалось общего подхода к оценке взаимоотношений арабской и еврейской частей населения. К примеру, А. Бальфур, определяя развитие взаимоотношений между арабами и евреями в Палестине, выступил убежденным сторонником «цивилизаторской миссии» сионистской организации. Данное положение дел, согласно его концепции, автоматически исключит возможности для начала этноконфессионального конфликта. А. Бальфур полагал, что еврейская иммиграция будет способствовать экономическому и техническому развитию Палестины, процветанию двуединого государства [15, р.94–97].

Д. Ллойд-Джордж исключал возможность арабо-еврейской конфронтации, указав на соблюдение Великобританией прав арабских народов и четкое осознание целей политики сионистской организации. Основной аргумент, приводившийся Д. Ллойд-Джорджем, сводился к уверенности в осознанности проводимой политики, в ее устойчивости и планомерности. Постоянные контакты Великобритании с мусульманами с одной стороны и иудеями с другой порождали уверенность в том, что Палестина под британским контролем способна развиваться как страна двух наций, без ущемления прав какой-либо из них [2, с.304].

Глава Восточного комитета МИД Великобритании Дж. Керзон подходил к вопросу о развитии отношений между арабской и еврейской частями населения весьма скептически. Это объяснялось, во-первых, его отношением к сионизму как идеологии в целом, во-вторых, рассмотрением ситуации с позиции имперской геостратегии, не допускавшей никаких просчетов в реализации политики на периферии мира. Еще в октябре 1917 г. в своей докладной записке «Будущее Палестины» Дж. Керзон указал на невозможность сосуществования на Святой Земле народов, исповедующих столь различающиеся религии и имеющих совершенно не совместимые системы ценностей. В оценках Дж. Керзона это неизбежно приведет к началу конфликта, разрешить который будет достаточно сложно [19]. Примечательно, что в своем письме к Э. Монтегю он назвал идею «возвращения» евреев в Палестину абсурдом, особо подчеркнув, что это приведет к обострению аграрного вопроса и вопроса о статусе Иерусалима. Указанные противоречия по мнению Дж. Керзона сводят к

минимуму возможности налаживания конструктивного диалога между арабами и евреями [10, p.60–77].

У. Черчилль, возглавивший в 1921 г. Министерство по делам колоний Великобритании считал, что политика Великобритании в Палестине в целом четко продуманна, весьма сдержанна и осторожна [12; 6].

У. Ормсби Гор в августе 1918 г. представил МИД Великобритании доклад, в котором уделил внимание будущим отношениям арабов и евреев в Палестине. Его рассуждения базировались на отказе от признания Палестины устойчивым географическим образованием, могущим появиться на политической карте мира только по воле Лондона. Своеобразная идея «ограниченного суверенитета» вселяла уверенность в том, что эта часть Ближнего Востока вполне может включить в себя еврейский национальный очаг, по сути, также не имевшего определенного статуса. Такое положение дел, согласно взглядам У. Ормсби Гора, исключало возможность возрастания угрозы этноконфессиональных противоречий, поскольку и у арабов и у евреев отсутствовала собственная «инстанция суверенитета» [4].

Директор разведывательной службы Великобритании У. Макдоног был убежден в способности Великобритании сдержать этноконфессиональную конфронтацию в Палестине, так как сами по себе еврейские иммигранты не представляют никакой опасности для арабов. Основную же угрозу стабильности в стране представляют большевистские идеи, приводящие к радикализации отдельных групп переселенцев [5].

Профессиональный разведчик и политик Т.Э. Лоурэнс, прекрасно знакомый со спецификой Арабского Востока, в марте 1919 г. в одном из своих писем Д. Ллойд-Джорджу отмечал, что арабы никогда не примут идею независимой еврейской Палестины, но могут допустить и даже поддержать еврейскую иммиграцию, осуществляемую под контролем Великобритании [3, p.302].

Видный британский дипломат Ф. Берти, прогнозируя развитие ситуации в Палестине, без особого оптимизма рассматривал отношения арабов и евреев. Он считал еврейскую иммиграцию небезопасной для укрепления британского влияния на Арабском Востоке, поскольку это добавит Лондону проблем. Великобритания, по его мнению, не имела достаточно устойчивых позиций в регионе для того, чтобы реализовывать столь масштабный проект как создание и развитие еврейского национального очага [1, с.198].

Аналогичные оценки выставлял и член британского парламента граф Уинтертон, который призывал учитывать религиозный фактор и, в этой связи, настаивал на тщательном изучении ситуации в Палестине. Именно теория конфронтации по линии «одна земля – две нации» была для графа определяющей. Следовательно, Лондон при реализации политики

Декларации Бальфура мог оказаться в весьма непростой ситуации и выступить в качестве «генератора» арабо-еврейских противоречий [10, p.19; 11].

Приведенные выше данные со всей очевидностью демонстрируют неоднозначность, а порой и противоречивость взглядов представителей британского истеблишмента на проблему арабо-еврейских отношений. Несмотря на поддержку Палатой общин так называемой «политики Декларации Бальфура» не был принят во внимание целый ряд существенных компонентов проблемы. Во-первых, на концептуальном уровне не была выработана основа построения взаимоотношений коренного арабского населения Палестины с еврейскими иммигрантами. Во-вторых, противоречивость во взглядах и подходах затрудняло разработку и принятие ключевых решений как в ближневосточном отделе МИД так и в органах управления Палестиной.

Следует отметить, что при всей сложности развития ситуации в арабо-еврейских отношениях в 1920-е–1930-е годы, одним из определяющих ее компонентов стало отсутствие прочной концептуальной парадигмы в принимаемых решениях.

К моменту перехода властных полномочий от Оккупационной администрации к Гражданской, вопрос о развитии отношений между арабской и еврейской частями населения Палестины оставался неразрешенным. После формального одобрения в Палате общин в декабре 1919 г. кандидатуры Г. Сэмюэла на пост Верховного комиссара Палестины [13, col. 47; 7, p.341] подразделения МИД активизируют работу по сбору информации относительно ситуации в стране [8; 16, p.98]. В конце января 1920 г. Г. Сэмюэл был направлен в Палестину для самостоятельного ознакомления с обстановкой. 2 апреля 1920 г. он направил письмо министру иностранных дел Дж. Керзону, в котором сообщил о некоторых итогах пребывания в стране. В общем контексте Г. Сэмюэл осветил две принципиально важных стороны проблемы контроля над Палестиной. Во-первых, ряд выводов касался взаимоотношений в Палестине арабов и евреев. Во-вторых, предоставлена информация о политической ситуации, в частности, о работе Оккупационной администрации.

Информируя Дж. Керзона о состоянии арабо-еврейских отношений в Палестине, Г. Сэмюэл отметил подъем антиссионистских настроений, основывающихся на предубеждении, что поток иммиграции сократит коренное население. Носителями подобных настроений, равно как идеи союза с Сирией, по мнению Г. Сэмюэла, выступают эфенди (арабские землевладельцы), намеренные получить ключевые административные посты в проектируемых органах управления [8, vol.4, p.236].

Еврейские иммигранты, согласно выводам Г. Сэмюэла, осуществляют вполне мирную деятельность, концентрируя внимание на экономическом развитии. Работа Оккупационной

администрации, согласно оценкам Г. Сэмюэла, вызывала массу вопросов, поскольку в руководстве органа по-прежнему преобладает алармистский взгляд [8, vol.4, p.239]. Особый интерес представляют данные Г. Сэмюэла о восприятии офицерами Оккупационной администрации проекта сионизации Палестины. Большая часть сотрудников Администрации рассматривала его как особого рода инструкцию Правительства Его Величества. Кроме этого, в письме содержался собственный взгляд Г. Сэмюэла на будущее Палестины, основанный на признании эффекта мандатного управления Великобритании. Политика новой администрации будет опираться на принцип передачи функций управления местному населению. Однако для сохранения прочных позиций Лондона на Ближнем Востоке следовало развивать национальный очаг для евреев как оптимальную модель противодействия стремлениям арабов к суверенитету [8, vol.4, p.243].

Информация, предоставленная Г. Сэмюэлом в МИД, имела совершенно определенную цель: для успокоения членов парламента и общественного мнения в Великобритании он предоставил данные, скрывающие тенденции углубления противоречий между арабами и евреями в Палестине. Невозможность Оккупационной администрации оказать воздействие на разрешение конфликтной ситуации представлялась всего лишь как стечение обстоятельств, а опасения отдельных ее сотрудников дальнейшей дестабилизацией объяснялись субъективным взглядом на обстановку.

Реальное положение дел в Палестине никак не соответствовало предоставленной информации. Антисионистская пропаганда, основанная на протесте против претворения в жизнь Декларации Бальфура, значительно расширилась. Вместе с тем, и со стороны британских властей различных уровней, и со стороны политических лидеров сионизма совершенно отсутствовали пояснения складывающейся ситуации. Иммиграция увеличивалась количественно, и все в большей степени влияла на общественно-политическое и экономическое развитие Палестины [14, p.37]. Неоднозначность подхода к фактору арабо-еврейской конфронтации формировалась на фоне многочисленных документальных данных, предоставляемых Правительству Его Величества разведывательными службами и официальными структурами МИД. Эта информация в совокупности со всей очевидностью демонстрировала британскому истеблишменту взаимный протест политических лидеров палестинских арабов и сионистской организации В мае 1920 г. Директор Военной разведки У. Свэйтс сообщил в Лондон, что при общей положительной оценке состояния дел с соблюдением прав палестинских арабов, права еврейских общин значительно шире. Данная система преференций, по его замечанию, основана на принципах Декларации Бальфура, и никоим образом не устраивает сотрудников Оккупационной Администрации [17].

Глава МИД Великобритании Дж. Керзон признал, что Оккупационная администрация не справляется с трудностями, напрямую связанными с политическими и религиозными противоречиями между арабами и евреями [18, p.137]. Впрочем, данное заявление, как и целый ряд других, не стимулировали британское правительство и внешнеполитические структуры к выработке практических мер по предотвращению расширения конфликта.

В период передачи властных полномочий от Оккупационной к Гражданской администрации достаточно популярным становится рассуждения о нецелесообразности назначения Г. Сэмюэла на пост Верховного комиссара. В частности, А. Мани и С. Ватсон высказались против назначения Г. Сэмюэла, мотивируя протест именно еврейским происхождением будущего комиссара [20, p.81]. Эту точку зрения поддержал и Э. Алленби, который посчитал назначение пусть даже британского еврея Верховным комиссаром достаточно опасным для стабилизации ситуации в Палестине. Арабы, по сообщению Э. Алленби, взволнованы этим назначением и воспринимают его как переход власти в руки «сионистской администрации» [8, vol.13, Doc.246, p.255].

В мае–июне 1920 г. ближневосточный отдел МИД продолжил мероприятия по подготовке перехода властных полномочий в Палестине к гражданской администрации. В этот период обмен мнениями между Дж. Керзоном и Э. Алленби по поводу замены Оккупационной Администрации, главным образом, затрагивал позицию эмира Фейсала. Согласно переданной Э. Алленби информации, эмир считает создание системы контроля под руководством еврея неприемлемым для арабов [8, vol.13, Doc.257, p.284; 8, vol.13, Doc.242, p.250].

Основные инструкции Дж. Керзона сотрудникам, работающим непосредственно в Сирии и Палестине, формулировались следующим образом: «...назначение мистера Сэмюэла Верховным комиссаром Палестины – есть решение Правительства Его Величества, которое исходит из убеждения, что его хорошая репутация и административный опыт позволят эффективно справляться со всеми задачами. Его авторитет среди сионистов и симпатии к нему со стороны арабов дадут возможность уравнивать интересы этих сторон. Этот принцип будет отправной точкой функционирования новой системы гражданской администрации» [8, vol.13, Doc.261, p.287]. Инструкции подобного содержания не были свойственны прагматичному Дж. Керзону, скептически подходившему и к расширению контактов с арабами, и к поддержке планов сионистской организации. Нужно полагать, что решение было продиктовано осложнением внутривосточной ситуации в Палестине и требованиями Палаты общин изменить положение дел в Святой земле. Г. Сэмюэл, во многом домысливая инструкции Дж. Керзона, предложил найти

компромиссный вариант, позволявший частично удовлетворить арабские требования независимости, но исключить Палестину из сферы влияния Фейсала. Уступки арабской части населения заключались в учреждении внутри палестинской администрации собственно арабской администрации с некоторыми полномочиями в области таможенной политики, развития транспортной сети в стране и контроле над Святыми местами [8, vol.13, Doc.269, p.295]. Таким образом, Г. Сэмюэл предложил развивать в Палестине принципы гражданского самоуправления. Предполагалось, что фактор арабо-еврейских противоречий с переходом власти к Гражданской Администрации постепенно будет аннулирован за счет формирования двуединых политических институтов и реализации совместных экономических проектов.

В целом, в период перехода контроля над Палестиной от Оккупационной Администрации к Гражданской фактор арабо-еврейских противоречий объективно выступал в качестве определяющего политическую стабильность, и, следовательно, рассматривался британскими политиками в качестве основополагающего компонента существования в перспективе уникального по своим этноконфессиональным параметрам двунационального государственного образования. Однако практически все вопросы, так или иначе затрагивающие передачу власти и создание новой системы управления, вызывали крайне неоднозначную реакцию политиков, сотрудников МИД и Военного кабинета. В этих обстоятельствах Лондон пытался как можно скорее решить свои региональные геостратегические задачи. В частности, не взирая на возрастание угрозы этноконфессиональной конфронтации, Правительство Его Величества приняло решение учредить Гражданскую администрацию в соответствии с принципами мандатного управления, и, тем самым, окончательно решило спор о Палестине в свою пользу. Вместе с тем, изначально лишённая общественного признания и со стороны арабской и со стороны еврейской частей населения, вынужденная постоянно обращаться к фактору конфронтации, Администрация оказывалась в крайне затруднительном положении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. – М.–Л.: ГИЗ, 1927.
2. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. – Т. 2 – М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
3. Aldington R. Lawrence of Arabia. – L.: Penguin books, 1969.
4. Cabinet papers, 14 June. 1918. PRO CAB 27/27.
5. Cabinet papers, 5 December. 1918. PRO CAB 27/ 24.
6. Cohen M.J. Churchill and the Jews. – London: Frank Cass, 1985.

7. Davis H.M. *Constitutions, Electoral Laws, Treaties of States in the Near and Middle East*. Durham, NC: Duke University Press, 1947.
8. *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939* / ed. by E.L. Woodward & Rohan Butler – Ser. 1. – Vol. 4, 8, 10, 13.
9. *Documents Relating to the Balfour Declaration and the Palestine Mandate*. – London, 1939
10. Gilmour D. *The Unregarded Prophet: Lord Curzon and the Palestine question* // *Journal of Palestine studies*. – 1996. – XXV. – №3.
11. Great Britain. Parliament. House of Commons. *Parliamentary debates. Official reports. 5th series*. – London, 1922. – Vol. 143. – №83–91.
12. Great Britain. Parliament. House of commons. *Parliamentary debates. Official reports. 5th series*. – London, 1923. – Vol. 168. – № 79.
13. Great Britain. Parliament. House of Commons. *Parliamentary debates. Official reports. 5th series*. – London, 1920. – Vol. 122. – № 91.
14. Hyamson A. *Palestine Under the Mandate, 1920–1948*. – London, 1950.
15. Judd D. *Balfour and the British Empire. A study in imperial evolution 1874–1932*. – N.-Y., 1968.
16. Meinertzhagen R. *Middle East diary 1917–1956*. – London: The Cresset Press, 1959.
17. Memorandum by Thwaites, June, 21, 1920 / *Cabinet Papers, CAB 24/108/1054*.
18. *Palestine 1917–1944. A review by Windham Deeds*. – London, 1946.
19. *The Future of Palestine. 26 October, Cabinet papers 112/266*.
20. Wasserstein B. *The British in Palestine. The Mandatory Government and Arab-Jewish conflict 1917–1929*. – London: Royal Historical society, 1978.

ANTON SHANDRA

THE IMPACT OF THE ARAB-JEWISH CONFRONTATION ON THE FORMATION OF BRITISH CIVIL ADMINISTRATION IN THE MANDATORY PALESTINE

SUMMARY

Following its occupation by British troops in 1917–1918, Palestine was governed by the Occupied Enemy Territory Administration. In July 1920, the military administration was replaced by a civilian administration headed by a High Commissioner. The first High Commissioner, Herbert Samuel, arrived in Palestine on 20 June 1920, and complied with a demand from the head of the military administration, General Sir Louis Bols, that he sign a receipt for ‘one Palestine, complete’. The value to the British was apparent in the effort expended to continue the Mandate, despite periods of major domestic strife in the each decade of British rule. The unresolved conflicts of the day continue to play out in the daily news now, some 60 years later.

Keywords: Palestine, British mandate, Civil administration, Zionism

ПРИНЦИП СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ НА ЗЕМЛЕ ПАЛЕСТИНЫ В ГОДЫ БРИТАНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

АННОТАЦИЯ

Для Палестины период британского мандата стал поворотным в политическом и идеологическом плане. Утвержденный в тексте мандата на эту территорию, который Лига Наций передала Британии в 1922 году, принцип «свободы совести» стал центральным принципом английского правления. В данной статье, проследив развитие принципа свободы совести и вероисповедания в Европе в целом и в Великобритании в частности, автор показывает, как приверженность последней соблюдению данного принципа повлияла на судьбу еврейского ишува и всего региона.

Ключевые слова: принцип свободы совести и вероисповедания, Великобритания, Палестина, британский мандат.

Принцип свободы совести и вероисповедания

Принцип свободы совести и вероисповедания – право человека иметь любые убеждения, исповедовать и практиковать любую религию. Исторически значение термина расширилось, включив в себя так же право не практиковать и не исповедовать никакой религии, проповедовать религиозные и прочие мировоззрения. Возникнув в период Реформации в Европе, он стал идеологической основой процесса разрушения идеологической и духовной монополии Католической церкви в Европе. В течение XVI–XVII веков идея о том, что человек имеет право верить в то, во что он хочет верить постепенно распространялась из страны в страну, утверждаясь в сознании европейцев.

Теоретически обоснованная в XVII–XVIII веках необходимость веротерпимости и свободы совести претворялась в жизнь медленно, далеко не всегда последовательно и далеко не везде. При этом, скорость продвижения государств к светскому характеру различалась от государства к государству [3; с.119]. Однако устои конфессионального государства подтачивались общей секуляризацией общественной мысли, без которой, по словам автора, «...само обоснование необходимости свободы совести было бы невозможным» [3; с.120]. Политики в своей деятельности стали руководствоваться идеями государственной интересов и начали придерживаться принципа веротерпимости ради обеспечения общественной стабильности. Как пишет Стецкевич, наиболее популярными были идеи английского философа Дж. Локка (1632–1704), заключавшиеся в том, что «терпимость и уважение к чужой вере только укрепляют государственное правление и политический режим» [3; с.121].

Главной силой, в течение долгого времени сопротивлявшейся набиравшей силу секуляризации общества и власти, отвергавшей и всячески тормозившей процесс смены религиозного сознания светским, была Римско-Католическая церковь. Папство, все еще бывшее влиятельным во многих странах, выступало против распространения идей свободы совести и веротерпимости, и тем более против их законодательного закрепления в католических странах. Во многом папство потеряло связь со временем, отказавшись признать Вестфальский мир и его последствия. Римские прелаты продолжали, как если бы ничего не изменилось, «низлагать «недостойных» князей и требовать от католических монархов принятия мер по уничтожению протестантов [3; с.122]. Однако эти требования, естественно, никем не воспринимались в серьез и не удовлетворялись.

В 1768 году папа Климент XIII, ссылаясь на буллу «*In Coena Domini*», изданную еще в 1536 году, в которой перечислялись преступления, за которые следует отлучение от церкви (среди упоминавших в булле преступлений были оказание помощи еретикам, сношения с еретиками, отмена светскими судами приговоров церковных трибуналов) объявил недействительными и незаконными по сути решение герцога Пармского ограничить юрисдикцию Папы в своих владениях. Вслед за этим Франция, Испания и Неаполь ввели свои войска на территорию Папской области и заставили папу Климента отменить чтение буллы «*In Coena Domini*» в католических храмах (окончательно чтение прекратилось в 1769 году) и распустить орден «Общества Христа» (более известный как Орден Иезуитов). Таким образом, Римские папы вынуждены были, под прямым военным давлением, признать принцип невмешательства во внутренние дела католических стран, правители которых стремились к реализации своих собственных, а отнюдь не общехристианских или общекатолических, интересов. С этого времени начался постепенный процесс переход церкви под контроль государства; в некоторых странах он занял более полутора веков.

На протяжении всего XIX века Римский престол занимал резко отрицательную позицию по отношению к принципу свободы совести. Любые акты, законы и статьи конституций, гарантировавшие свободу вероисповедания, воспринимались в Папами с гневом и возмущением, а сама свобода совести характеризовалась, цитируя энциклику папы Григория XVI «*Mirari vos*», опубликованную в 1832 году, не иначе как «безумие». Наиболее детально позиция Римской Католической церкви изложена в документе «*Syllabus Errorum*», который является приложением к энциклике Пия IX «*Quanta Cura*», изданной в 1864 году. Тезисы 15, 77, 78, 79 характеризуют свободу вероисповедания как «заблуждение». А тезис 80 характеризует называет «заблуждением» «необходимость приспособления папства к прогрессу, либерализму и современной цивилизации» [2; с.122]. Сама же энциклика «*Quanta Cura*» постулирует свободу Церкви от прямого государственного контроля и обязательность применения к нарушителям церковных законов светских наказаний по приговору мирского суда.

Однако уже в конце XIX века, в период понтификата Льва XIII, в позиции папства наметились изменения. В целом ряде эдиктов (как то «*Immortale Dei*», изданный в 1885 году, или «*Libertas Praestantissimum*», опубликованный в 1888 году) еще оставался тезис не только о необходимости, но и естественности союза «трона и церкви» и о нежелательности предоставления равных прав с «истинной католической религией» всем остальным, «ложным религиям». В то же время, принуждение в вопросах веры уже осторожно осуждалось, а так же выражалась готовность сгласиться с «некоторыми вещами, противными истине и справедливости». И, хотя это была вынужденная уступка, все же, по сравнению с энцикликой «*Syllabus Errorum*» определенные положительные изменения явно имеют место быть.

В XVIII и в XIX веках Римские Папы решительно возражали против прямого государственного контроля над церковью со стороны власти. В это же время, в энциклике «*Immortale Dei*» утверждается готовность принять любую форму государства при соблюдении и обеспечении церковной свободы, а новое издание «*Codex Uris Canonici*», опубликованное в 1917 году, уже не содержало притязаний папы на светскую власть. Таким образом, стремясь к независимости церкви от государства и признанию прав католиков на самоорганизацию внутренней жизни церкви, Святой престол объективно, совершенно к этому не стремясь, способствовал утверждению одной из неотъемлемых частей свободы совести – религиозной свободы. Однако эта свободы маслилась как свобода церкви во внутренних делах, а не как свобода религии для каждого отдельного человека.

В конце XVII века в протестантских странах терпимость общества и власть предрержащих к иноверцам была значительно выше, чем в странах католических. В 1613,

когда курфюрст княжества Бранденбург Иоанн-Сигизмунд перешел из лютеранства в кальвинизм, он не стал принуждать своих подданных последовать его примеру (как того требовал принцип «чья власть, того и вера»), что фактически сделало равноправными всех его подданных – приверженцев этих двух разновидностей протестантизма. Курфюрст Фридрих Вильгельм (1640–1688) издал в 1685 году Потсдамский эдикт, предоставивший право въезда в страну представителям всех христианских деноминаций, и сразу же более 20 тысяч гонимых французских гугенотов, голландских протестантов, евреев, а также протестантов, изгнанных архиепископом Зальцбурга из его владений, прибыли и поселились в княжестве Бранденбург, опустошенном Тридцатилетней войной, и в немалой степени способствовали его экономическому развитию.

В 1701 году было образовано Бранденбургско-Прусское королевство. В этот период широкую популярность в Европе приобрела фраза: «Надо терпеть все религии, пусть каждый спасается как хочет» [3; с.123]. Вследствие этого короли Фридрих Вильгельм I (1713–1740) и Фридрих II Великий (1740–1786) активно приглашали колонистов, не обращая внимание на их вероисповедание. Находясь под сильным влиянием идей Просвещения, они покровительствовали различным конфессиям. Три церкви – лютеранская, католическая и реформатская стали в это время близки к равноправию, что было зафиксировано в *Landrecht* («Общем земельном праве»), принятом в 1794 году. Подданным королевства гарантировалась «полная свобода веры и совести», включая право перехода из одной конфессии в другую. Три упомянутых церкви были признаны публичными корпорациями со статусом юридических лиц и право свободного отправления культа. Другие же христианские деноминации получили статус «терпимых».

Прусские монархи, как и другие германские правители, исходя из принципа «неделимости власти», считали возможным вмешательство в чисто религиозные вопросы. В 1817 году Фридрих Вильгельм III (1797–1840) способствовал объединению реформаторов и лютеран в Евангелическую Церковь Пруссии, светским главкой которой он сам и стал. Под жестокий контроль государства попала и Римская Католическая церковь. Свобода ее сношений с Римом была ограничена. Однако события, известные как «Кельнские волнения» привели к тому, что прусское правительство признало, что для принятия чисто церковных актов государственное одобрение не нужно. И хотя периодически Пруссия продолжала вмешиваться во внутрикатолические вопросы, значительный шаг в религиозной свободе был сделан.

Во время революции 1848–1849 годов была сделана попытка распространить на все земли и немецкие государства принципы свободы совести, которые на тот момент были закреплены, помимо Пруссии, в конституциях Баварии (1818), Бадена (1818) и некоторых

других княжеств. В 1848 году парламент, собравшийся во Франкфурте, принял имперскую конституцию, провозгласив свободу совести и вероисповедания, свободу религиозных обществ, гражданское и политическое равноправие вне зависимости от вероисповедания.

Провозглашенная в 1871 году в Версале Германская империя стала многоконфессиональным государством, с очевидным численным преобладанием протестантов над католиками. И хотя последние не подвергались ярко выраженной дискриминации, их положение в реальности отличалось от положения немцев, исповедовавших протестантизм, причем в отличалось в худшую сторону. Германский император сохранил за собой титул главы Евангелической церкви. Немецкие же католики стремились к реальному равноправию и практически сразу после вхождения католических государств в состав империи образовали в 1872 году партию центра. Она выступала за свободу совести, предлагая включить соответствующие статьи прусской конституции в имперскую, а затем и принять специальный закон о равноправии религий (который, надо отметить, в итоге был принят, но лишь в 1900 году).

Политическая активность католиков, требовавших равноправия с протестантами и не признававших во многих вопросах доминирования протестантской Пруссии, привела к конфронтации с имперским канцлером Отто фон Бисмарком, усматривавшем в действиях католических частей государства не что иное как сепаратизм. В 1870-х были приняты антикатолические законы, получившие название «*Kulturkampf*». Орден иезуитов был изгнан, другие же ордена были ограничены в своей деятельности, католическое духовенство в целом подверглось репрессиям. Однако, несмотря на свой масштаб и размах, «*Kulturkampf*» провалился, и в 1880–1887 годах все принятые в его рамках указы и декреты были отменены: католическая церковь отстояла свою независимость. Единственным достижением политики Бисмарка в области борьбы с католиками, было введение обязательного гражданского брака.

В 1918 году, после падения монархии и образования Веймарской республики, Германия стала второй крупной страной в Европе, после Франции, законодательно закрепившей отделение Церкви от государства. Республиканская конституция провозгласила, что не существует государственной церкви. Ряд статей конституировал признание свободы совести и вероисповедания как прав личности, которые гарантированы в той мере, в какой они не противоречат единому для всех граждан закону.

Развитие принципа свободы совести и вероисповедания в Великобритании

В Англии борьба за свободу совести сопровождалась значительными политическими потрясениями. После реставрации династии Стюартов в 1660 начали предприниматься попытки восстановить духовную монополию англиканства. Ситуацию осложняло то, что король Карл II симпатизировал католицизму, а его брат и наследник трона Яков, герцог Йоркский, открыто его исповедовал. В этих условиях значительная часть англикан и диссентеров больше всего опасались реставрации католицизма, который в их глазах был тесно связан с королевским абсолютизмом и ограничением свободы. Результатом стало складывание антикатолической мифологии, согласно которой, любая угроза Англии и ее интересам рассматривалась как проявление всемирного католического заговора во главе с Римом. Так, невзирая на выводы парламентской комиссии, именно католиков обвиняли в «*Great Fire*» (Великом пожаре) 1666 года. Именно поэтому диссентеры не возражали против антикатолических актов парламента, которые ограничивали и их права. В 1673 году был принят «Акт о проверке», который требовал от всех государственных служащих принятия декларации, отрицающей католическое учение о пресуществлении и совершения причастия в англиканском храме. В 1678 году данное действие этого эдикта было распространено на членов палаты лордов. Вскоре те же меры были распространены на Палату Общин, а так же на весь Лондон и его окрестности. Однако попытка исключить герцога Йоркского из линии наследования, которая вошла в историю как «исключительный кризис» 1679–1681 годов, закончилась неудачей.

В 1685 году, когда Яков II занял английский престол, он стал открыто нарушать законы, которые ограничивали его единоверцев. В 1687–1688 гг., в обход Парламента, была утверждена «Декларация о веротерпимости», которая предоставила всем христианам свободное отправление культа и отменяла репрессивные меры в отношении диссентеров и католиков. Эти меры были восприняты первыми как попытка легализовать католицизм. Оппозиционеров в лице недовольных англиканских епископов и Архиепископа Кентерберийского У. Сэнкрофта король заключил в Тауэр.

В сложившихся условиях некоторые члены Парламента обратились к наследному штатгальтеру Нидерландов Вильгельму Оранскому, женатому на дочери Якова II Марии, с просьбой прибыть в Великобританию с тем, чтобы защитить протестантскую религию, свободу и собственность. Последовавшая за этим высадка Вильгельма и его войск в Англии и бегство Якова во Францию, имевшие место в конце 1688 – начале 1689 года, вошли в британскую историю как «славная революция». В 1701 году был принят «Акт об устройении»,

действующий до сегодняшнего дня и исключающий возможность получения короны католиком или женатым на католичке.

Важным событием «Славной Революции» стало принятие в 1689 году «Акта о веротерпимости», целью которого было объединение всех протестантов против низложенного Якова. В соответствии с Актом все протестанты-диссентеры, кроме антитринитариев, приобретали право свободно исповедовать свою религию и совершать богослужение, это означало, что с религиозным единообразием в Англии было покончено. Однако «Акт о веротерпимости» вовсе не предусматривал политического равноправия диссентеров, поскольку «Акт о проверке» оставался в силе.

В конце XVII – начале XVIII веков было принято огромное количество ограничительных законов в отношении католиков, которые касались прав на приобретение и наследование земли, покупки лошадей и владения оружием. Католики не могли открывать школы, быть юристами, врачами и аптекарями, удаляться больше чем на пять миль от места проживания. Совершение католической мессы было вне закона, вследствие чего число католиков к концу XVIII в. (по сравнению с серединой XVII в.) сократилось примерно в три раза. Сложившаяся таким образом ситуация сохранилась, с небольшими изменениями, вплоть до XIX века. Характерными чертами было господствующее положение англиканизма, терпимость в отношении диссентеров и нетерпимость в отношении приверженцев католицизма. Две последние группы должны были платить десятину и другие налоги в пользу Церкви Англии.

В 1717 году были упразднены органы самоуправления Церкви Англии – конвокации, что привело в переходу ее под полный контроль короля и Парламента. С 1714 года парламентом принимались «Акты об освобождении от ответственности» за неисполнение законов 1661 и 1673 годов. С 1727 года они стали принимать ежегодно. Это означало, что диссентеры получили реальную возможность пользоваться, наряду с англиканами, политическими правами и даже избираться в Парламент. В 1779 году диссентерские пасторы получили право осуществлять свои функции без выражения обязательного согласия с «39 статьями англиканского вероисповедания» – основным доктринальным документом англиканства. Это все подразумевало, что те из англикан, которые не согласны с союзом «трона и алтаря» или с одним из его компонентов, имели возможность совершенно законно покинуть англиканскую церковь и перейти в другую протестантскую конфессию. Следовательно, дальше речь могла идти о расширении прав, о достижении равного положения с приверженцами господствующего вероисповедания.

В 1778 году парламент утвердил законопроект, который отменил наиболее суровые антикатолические запреты. Теперь им разрешалось приобретать и наследовать землю,

отменялось преследование католических духовных лиц и школ. В 1791 году католикам разрешили совершать мессу и осуществлять рукоположение в священство. Кроме того, отменили елизаветинский закон, требовавший обязательного посещения англиканского храма по воскресеньям. Однако с 1790-х заметно ухудшается отношение к диссентерам. Это было связано с событиями Французской революции, которую те бурно приветствовали. В это же время, бежавших из Франции католиков тепло приветствовали в Британии.

Вместе с тем, принцип веротерпимости как таковой никем не подвергался сомнению, однако его применение зависело от политических обстоятельств. В 1813 году, когда волна антидиссентерских настроений спала, через Парламент легко прошел закон о распространении «Акта о веротерпимости» на антитринитариев. В 1828 году был отменен «Акт о проверке». Теперь диссентеры были уравнены в правах с англиканами. События французской революции, однако же, не смогли поколебать антикатолических настроений. Били, вносимые на рассмотрение Парламента партией вигов в 1813, 1821, 1825 года, предполагали наделение католиков как пассивными, так и активными правами, однако они неизменно тормозились правящей партией тори. Однако, опасная ситуация, сложившаяся в преимущественно католической Ирландии, заставила консервативное правительство Веллингтона осознать необходимость эмансипации католиков. В 1829 году решением Парламента они получили все политические права. Теперь, вместо декларации об отрицании учения о пресуществлении, католики должны были давать обещание не действовать в ущерб интересам Британии, включая отрицание светской власти папы и его юрисдикцию в Англии. Кроме того, католики не могли занимать должности регента, лорда-канцлера и хранителя большой печати королевства [2; с. 120].

Вслед за эмансипацией католиков и диссентеров последовали меры по утверждению и обеспечению политических и гражданских прав других религиозных меньшинств. В 1858 году в Парламент были допущены иудеи [8, с. 235–242]. В 1868 отменены обязательные выплаты в пользу Церкви Англии. В 1888–1891 году после дела Ч. Бредло последовала отмена присяги для неверующих, а затем и упразднение всех религиозных ограничений для членов высшего законодательного органа [7; с. 201].

Таким образом Британия к концу XIX столетия, обойдясь без официального конституирования свободы совести, главным образом из-за отсутствия писанной конституции, тем не менее реально ее обеспечивала. Монополия Церкви Англии никогда не была очень жесткой, да и сама церковь, осознав, что из-за тесных связей с государством, она проигрывает соревнование с диссентерами, приняла меры по дистанцированию от власти, восстановив в 1852 году заседание конвокаций и встав тем самым на путь религиозной свободы [5; с. 5, 28–32].

Двадцатый век оказался временем, когда свобода совести утвердилась в качестве официальной нормы практически во всех странах Европы. Немногие христианские лидеры отвергают мысль о необходимости закрепления принципов свободы совести в законодательных актах. А о возможности принудительного навязывания веры разговор речь в принципе идти не может. Естественно, когда Британия получила контроль над Палестиной – страной, где сосредоточены святыя места трех монотеистических религий, – принцип свободы совести и вероисповедания был объявлен одним из центральных векторов, определявших политику мандатной администрации.

Принцип свободы совести и вероисповедания как ключевое положение Мандата на Палестину

Британская политика в Палестине по отношению к религиозным меньшинствам являлась, по сути, продолжением традиционной османской политики в данном вопросе [9; с.116]. Этноконфессиональные общины Палестины сохранили за собой статус миллет (самоуправляемой общины, находящейся под покровительством властей), полученный ими еще в период турецкого правления [6; с.12–13]. Сохранение системы миллет, а также османских прав и привилегий религиозных меньшинств британскими властями было продиктовано как спецификой британского мандатного правления в Палестине, с одной стороны, так и неразрешенностью вопроса о Святых местах, с другой. Основная цель британского мандата в Палестине, как и других мандатов, полученных европейскими державами после окончания Первой мировой войны, была сформулирована в статье 22 Версальского договора об учреждении Лиги Наций, подписанного державами-победительницами в Первой мировой войне в 1919 году. Согласно этой статье договора, страна-мандатарий должна содействовать развитию подмандатных территорий до тех пор, пока жители этих территорий не смогут сформировать собственные государства на прочной национальной основе [9; с.168]. Это положение предусматривало сохранение за христианами Палестины их статуса, а также прав и привилегий, полученных в предшествующий период и их защиту. Обещание о создании еврейского национального очага в Палестине также предполагало признание гражданских и религиозных прав нееврейского населения, которое в рассматриваемый период составляло большинство населения подмандатной территории. Это означало, что британские мандатные власти собирались предоставить религиозные и административные права и привилегии всем другим общинам Палестины в той же степени, в какой они были предоставлены еврейской общине, с тем, чтобы ни одна из общин страны не

имела заметного преимущества в будущем. Одновременно с этим, стремление евреев отделиться от арабов и получить полную автономию находило косвенную поддержку мандатного правительства. Британцы были скованы взятыми ими на себя в ходе войны двумя обязательствами, которые состояли в следующем: способствовать созданию еврейского национального очага в Палестине (это обязательство было зафиксировано в Декларации Бальфура) и признать суверенитет арабского государства, которое должно было занять часть территорий бывшей Османской империи (что обещал в письме шерифу Хусейну Генри Мак-Магон). Британские политические деятели не видели противоречия между этими обязательствами. Напротив, они полагали, что в сложившейся послевоенной ситуации два национальных движения – еврейское и арабское – вполне могут сосуществовать и даже сотрудничать друг с другом.

Для более полного понимания ситуации следует упомянуть также и Францию, которая стремилась реализовать свои собственные геополитические интересы в Сирии и в Ливане. Это могло послужить серьезным препятствием на пути к осуществлению данных шерифу Хусейну обещаний. Британские политики полагали, что за счет практически полной зависимости арабов от Британии в том, что касается реализации их устремлений в Сирии и в Ливане (в противовес интересам Франции), появляется возможность привести евреев и арабов к обоюдному согласию. Если арабы откажутся от своих претензий на Палестину, Британия поддержит их требования в отношении Сирии и Ливана, и, кроме того, им будет предоставлена экономическая и научно-технологическая поддержка со стороны евреев.

Уникальный религиозный статус Палестины, как колыбели христианства, а также существование на ее территории святых мест, обуславливали повышенное внимание к этому региону западных религиозных институтов, таких как Ватикан, и протестантские церкви, а также таких государств как Франция, Италия и Испания, политическое соперничество которых с Великобританией в Палестине усиливалось по причине принадлежности большинства населения этих стран к католической церкви. Любая законодательная, или административная мера, предпринятая британскими властями по отношению к христианам Палестины, могла вызвать бурю протеста и обвинения в дискриминации, как со стороны католических стран, так и со стороны протестантских общин (за исключением англиканской), стремившихся отстаивать свои позиции под покровительством их собственных деноминаций. Представители мандатных властей, а также чиновники британского министерства по делам колоний были вынуждены проводить очень осторожную политику в отношении христианских меньшинств в Палестине.

Первоначально, Великобритания выступала против сохранения за Францией былых привилегий, заявив, что это фактически означало бы наличие в Палестине двух государств-

мандатариев и мешало бы англичанам исполнять свои обязанности. Другой член Совета союзников – Италия – заявила, что, во-первых, никогда не признавала особых прав Франции, а, во-вторых, эти права потеряли всякий смысл, поскольку Иерусалим больше не находится в руках мусульман, и христианские святые места не нуждаются в специальной защите. Италия предложила включить в текст послевоенного договора союзников с Турцией параграф, где утверждалось, что, во-первых, все привилегии и прерогативы, касающиеся религиозных сообществ, объявляются утратившими силу; а во-вторых, что держава-мандатарий должна как можно скорее назначить специальную комиссию, которая изучит и определит все вопросы и притязания, выдвигаемые заинтересованными религиозными общинами [1; с.52]. Итальянское предложение было поддержано Великобританией, и в конечном итоге Франция тоже была вынуждена его принять.

В проекте постановления о мандатном правлении в Палестине Великобритания постаралась даже расширить полномочия комиссии: ей вменялось в обязанность не только изучение «вопросов и притязаний», но и обеспечение перехода святых мест различных конфессий под постоянный контроль органов, представляющих интересы соответствующих религий. Определение перечня святых мест, подлежащих переходу под этот контроль, также объявлялось прерогативой комиссии. В данный проект постановления о мандатном правлении был внесен ряд поправок, некоторые из которых будут рассмотрены ниже. В окончательном виде проект был одобрен Советом Лиги Наций 24 июля 1922 году.

Хотя Палестина и управлялась как колония и, фактически, находилась в ведении Министерства по делам колоний в Лондоне, мандат ограничивал власть страны-мандатария. Среди ограничений, было несколько постановлений имевших отношение к религии. Так, статья 9 устанавливала, что должно полностью гарантироваться уважение к статусу различных национальных общин и к их религиозным убеждениям. Во-вторых, мандатные власти посчитали разумным сохранить турецкую систему, по которой религиозные меньшинства – различные христианские деноминации и евреи – обладали религиозной и культурной автономиями, в основном через свои собственные религиозные суды, в ведении которых находились вопросы браков, разводов, усыновления детей, наследования и благотворительных пожертвований (вакфов). Палестина была не обычной страной. Это – Святая земля, которую населяют последователи трех основных монотеистических религий, которые ревностно охраняли свои права и интересы [4; с.93].

По линии культурной автономии, статья 15 мандата устанавливала, что каждая община имеет право содержать свои собственные школы для обучения членов общины на их родном языке, сообразуя учебную программу с требованиями, выдвинутыми Администрацией. Согласно статье 22, английский, арабский и иврит были объявлены

официальными языками в Палестине. Статья 15 также гарантировала полную свободу совести и свободу отправления всех форм религиозного культа. Статья 23 утверждала, что Администрация должна признать религиозные праздники соответствующих общин в качестве выходных дней для членов этих общин.

Таким образом, статьи мандата понимают термин «община» не в плане национальном (община арабов или евреев), а в плане религиозном, то есть общины мусульман, христиан и иудеев. Такое понимание очень сильно ограничивало концепцию еврейского национального дома, о которой говорится в преамбуле мандата и статье 2, которая явно подразумевает нацию и дом для этой нации [4; с.93].

Тем не менее, решение о создании комиссии по святым местам так и не было выполнено, что положило начало «традиции» невыполнения международными организациями собственных решений, касающихся Иерусалима [1; с.57]. В августе 1922 г. Великобритания представила свой проект формирования этого органа. Предполагалось, что в его составе будут три подкомиссии – христианская (три представителя католических стран, два представителя православных церквей, один представитель армянской церкви и седьмой член, президент подкомиссии – француз), мусульманская и еврейская (по четыре члена в каждой). Председателем всей комиссии должен был стать, по замыслу англичан, американский протестант. Ватикан в резкой форме отверг этот план, считая, что представительство католиков и вообще христиан в составе комиссии слишком мало. Недовольство католиков вызывала также идея сделать протестанта главой комиссии.

В качестве альтернативы был выдвинут французский план создания трех автономных комиссий – христианской, мусульманской и иудейской, при этом внутри христианской комиссии предлагалось создать две подкомиссии – католическую и смешанную, состоявшую из представителей православной и армянской церкви (по четыре члена в каждой). В тех случаях, когда могли бы потребоваться совместные заседания обеих христианских подкомиссий, председательствовать на них должен был девятый участник, представляющий католическую церковь. Таким образом, католикам гарантировалось бы большинство в рамках христианской комиссии.

В конечном итоге, выход из тупика не был найден, и комиссия по святым местам так и не была создана. Функции арбитра в межконфессиональных спорах фактически взяла на себя британская администрация в Палестине.

В официальных документах мандата английский, арабский и иврит признавались официальными языками Палестины, причем именно в такой последовательности. Это официальное признание способствовало развитию отдельных систем образования, каждая из которых культивировала национальные ценности своей общины. Поскольку мандатное

правительство не учредило представительных структур власти с участием всех групп населения страны, то не было создано и единых для евреев и арабов органов управления, за исключением муниципалитетов в смешанных городах. Официально обе национальные группы не имели своего представительства и в мандатном правительстве. Высшей управленческой инстанцией было британское Министерство по делам колоний, находившееся в Лондоне.

Под руководством сэра Герберта Сэмюэля в качестве Верховного комиссара, гражданская администрация начала свое функционирование. Суды были модернизированы, было установлено законодательство западного образца, а также многие турецкие законы были заменены на законные нормы, заимствованные из британского законодательства и процедуры. Так как не существовало выборного законодательного органа, страна управлялась Верховным комиссаром, которому помогал Исполнительный совет, состоящий из глав правительственных департаментов. Они, так же как и старшие гражданские служащие, были британскими колониальными чиновниками, в то время как средний и низший эшелон набирался из арабов и евреев. Верховный Комиссар обладал законодательной и исполнительной властью, которые он осуществлял в соответствии с инструкциями, которые он получал из Министерства (Государственного секретариата) по делам колоний в Лондоне, а также в соответствии со статьями мандата [4; с.94].

Декрет об организации религиозных общин

15 февраля 1926 года Верховный комиссар издал постановление, под названием «Декрет об организации религиозных общин». Преамбула Декрета гласила, что любая религиозная община, признаваемая правительством, получает автономию во внутренних делах, которая остается субъектом любого декрета или приказа, изданного Верховным комиссаром Палестины. Таким образом, *мишва* описывался в терминах религиозной общины, но был признан правительством. Кроме мусульманской общины, которая в соответствии с оттоманскими законами обладала привилегированным статусом, официально признанный статус получили следующие общины:

- еврейская
- римско-католическая
- греко-ортодоксальная
- армяно-григорианская
- армяно-католическая
- сиро-католическая

- халдейская (униатская)
- мелкитская греко-католическая
- маронитская
- сирийская ортодоксальная

Все вышеназванные общины получили право определять личный статус своих приверженцев самостоятельно. Остальные общины, желающие самоорганизации в целях управления своими внутренними делами, могли обратиться с заявлением к Верховному комиссару.

Правительство Палестины подготовило проект устава, который был передан на рассмотрение в *Ваад Леуми* [Национальный комитет], Раввинский Совет, «Агудат Исраэль» и в Исполнительный комитет Сионистской организации. Правительство учло их поправки и пожелания и решило наделить Раввинский совет и местный раввинские власти приоритетным по сравнению с избранной Ассамблеей и другими демократически избранными органами *шува* статусом. В своей окончательной форме устав, названный «Управление еврейской общиной», был опубликован в официальной газете правительства Палестины 1 января 1928 года. Согласно уставу, была оформлена «Община евреев Палестины», названная «Кнессет Исраэль» [4; с.110]. В этом документе детально излагалась структура общины, а также функции ее основных институтов.

Одним из центральных органов религиозного самоуправления становился Верховный раввинат. Устав наделял его официальной властью, а содержание его и финансовую ответственность за обеспечение раввината всем необходимым возлагал на *шува* в целом. З. Абрамов отмечает, что интересную особенность, прописанную в уставе: еврейская община обязана была содержать Верховный раввинат, но в то же время могла не предоставлять финансирования другим общинным институтам – системе образования, Национальному комитету и другим [4; с.111].

Функции законодательного собрания возлагались, согласно уставу, на Собрание депутатов, формирование которого должно было проходить на выборной основе. Собрание депутатов призвано было определять, в самых общих чертах контуры политики еврейской общины, утверждать бюджет, устанавливать новые налоги (при этом устав оговаривал, что любой закон о налогах, принятый Собранием депутатов, должен был пройти процедуру подтверждения в английской администрации). Законодательный орган избирался путем всеобщих и прямых выборов, тайным голосованием. Правом голоса обладали мужчины и женщины с 20 лет, вне зависимости от их имущественного положения. Важно подчеркнуть, что за основу была взята пропорциональная система выборов, то есть Палестина была объявлена одним избирательным округом, а голосование проходило по партийным спискам.

Количество депутатов Ассамблеи ограничивалось, первоначально, 71, а в 1944 году депутатский корпус расширили до 171 человека [4; с.110].

Национальный комитет (*Vaad Leumi* – ивр.) являлся исполнительным органом еврейской общины и избирался ежегодно на заседании Совета депутатов. *Vaad Leumi* составлял бюджет для принятия его Советом. После одобрения на заседании, бюджет передавался на рассмотрение Верховного комиссара, без утверждения которого он не вступал в силу.

Важно подчеркнуть, что членство в общине не было обязательным. Согласно уставу, любой желающий быть занесенным или вычеркнутым из регистра, мог сделать это каждый год в месяце *ияр* (май–июнь). Тот, чье имя было вычеркнуто из регистра, не платил общинный налог [4; с.110–111].

Согласно законодательству, местные общины. В каждом городе или деревне не могло быть более одной местной общины, однако любая часть этой общины, состоящая из тридцати взрослых, могла требовать удовлетворения свои религиозных и культурных потребностей согласно своим собственным принципам. В городах, где население было преимущественно еврейским, городские власти выполняли функции местной общины, содержали местный раввинат и предоставляли религиозные услуги, такие как ритуальный убой скота, *миква*, сертификаты кошерности и так далее [4; с.111].

Устав *Кнессет Исраэль*, таким образом, носил компромиссный характер между тремя заинтересованными сторонами: британской администрации, большей части *ишува* и «Агудат Исраэль». Британцы стремились смягчить национальный аспект *ишува*, подчеркивая его религиозный характер. Это выразилось в той власти, которая была дана раввинату и в обязанности демократически выбранных органов общины содержать его. Признание раввината означало признание ортодоксального иудаизма официальной религией палестинского еврейства. Устав не мог быть ограничен или изменен демократически избранными органами общины, но только лишь самим Верховным Комиссаром. Подчеркивая религиозный характер *ишува*, британцы настаивали на том, что термин «*Vaad leumi*» является переводом английского «*General Committee*». После долгих споров, был достигнут компромисс, когда было установлено, что в английской версии устава слова «*Vaad leumi*» будет в скобках следовать за английским «*General Committee*» [4; с.112].

Несмотря на то, что документ об «Управлении еврейской общиной» оказался во многом разочаровывающим, он установил рамки для дальнейшего развития еврейской автономии. Кроме того, тот факт, что представители «Агудат Исраэль» покинули, после принятия устава, ряды общины, давал несколько эффектов. Во-первых, был решен вопрос с избирательными правами для женщин, что гармонизировало взаимодействие *Vaad leumi* и

ВСО. Это в свою очередь означало равные отношения между *Vaad leumi* и недавно созданным Еврейским агентством, что создало рамки для сионистов и несионистов по взаимной работе на благо еврейского национального дома. Исполнительный директор Еврейского агентства был ответственен за отношения с британским правительством в Лондоне и Иерусалиме, за сбор средств на отстройку Палестины, а также за широкий спектр экономической деятельности.

В британский период произошли значительные изменения и в судебной сфере. Внутренняя автономия, предоставляемая христианским общинам в предшествующий, османский период, предполагала распространение юрисдикции религиозных судов на все стороны жизни этих общин (за исключением вопросов, касающихся взаимоотношений христиан и мусульман). Тем не менее, к моменту освобождения страны британскими войсками, христианские общинные суды Иерусалима и Палестины (включая армянские) обладали значительно меньшими полномочиями, нежели религиозные суды христианских общин в соседнем Египте. [9; с.173] Так, например, вопросы наследования имущества и опекуна несовершеннолетних в Палестине (в христианском секторе) разрешались исключительно в шариатских судах, в то время как в Египте данные вопросы находились в сфере юрисдикции христианских религиозных судов. При рассмотрении вопросов наследования имущества церковные суды греческой православной и армяно-григорианской общин часто использовали нормы мусульманского законодательства. К причинам подобного влияния мусульманского права на судебные системы вышеупомянутых христианских общин следует отнести как общее ослабление позиций этих общин, связанное с потрясениями, вызванными Первой мировой войной, так и усиление влияния мусульманского (прежде всего, арабского) окружения на эти общины в начале британского периода. Тем не менее, следует отметить, что в таких сферах законодательства, как брачно-семейное право и жилищное право, армяно-григорианская и греческая православная общины, в целом, сохранили действие традиционных норм.

В 1920-е годы происходит процесс расширения юрисдикции христианских, религиозных (и, в частности, армянских) судов. Этот процесс стал, во многом, следствием изменения статуса традиционных мусульманских (шариатских) судов. В предшествующий, османский период, исламское право, которое, по существу, являлось правом господствующей государственной религии, стало общепринятым в вопросах, касающихся особых сфер законодательства, а мусульманские суды получили юрисдикцию в специфических вопросах права [9; с.173]. В британский период мусульмане стали одной из многих (хотя и, оставаясь, по-прежнему крупнейшей) этноконфессиональных общин Палестины, а юрисдикция мусульманских судов стала распространяться лишь на мусульман.

В то же время, юрисдикция в специфических вопросах права целиком перешла к британским гражданским судам. Новый порядок регулировался Указом короля в совете (1922 год). В этом документе подтверждалась юрисдикция мусульманских и еврейских, а также некоторых христианских (включая армянских) судов. Христианским судам предоставлялась исключительная юрисдикция в вопросах брачно-семейного права, а также наследования имущества. В вопросах управления вакфом, его администрация должна была нести ответственность, в первую очередь, перед религиозным судом своей общины, в соответствии с ее религиозным законодательством. Христианским судам были также предоставлены полномочия в таких вопросах, как наследование личного имущества и опекунов над несовершеннолетними. Таким образом, юрисдикция христианских судов была значительно расширена по сравнению с периодом оттоманского правления. В дополнении к расширению юрисдикции христианских, религиозных судов, Указ короля в совете усиливал их власть. Так, согласно этому документу, приговоры и решения религиозных судов должны были подтверждаться и приводиться в исполнение аналогичными решениями британских гражданских судов [9; с.175].

Мандатная администрация не принимала никакого религиозного законодательства как такового. В соответствии с Декретом о муниципальных корпорациях, в 1926 году городской совет Тель-Авива принял постановление о закрытии магазинов по субботам и еврейским праздникам, под который попадали немногочисленные христиане и мусульмане, жившие в городе. Двумя годами позже Верховный суд Палестины отменил это постановление на основании статьи 14 мандата на Палестину, которая запрещала любую дискриминацию жителей Палестины на расовой, религиозной или языковой почве. В 1937 году, городской совет Тель-Авива принял другое постановление, которое предусматривало закрытие магазинов по субботам и еврейским праздникам, однако в этот раз без включения нееврейского населения [4; с.105]. Данное постановление было поддержано Верховным Судом и было введено в других еврейских городах. В городах со смешанным арабо-еврейским населением, подобного регулирования не было, хотя еврейские магазины и закрывались по религиозным праздничным дням. Для большинства *ишува*, соблюдение Шаббата имело скорее социальное, чем религиозное значение, в то время как Песах, Шавуот, Суккот, Ханука и Лаг ба-Омер обрели характер национальных праздников [4; с.106].

Ключевым и решающим аспектом, позволившим еврейскому *ишуву* развить все те институты, которыми он обладал к моменту окончания мандата, стал пункт о свободе совести, включенный в британский мандат на Палестину. Он позволил *ишуву*, несмотря на последовательное отношение англичан ко всем общинам Палестины как к общинам религиозным, создать множество политических и общественных институтов, ставших в

будущем основой для независимого государства. Хотя всем община страны была предоставлена равная степень автономии, только еврейская община воспользовалась возможными трактовками и неясностями мандатных уставов и наилучшим образом подготовилась к провозглашению собственной государственности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Г.А. Меламедов, А.Д. Эпштейн. Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история. – М./Иерусалим: Мосты культуры, 2008.
2. Т.С. Соловьева. Эмансипация католиков в Великобритании в 1829 году // Религии мира: история и современность – 2003. М., 2003.
3. М.С. Стецкевич. Свобода совести. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.
4. S. Zalman Abramov. Perpetual Dilemma: Jewish Religion in the Jewish State – Farleigh Dickinson University Press, 1979.
5. M. Davie. A Guide to the Church of England. – Mowbray, 2008.
6. R.H. Davison. Reform in the Ottoman Empire 1856–1876. – Princeton, 1963.
7. J. Moorman. A History of the Church of England. – Harrisville, PA: Morehuse Publishing, 2003.
8. M.C.N. Salbstein. The Emancipation of the Jews in Britain: The Question of the Admission of the Jews to Parliament, 1828–1860. – Associated University Press, 1982.
9. D. Tsimhoni. The Status of the Arab Christians Under the British Mandate in Palestine // Middle Eastern Studies. – 1984. – Vol. 20, No. 4.

IVAN FADEYEV

THE CONCEPT OF FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION AND ITS IMPLEMENTATION IN PALESTINE DURING THE BRITISH MANDATE

SUMMARY

The period of the British Mandate was a turning point for Palestine in political and ideological terms. Approved in the text of the mandate for the territory, which the League of Nations gave to the British Empire in 1922, the concept of freedom of conscience became a central tenet of the British rule. Article 15 of the League of Nations' Palestine Mandate states: «The Mandatory shall see that complete freedom of conscience and the free exercise of all forms of worship, subject only to the maintenance of public order and morals, are ensured to all». Tracing the development of the concept of freedom of conscience and religion in Europe in general and in Britain in particular, in this article the author shows how the commitment of the latter to comply with the concept influenced the destiny of the Jewish Yishuv and the entire region.

Keywords: freedom of conscience, freedom of religion, Palestine, British mandate.

ЕВРЕЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПАЛЕСТИНЫ В 1920-1929 ГГ.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается экономическая обстановка на территории Палестины после Первой мировой войны и изменения, произошедшие после получения англичанами мандата. Важное место уделяется вопросу еврейской иммиграции в Палестину 1920–1929 гг. и ее влиянию на создание инфраструктуры еврейского «государства в пути».

Ключевые слова: Ближний Восток. Подмандатная Палестина. Британская политика в Палестине. Еврейская колонизация Палестины.

25 апреля 1920 г. в Сан-Ремо Великобритания получила под мандатное управление стратегически важную и экономически «бесплодную» территорию Палестины.

Характеризуя экономическое положение Святой земли к моменту передачи ее под мандат, британская администрация Палестины сообщала в Лондон в 1921 г.: «Страна ... неразвита и малонаселена. Методы сельского хозяйства, главным образом, примитивны. На обрабатываемой части земли можно было бы выращивать более высокие урожаи... Рыболовство, некоторые отрасли промышленности и производство табака оказались фактически «убиты» турецкими законами; рынки Палестины и соседних стран наводнены почти полностью товарами из Европы. Морская торговля загружена, но в Яффе и Хайфе не хватает гаваней» [3, с.71].

Палестина представляла собой аграрную страну: перед Первой мировой войной только 5% ее населения работали в сфере промышленности [3, с.71]. К моменту передачи Святой земли под мандат на ее территории было лишь 4 больших города: Иерусалим (143,8 тыс. чел.), чуть ли не исключительно еврейский город Тель-Авив (143,2 тыс. человек), Хайфа (116,4 тыс. чел.) и Яффа (86,9 тыс. чел.).

Как констатировала впоследствии в 1937 г. комиссия Пиля, «в Палестине четыре источника ирригации: реки, колодцы, весенние талые воды и бассейны. Иордан –

единственный потенциальный источник речной ирригации, но при существующих условиях экономические перспективы крупномасштабного ирригационного развития из этого источника сомнительны. [...] Ирригация от колодцев – главный источник ирригации в Палестине» [3, с.52]. Далее в отчете будет сделан вывод: «основная трудность в любом всестороннем расширении ирригации в Палестине – не столько несоответствие поставки воды, как стоимость создания этой системы ирригации, доступной для использования. И хотя увеличение орошаемой части страны – вопрос жизненной важности для ее развития, чрезвычайно трудно делать какую-либо оценку размера площади земли, орошаемой с экономической отдачей» [3, с.52].

В области промышленности, транспорта, банковского дела существовали не менее сложные проблемы. Хотя частичная индустриализация Палестины уже произошла, но формирование «оптимальной экономики» должно было стать следствием целого комплекса факторов: материальных активов страны, развития энергетики, мирового спроса на экономические активы Палестины, общего уровня мирового экономического процветания, от которого зависели бы рынок апельсинов, грейпфрутов, торговля нефтью и другими изделиями, приток капитала в Палестину, религиозных отчислений, туристских доходов и т.п. [3, с.61]

В целом все демонстрировало наличие экономических предпосылок для дальнейшего развития Палестины, но требовались серьезные вложения со стороны Великобритании для создания на подмандатной территории инфраструктуры, промышленности, системы ирригации для сельского хозяйства.

На протяжении 1920-х гг. в британских правящих кругах не было единства по вопросу целесообразности инвестирования денег в «бесплодную» Палестину, тем более, что особых средств для вложения в палестинскую экономику у обремененной военными долгами Англии в то время и не было. Парламентарий Саклатвала высказал мнение, что «любой, кто не голосует против этих финансовых условий, голосует за понижение заработной платы шахтеров» [8, с.1334]. Мнение Саклатвалы разделил сэр Фредрик Виз, подчеркивавший, что в условиях экономического кризиса британское правительство не может выдавать такие кредиты. На его взгляд, британским кредитом Палестине уже можно считать «гарантию руководства и соблюдения интересов» палестинцев [9, с.2376]. Однако, большая часть депутатов выступила все же за предоставление ссуды в ограниченном масштабе, понимая, что без инвестиций невозможно экономическое развитие Палестины.

Поскольку палестинская экономика требовала крупных денежных и людских инвестиций, а Британия в нужном объеме не могла их дать, «двигателем» экономического развития Палестины в 1920-е гг. могла стать еврейская иммиграция из стран рассеяния,

поддержать которую во время мировой войны обещало коалиционное правительство Ллойд Джорджа. Некоторые британские парламентарии в начале 1920-х гг. конечно высказывали сомнения об использовании еврейской иммиграции в Палестину, как средства поднятия экономики. Лорд Сиднем констатировал, что «евреи в Палестине в конце войны играли очень незначительную роль в хозяйственной жизни страны» [4, с.511]. Созданные еврейские поселения, по его мнению, существовали во многом за счет субсидий, получаемых от евреев стран рассеяния. Тезис о «незначительной роли» евреев в хозяйственной жизни Палестины поддержал лорд Мелоун. Весной 1922 г., по его данным, из почти 70 тыс. палестинских евреев, «более 35 тыс. не принимали никакого участия в экономической жизни и проживали в Иерусалиме. Из оставшихся 20 тыс. участвовали в общественных работах, и только 15 тыс. колонистов делали действительно хорошую производительную работу в сельском хозяйстве, лесонасаждениях и отраслях промышленности» [6, с.1593].

Однако, процессы еврейской колонизации Палестины уже шли полным ходом несмотря на сомнения британских политиков. В ходе третьей алии 1919–1923 гг. в Палестину переселилось около 35–37 тыс. евреев [1, с.14]. Эта алия в основном включала переселенцев из Восточной Европы – из России и Польши, которые в большинстве своем бежали от революций, погромов и гражданской войны. Осенью 1917 г. в России действовало 1200 местных сионистских организаций, объединявших 300 тыс. членов. В 1923 г. сионистская деятельность в России практически прекратилась [17, с.279]. Они представляли собой преимущественно одиноких мужчин, прошедших обучение по сельскохозяйственным программам, организованным в Европе сионистскими организациями [1, с.15]. Иммигранты третьей алии не стремились становиться наемными рабочими, а в основном пробовали создавать собственные коллективные поселения – киббуцы. Социальные преимущества которых экономически подкреплялись возросшей и более продуктивной специализацией труда. Вскоре стало ясно, что большие киббуцы – жизненно важная составляющая сельскохозяйственной жизни ишува (хотя наибольшее развитие эта форма коллективного хозяйства получит лишь в 1930-х гг.). В 1921 г в объединенной колонии Эйн-Харода и Тель-Иосефа состояло 300 человек.

И все же подавляющая часть переселенцев становилась наемными рабочими. Голда Меир так описывала переселенцев последних лет третьей алии: «...и хотя некоторые из новых иммигрантов стали называть себя “капиталистами” – это были лишь купцы и торговцы, открывшие маленькие фабрики и лавки, подавляющее же большинство состояло из рабочих» [16, с.91]. Около 65% всех сельскохозяйственных и городских рабочих Палестины в середине 1920-х г. были послевоенными иммигрантами и только 16% – уроженцами собственно Палестины [15, с.426].

С 1922–1923 гг. процент представителей среднего класса среди иммигрантов начал увеличиваться. Эта тенденция еще более усилилась в 1924 г. за счет приезда значительного количества польских евреев. Привезя, по образному выражению Г.М. Сакера, «несколько тысяч злотых, полученных за свою обреченную на банкротство лавчонку в Польше, иммигрант четвертой алии, как правило, поселялся в городе и открывал новое дело – жалкое подобие оставленного» [17, с.299]. Однако, как писал будущий президент Израиля Бен-Гурион, «средний класс пришел и проиграл, он должен был проиграть, ибо не знал запасного варианта и не был подготовлен к перемене ценностей, с которой связано осуществление сионизма и строительство Эрец-Исраэль. Он хотел и здесь идти по пути наживы, характерному для евреев диаспоры, и не понял, что Эрец-Исраэль – это не Польша» [13, с.120]. Многие промышленные предприятия польских иммигрантов 1920-х гг., представлявшие собой маленькие мастерские, быстро разорились. За 1922–1931 гг. Святую землю покинули более 25 тыс. евреев [3, с.63]. Но на смену им приходили новые, пополнявшие со времен ряды наемных рабочих – в основном в городе.

В 1924 г. началась новая – причем одна из самых больших волн переселения в Палестину. За 1924–1931 гг. в нее въехало около 89 тыс. евреев, что заметно повлияло на демографическую ситуацию в стране. Если в 1922 г. евреи составляли 11,2% населения, то к 1931 г. этот показатель увеличился до 17% [3, с.61], то есть еврейское население насчитывало уже примерно 180 тыс. человек. Благодаря притоку новых иммигрантов еврейское население Иерусалима и Хайфы за пять лет четвертой алии удвоилось. Кроме того, эта волна в значительной степени способствовала формированию Тель-Авива как города. Именно четвертая алия заложила основы городской экономики ишува. Алия 1924–1931 гг. была связана с политическим и экономическим кризисом в Польше, а также с ослаблением выездного контроля в Советском Союзе и ограничениями на иммиграцию, введенными американскими властями еще в 1921 г. На конгрессе Всемирной сионистской организации 1925 г. перед Еврейским агентством Палестины были поставлены цели: увеличение иммиграции в Палестину, возрождение иврита и национальной культуры, приобретение земли в качестве общественной собственности всего еврейства и организация сельскохозяйственных колоний [17, с.308]. Важным шагом в стимулировании вхождения еврейских переселенцев в коллективные хозяйства или создания отдельных хозяйств должна была стать образовательная программа. В Палестине сионистами было создано 13 сельскохозяйственных училищ и агростанций. Однако, на протяжении четвертой алии наблюдалась все большая концентрация новых иммигрантов в городах – вследствие существования в последних высокой заработной платы. Подобная тенденция расходилась с долгосрочными планами некоторых еврейских лидеров, мечтавших о построении еврейского

общества на основе кибуцев. Поэтому еврейские власти предприняли шаги, поощряющие создание сельскохозяйственных колоний еврейских колонистов. Особое место среди сельхозпроизводителей Палестины занимали немецкие общины тамплиеров, насчитывающие не менее 2 тыс. человек. Эти поселения были в Хайфе, Яффе и Иерусалимских районах [2, с.49].

Благодаря волнам иммиграции и притоку еврейского капитала в 1920-е гг. в Палестине возникает еврейская промышленность. (В общей сложности за 1917–1929 гг. в Палестину было инвестировано 40 млн. ф.ст. еврейского капитала [14, с.34]). Число промышленных предприятий, принадлежавших евреям, возросло с 4.750 в 1921 г. до 10.908 в 1929 г. [14, с.35] В 1930 г. в Палестине насчитывалось уже 1,5 тыс. еврейских фабрик и заводов, выпускавших промышленную продукцию на 1 млн. палестинских фунтов в год [17, с.310]. (Правда, в 1934 г. отделы торговли и промышленности Еврейского агентства издали справочник еврейских производителей, содержащий только 3388 названий, из которых лишь 970 классифицировались как промышленные предприятия, а остальные были отнесены к ремесленным) [2, с.53].

По мере того, как в Палестине появлялась промышленность, рос и уровень состояния еврейского населения: так, в 1930 г. еврейские переселенцы с состоянием свыше 1 тыс. ф. ст. составляли 4% от общего числа переселенцев, а в 1931 г. – уже 6% [3, с.67]. Лидирующее положение в палестинской городской экономике занимала пищевая промышленность. После 1921 г. на средства частного еврейского капитала в районе Хайфы была построена мукомольная фабрика с уставным капиталом в 100 тыс. ф.ст. Ежедневно фабрика выпускала около 75 тонн муки. Из арабских мукомольных предприятий наиболее крупным был мукомольный завод в Яффе. К 1934 г. в Палестине уже насчитывалось более 250 мукомольных заводов. Большинство из них были, конечно, небольшими предприятиями и имели примитивное оборудование, только 3–4 из 250 можно было назвать современными производствами [3, с.59]. Предприятия в основном обрабатывали импортное зерно, так как из собственного палестинского зерна трудно было получить муку достаточно высокого качества.

Традиционно важное место в пищевой промышленности Палестины занимали предприятия, производящие фруктовые соки, занимающиеся обработкой и консервацией фруктовых плодов. Данная отрасль промышленности позволяла изымать с рынка избыточное количество плодов цитрусовых. Ведущее предприятие этой отрасли – «Ассиз компани», открытое в конце 1920-х гг. около Тель-Авива, занималось производством соков, мармелада и томатного кетчупа.

Другой традиционной отраслью промышленности Палестины было винное производство, основанное в 1880-х гг. бароном Эдмондом де Ротшильдом, который построил современный завод, управляемый кооперативным обществом «Vigneronne des Grandes».

В 1920-х гг. продолжало развиваться производство оливкового масла и мыла. Большинство из них располагались в районе Наблуса, выпуская в год более тысячи тонн продукции. Местное оливковое масло, с точки зрения пищевого продукта, имело низкое качество, однако было пригодно для изготовления мыла, так как содержало высокий процент кислоты вследствие примитивных методов производства. После 1921 г. в Хайфе еврейским капиталом была открыта современная мыловаренная фабрика «Шемен», занимающаяся очисткой растительных масел и производством туалетных и хозяйственных мыл для местного потребления и экспорта [3, с.56].

В 1921 г. в Тель-Авиве, а затем в Хайфе еврейскими переселенцами были построены кирпичные заводы, которые в основном занимались производством силикатного кирпича. В 1925 г. в окрестностях Хайфы был пущен в действие цементный завод «Нешер». Прибытие тысяч новых иммигрантов стимулировало деятельность строительной отрасли. В 1927 г. в строительстве было занято 45% рабочих Тель-Авива [17, с.310].

Текстильная промышленность Палестины была также почти полностью еврейской. В 1924 г. польские иммигранты открыли фабрику «Людзя», на которой впервые были установлены машины автоматы. В 1925 г. в окрестностях Хайфы были пущены в действие несколько текстильных фабрик. Но большинство текстильных предприятий в Палестине были сосредоточены в Тель-Авивском районе. К основным изделиям текстильной промышленности можно было отнести трикотаж, свитеры, блузы и пижамы, нижнее белье, шляпы, пояса, подвязки, шнурки для обуви, ленты и др.

На протяжении 1920-х гг. в Палестине открылись еврейские предприятия, занимающиеся обработкой металлов (Яффа), производством мебели (Тель-Авив), стекла (Хеврон). В 1927 г. заработала фирма по производству вставных зубов [2, с.58]. К началу 1930-х гг. в Палестине было зарегистрировано 14 табачных фабрик.

Предоставление с 1 января 1930 г. концессии «Соли Мертвого моря» Палестинской поташной компании подтвердило возможность использования минеральных солей Мертвого моря для производства косметических, фармацевтических и других материалов, таких как хлорид магния и хлорид кальция. Производство поташа на северном берегу Мертвого моря давало его в объеме около 25–30 тыс. тонн ежегодно. Добыча брома в Мертвом море удовлетворяла 74% британских потребностей в нем [2, с.54].

Рост промышленного производства требовал электрификации Палестины. Выходец из России инженер Пинхас Рутенберг получил у мандатных властей концессию на

строительство в Тель-Авиве первой электростанции, а затем и электростанций в Хайфе и Тверии. Дело электрического снабжения Иерусалима также оказалось в еврейских руках. Компания Jerusalem Electric and Public Service Corporation снабжала электричеством область в радиусе двадцати километров от центра Иерусалима [2, с.63].

Однако самым острым вопросом еврейской экономической колонизации Палестины оставался земельный. Из палестинских евреев сельским хозяйством традиционно занимались немногие. По данным В. Лакера, в начале Первой мировой войны численность еврейских сельскохозяйственных работников составляла всего около 1200 человек [15, с.405]. Это, конечно, не соответствует действительности, так как к началу войны в Палестине действовало 59 еврейских сельскохозяйственных колоний с площадью более 350 тыс. дунамов земли и сельским населением около 12 тыс. человек [18, с.45]. То есть в 1914 г. в сельском хозяйстве было занято примерно 14% еврейского населения Палестины. Затем этот показатель стал расти, составив в 1929 г. 20%, а в 1931 г. 23% [17, с.300].

Хотя в земельном законе, принятом при первом Верховном комиссаре Палестины Г. Сэмюэле в сентябре 1920 г., имелись серьезные ограничения на покупку арабской земли евреями, арабы стали быстро терять свои земли (после мировой войны около 70% арабов-мусульман проживали в сельской местности). Сирийские и ливанские землевладельцы, имевшие значительные земельные участки в Палестине, к 1930-м гг. успели продать большую их часть представителям Еврейского агентства. (Для арабских шейхов-землевладельцев продавать эти земли евреям вместо того, чтобы отдавать их в аренду своим нищим соплеменникам, было куда выгоднее). Собственно палестинские кланы, за немногим исключением (кланы Туканов, Хусейни, Халиди), не имели сколько-нибудь крупных земельных владений, но благодаря высоким рыночным ценам на землю и они сделали добровольный выбор в пользу продажи земли евреям.

«Средних» арабов, продающих свою землю, можно условно разделить на три категории. Первые – это те, кто продавал пустующие земли; вторые – это зачастую трудолюбивые крестьяне, которые продавали часть своей земли, чтобы обрабатывать на полученные от продажи средства остаток земли и, наконец, третьими были те, кто продавал всю землю по ценам «сверх всех его мечтаний и жадности» или кто был не в состоянии обрабатывать землю [3, с.57]. Британская администрация стремилась, с одной стороны, не допустить концентрации земли в одних руках, а с другой – поддержать земельным законодательством мелких арендаторов, которые после продажи арендованной ими земли новым собственникам могли потерять и работу, и жилье. Поэтому-то один из высших

британских чиновников, контролировавших куплю-продажу земли в Палестине, – Джеймс Н. Стаббс считал, что мандатная администрация должна более щедро обеспечивать феллахов домашними животными и сельскохозяйственным оборудованием, если она хочет поддержать «неудачных» фермеров на их земле [12, с.49].

Состояние же земельного рынка в Палестине в начале 1920-х гг. способствовало перераспределению земли в пользу новых колонизаторов. Арабский продавец знал о желании еврейского покупателя приобрести землю, свободную от жителей-арендаторов, а поэтому зачастую через очень запутанные схемы, созданные арабским владельцем земли и еврейским покупателем, арендаторам предлагали денежную компенсацию за съезд с земли до ее передачи новому владельцу. Это упрощало процесс утверждения в британской администрации сделки. Арендаторы, которые были часто должны владельцам земли или ростовщикам, редко имели возможность противодействовать такому финансовому давлению.

В 1921–1925 гг. Еврейский национальный фонд и Американское сионистское содружество подписали в Палестине примерно 20 договоров на покупку земли общей площадью приблизительно 240 тыс. дунамов, затратив на закупку этой земли 800 тыс. ф.ст. Формально приблизительно 45% этой купленной земли были пустующими либо не обрабатывались постоянными арабскими арендаторами или сельскохозяйственными рабочими. Однако на деле с 55% этих земель арендаторы были просто согнаны к моменту заключения сделки о покупке земли, хотя и своеобразным способом – фактически подкупом. При этом 688 семей арендаторов получили чуть более 27 тыс. ф.ст. в качестве денежной компенсации, то есть в среднем по 39 ф.ст на каждую семью [12, с.56]. По подсчетам палестинской администрации, к 1925 г. еврейские организации и колонисты владели 319 квадратными милями земли в Палестине по сравнению со 177 квадратными милями перед войной [7, с.945]. При этом: если на первоначальном этапе колонизации еврейские переселенцы занимали в значительной степени пустующие территории, чем способствовали росту сельского хозяйства, то уже в 1922–1925 гг. стало очевидно, что еврейские рабочие составляют конкуренцию традиционным арабам-арендаторам.

Казалось, что сионисты купили только маленький процент от общей площади Палестины: в 1920 г. еврейские колонисты официально владели 650 тыс. дунамов земли из общей площади Палестины в 27 млн. дунамов [3, с.53]. Однако следует учесть, «что любые официальные данные на этот счет фактически значительно занижены, так как часто приобретенные сионистами земли оформлялись через подставных лиц» [14, с.34]. По данным заместителя британского министра по делам колоний, осенью 1930 г. евреи владели 1,25 млн. дунами из 6844 дунамов обрабатываемой земли [10, с.94]. Большая часть земли,

приобретенной Еврейским национальным фондом, передавалась в долгосрочную аренду новым поселенцам. Сама же земля осталась неотделимой собственностью самого Фонда [2, с.48].

Сельскохозяйственное развитие Палестины было во многом связано с производством цитрусовых (апельсины и грейпфруты), выращивание которых возможно в засушливом климате. Рощи цитрусовых, располагавшихся главным образом в песчаной морской равнине, простирающейся от Сектора Газа до Акры, особенно в равнине Шарона, увеличились примерно до 11 тыс. акров в 1933 г. Значительная часть цитрусовых плантаций – в 1935 г. 56% – принадлежала еврейским поселенцам.

Говорить, что еврейские переселенцы уже в 1920-х гг. кардинально изменили аграрное положение Палестины и вытеснили палестинских производителей с рынков сельскохозяйственной продукции, не стоит. Но они наступали на арабов повсеместно. И если в то время волна массовой еврейской иммиграции не вызвала реакции насилия со стороны арабов, то это во многом заслуга англичан.

К концу 1927 г. в финансовом положении Палестины наблюдалось значительное за последние два–три года улучшение. Три года назад (финансовый год палестинского правительства заканчивался 31 марта) бюджет Палестины был едва сбалансирован, а в 1926 г. доход составил приблизительно 2,75 млн. ф.ст., из которых не менее 700 тыс. ф.ст. составило активное торговое сальдо [5, с.1616]. Данные цифры позволили лорду Арнольду во время дебатов в Палате лордов 14 декабря 1927 г. сделать вывод, что «Палестина – первая послевоенная страна, которая возместит все, что ей было предоставлено» [5, с.1616]. Правда, в 1928 г. расходы гражданской администрации в Палестине составили 3,381 млн. ф.ст., а доходы лишь 2,584 млн. ф.ст. Но в 1929 г. финансовое положение мандатной администрации вновь было выправлено, статья расходов была сокращена до 2,14 млн. ф.ст. при готовом доходе в 2,323 млн. ф.ст. [11, с.182] До 1929 г. деятельность мандата почти целиком осуществлялась за счет средств местного населения.

Однако, успешный экономический подъем конца 1920-х гг. был омрачен мировым экономическим кризисом, когда в 1929 г. экономическая обстановка в Палестине опять ухудшилась: начался рост безработицы, разорились многие частные компании. (В 1929 г. объявили себя банкротом 10 крупных компаний, в 1930 г. – 33, а в 1931 г. – еще 22 [11, с.93]). Мир вступал в новую экономическую эпоху.

Подводя итоги еврейской экономической колонизации Палестины 1920-х гг., мы можем прийти к некоторым выводам.

Во-первых, экономический рост 1920-х гг. в Палестине был прямым следствием притока еврейского капитала и еврейского экономического освоения пустынных территорий.

Большинство земли, приобретенной евреями, располагались в болотистой и малярийной местности, что требовало больших усилий и денежных затрат, прежде чем эти земли смогли стать пригодными для жилья. Не будет преувеличением сказать, что именно евреи принесли в Палестину электричество и некоторые отрасли промышленности, закончив тем самым индустриализацию Святой земли.

Во-вторых, состояние земельного рынка в Палестине в 1920-х гг. способствовало довольно быстрому перераспределению земли от местного арабского населения в пользу новых колонизаторов. К 1930-м гг. в руках последних оказалось 1,25 млн. дунамов из 6,844 млн. дунамов обрабатываемой земли.

И, наконец, британские политики недооценили силу национальных чувств: они не могли даже предположить, что проживавшие в условиях европейской цивилизации евреи массами отправятся в пустыню. Не смогли они предвидеть и того, что революция и гражданская война в России, экономический кризис 1920-х гг. в Восточной Европе, наконец, приход в 1933 г. нацистов к власти в Германии подтолкнул массы европейских евреев к эмиграции, и около 400 тыс. этих переселенцев своим новым домом к 1939 г. выберут Палестину. Благородная, казалось бы, попытка дать лишенному территории народу землю обернулась «мирной оккупацией» Палестины.

В 1930-е гг. в Палестине, на подмандатной британской территории, экономически господствовать стал еврейский капитал. Отсутствие британского экономического контроля над Святой землей неминуемо должно было обернуться потерей и политического контроля.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Arian A. Politics in Israel. – New Jersey, 1989.
2. Economic conditions in Palestine. July 1935. Report / By C. Empson (British commercial agent, Haifa). No.620. Department of overseas trade. – London, HMSO, 1935.
3. Great Britain and Palestine. 1915–1945. Information papers No.20. – London, Royal institute of international affairs, 1945.
4. Parliamentary Debates. House of Lords. Vol. 44 (10,11 & 14 March 1921). – Col. 502–542.
5. Parliamentary Debates. House of Lords. Vol. 65. No. 91 (14 December 1926). – Col. 1609–1632.
6. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 151. No. 23. (Thursday 9 March 1922). – Col. 1540–1608.
7. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 189. No. 142. (Monday 14 December 1925). – Col. 944–946.
8. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 200. No. 141. (Wednesday 1 December 1926). – Col. 1273–1333.

9. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 200. No. 147 (Thursday 9 December 1926). – Col. 2334–2412.
10. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 245. No. 15 (17 November 1930). – Col. 78–210.
11. Report by His Majesty's Government in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on the administration of Palestine and Trans-Jordan for the year 1938. – London, HMSO. – Colonial No.166, 1939.
12. The Land Question in Palestine. 1917–1939 / Ed. by Kenneth W. Stein. – London, 1984.
13. Бар-Зохар М. Бен-Гурион. В 2 кн. / Пер. с иврита С. Векслер. Кн.1. Иерусалим: «Библиотека Алия», 1991.
14. Десятсков С.Г., Судейкин А.Г. Английская политика в Палестине в 1917–1939 гг. // Проблемы британской истории. – М., 1982. – С.27–48.
15. Лакер В. История сионизма / Пер. с англ. А. Блез, О. Блез. – М., 2000.
16. Меир Г. Моя жизнь / Пер. с иврита Р. Зерновой. – Иерусалим: «Библиотека Алия», 1988.
17. Сакер Г.М. История Израиля. В 3 тт. / Пер. с англ. В. Орел. – Иерусалим: «Библиотека Алия», 1992. – Т.1.
18. Сэвэр Н. Создание и деятельность Всемирной сионистской организации в 1897–1914 гг. // Вопросы истории. 1978. – №7. – С. 30–47.

MIKHAIL SHAPOVALOV

THE JEWISH ECONOMIC COLONIZATION OF PALESTINE, 1920–1929

SUMMARY

The author puts under study the problem of the Jewish immigration into Palestine in context of its impact on the economy of Palestine. A close study of the economic history of mandatory Palestine is of utmost importance as the economic basis of the future Jewish state was laid in the mandatory period.

Keywords: Middle East, Palestine under mandate, the British policy in Palestine, the Jewish colonization of Palestine.

СТАНИСЛАВ КОЖЕУРОВ

**ДИПЛОМАТИЯ В ДНИ ВОЙНЫ:
КОРОЛЬ ИОРДАНИИ АБДАЛЛА I И ЕГО ПЕРЕГОВОРЫ С
ИЗРАИЛЕМ ПОСЛЕ УХОДА АНГЛИЧАН ИЗ ПАЛЕСТИНЫ**

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье освещается переговорный процесс между Израилем и Иорданией во время войны 1948 года и в последующие годы, вплоть до убийства короля Абдаллы I. Центральный тезис автора состоит в том, что воля двух сторон к заключению мира, объективное совпадение интересов и долгий опыт двусторонней дипломатии не являются достаточными условиями успеха мирных переговоров. Король Иордании столкнулся с проблемой легитимации возможных договоренностей с еврейским государством в глазах населения собственной страны и с необходимостью их обоснования перед арабскими государствами региона и странами Запада. Таким образом, провал мирных переговоров 1948–1951 года стал не столько результатом убийства Абдаллы, сколько был предопределен существовавшими в то время политическими условиями.

Ключевые слова: Государство Израиль, Иордания, мирные переговоры, Палестина, война 1948 года.

На сегодняшний день лишь две арабских страны, имеющих общую границу с Израилем, подписали с еврейским государством мирные соглашения: Египет, заключивший мир 26 марта 1979 года и Иордания, подписавшая соглашение 26 октября 1994 года. Между тем, если урегулирование с Египтом стало результатом двусторонней дипломатии и американского посредничества с 1977 по 1979 год, то мирное соглашение с Хашимитским королевством завершило более чем семидесятилетний период тайных и публичных дипломатических контактов, которые иорданские монархи поддерживали с Израилем, а переговоры, приведшие в 1994 году к миру, были отнюдь не первой попыткой двух стран прийти к урегулированию.

Первой – и неудачной, однако – попыткой заключить всеобъемлющее двустороннее мирное соглашение между Израилем и Иорданией стали переговоры, которые обе страны вели с декабря 1948 по июль 1951 года. Хотя в период с 1948 по 1953 год еврейское государство вело со всеми своими географическими соседями переговоры, хотя и разной степени интенсивности, о достижении двустороннего урегулирования (в 1948–1951 годах с королем Иордании Абдаллой I, в 1949 году с режимом полковника Х. Заима в Сирии, в 1952–1953 годах с правительством «Свободных офицеров» в Египте), именно переговоры с Иорданией были наиболее длительными, начавшись еще во время де-юре не завершенной войны и наиболее обещающими с точки зрения результативности.

Однако два с половиной года переговоров Израиля и Иордании так и не привели к какому-либо результату. Почему две стороны, имевшие более чем тридцатилетний опыт контактов, соглашений и компромиссов, так и не достигли мира к 1951 году? Какие причины привели к провалу переговоров, хотя у обеих стран была воля к миру? Стало ли убийство короля Абдаллы в июле 1951 года тем фатальным событием, которое положило конец мирным переговорам, или же неудачный их исход был предопределен задолго до этого трагического события?

Одним из центральных векторов внешней политики эмира Трансиордании Абдаллы, с самого момента создания эмирата в 1921 году, был сирийский и палестинский вектор. Амбиции и происхождение Абдаллы не позволяли ему довольствоваться той малой по территории и крайне бедной в сравнении с соседними Ираком или Сирией, страной. Если конечной и главной целью для эмира Трансиордании был трон в Дамаске, то реально достижимой целью стала Палестина. Ее важность не ограничивалась исключительно землями и населением – важнейшей задачей Абдаллы было получить контроль над третьим святым городом ислама – Иерусалимом.

Единственной силой, которая могла помочь Абдалле осуществить его планы, в кратко- и долгосрочной перспективе, была Великобритания. Британский представитель в Аммане стал одним из советников эмира Абдаллы, а командующим армией эмирата стал английский офицер – Дж. Глабб. Лояльность Трансиордании была косвенно отмечена в выводах комиссии Пиля, отчет которой, опубликованный в июле 1937 года, обладал особой важностью для Абдаллы. Он содержал принципиально новую, ранее не высказывавшуюся, идею – идею раздела Палестины на два государства, еврейское и арабское. Важным положением доклада стало признание глубоких социальных и культурных различий двух общины, населявших Палестину, которые делали фактически невозможным их сосуществование в рамках одной страны. Согласно границам, проведенным британскими чиновниками, еврейское государство должно было занимать прибрежную полосу, от Газы до

Галилеи, общей площадью около 5 тысяч квадратных километров. Иерусалим, вместе с коридором к порту Яффы, должен был оставаться анклавом под британским управлением. Все же остальные территории предлагалось объединить в арабское государство, которое – что было самым важным для Абдаллы – должно было быть присоединено к Трансиордании. Эмир Трансиордании стал единственным арабским лидером, который публично поддержал идеи комиссии Пиля, и он же имел большего всего оснований быть разочарованным после публикации отчета комиссии Вудхеда, де-факто отменявшей все решения лорда Пиля.

После Второй мировой войны, когда вопрос Палестины был передан на решение в ООН, король Абдалла вновь не получал того, на что рассчитывал: по «плану большинства», который впоследствии будет одобрен в ноябре 1947 года как резолюция 181 (II), предполагалось создать на месте мандатной Палестины еврейское и палестинское арабское государство. Абдалла и Иордания согласно этому плану не получали никакую часть Палестины, даже самую малую. Начавшиеся еще в августе 1946 года и завершившиеся в ноябре 1947 года соглашения Г. Меир и короля Абдаллы, переговоры между еврейской общиной Палестины и Иорданией были призваны обойти решения международной организации и разделить Палестину так, как то было предложено Пилем – между еврейским государством и Иорданией. Такое развитие событий означало исключение из политической игры муфтия аль-Хусейни, значительное приращение территории – для Иордании и раздел страны со стабильным и политически умеренным партнером – для *ишува*.

Дипломатия во время войны и заключение перемирия

С официальным завершением британского мандата на Палестину и провозглашением независимости Израиля 14 мая 1948 года, началась интервенция армий арабских стран. Несмотря на достигнутые в 1946 году договоренности между королем Абдаллой и еврейским *ишувом* относительно раздела Палестины и недопущения создания независимого арабского государства, давление другим арабских стран на Иорданию было столь велико, а результаты последней встречи Г. Мейер и Абдаллы столь неутешительны, что руководители Израиля не могли полностью быть уверены в намерениях Абдаллы [7, с. 83–84].

В полночь 15 мая Арабский легион, перейдя реку Иордан, начал постепенно занимать территории, предназначенные для палестинского арабского государства, избегая при этом столкновений с вооруженными силами еврейского государства. Единственной ареной боев между иорданскими и израильскими частями стал Иерусалим.

В целом бои на израильско-иорданском фронте, сосредоточенные в основном именно в районе Иерусалиме и Латруна, длились с середины мая по середину июля 1948 года. К

моменту вступления в силу второго перемирия, 18 июля, король Иордании достиг поставленных перед собой задач: Арабский легион оккупировал большую часть территорий, предназначенных для палестинского арабского государства, не вступив при этом в широкомасштабный конфликт с израильскими войсками; под его контролем находилась также восточная часть Иерусалима, включая Старый город, что значительно улучшало позицию Абдаллы в арабском мире [5, с. 26]. Кроме того, растянутая линия фронта, а также интенсивные бои в районе Латруна значительно истощили имевшие в распоряжении армии Иордании боеприпасы, что сделал ее поражение в случае широкомасштабного наступления израильских частей практически неминуемым. Все это привело к тому, что с июля 1948 года главным вектором политики Абдаллы становится обеспечение своего контроля над захваченными землями в Палестине: задача, стоявшая перед ним, сводилась к тому, чтобы тем или иным способом гарантировать свои завоевания от возможного посягательства на них стороны Израиля, других арабских стран или же муфтия аль-Хусейни [4, с. 81].

Закрепить контроль над территориями, которые впоследствии станут Западным берегом реки Иордани, могли либо коллективные гарантии арабских стран, по крайней мере крупнейших – Ирака, Египта, Сирии и Саудовской Аравии, либо масштабные поставки вооружений из Великобритании, которые бы значительно улучшили боеспособность Арабского легиона, повысив его шансы на победу в случае израильской атаки, либо международные гарантии со стороны ООН, при поддержке Англии и США.

Единодушный отказ арабских стран, который король Иордании получил во всех без исключения арабских столицах, признать его амбиции и претензии оставлял мало шансов на то, что аннексия Западного берега будет когда-либо признана [15, с. 175]. Возможность гарантировать территориальные приобретения посредством достижения соглашения с Великобританией о поставках оружия Арабскому легиону использовать также не удалось ввиду позиции США, заявивших, что они «не потерпят какого-либо нарушения эмбарго» [2, с. 294]. После того, как все возможные пути, с помощью которых можно было бы гарантировать приобретения на Западном берегу, зашли в тупик, единственно возможной опцией, к началу августа 1948 года, для Абдаллы стал прямой контакт с Израилем и достижение договоренности с ним.

К середине июля 1948 года руководители еврейского государства также пришли к заключению, что «пришло время решить палестинскую проблему посредством прямых переговоров, а не через услуги посредников» – так это сформулировал Д. Бен-Гурион на заседании Временного государственного совета 22 июля [13, с. 208]. Особую опасность в сложившейся ситуации глава еврейского государства видел в том, что Арабский легион, получи он во время перемирия необходимое вооружение из Англии, мог стать серьезной

угрозой и изменить баланс сил. Вторым мотивом начать переговоры стали противоречия среди арабских стран, которые позволяли Израилю использовать благоприятный момент, чтобы решить благоприятно для себя вопрос границ.

Таким образом, к концу июля – началу августа 1948 года и израильтяне, и иорданцы, руководствуясь в целом схожими мотивами, пришли к заключению о необходимости возобновить прямой диалог и достичь двустороннего соглашения. Прямые контакты между сторонами прервались накануне начала войны, последней встречей на высшем уровне стала встреча Г. Мейер и Абдаллы 10 мая, за четыре дня до истечения срока мандата [8, с. 279]. В начале августа Э. Сассон, возглавивший Ближневосточный отдел МИД Израиля, отправился в Париж, дабы установить «дипломатические контакты с представителями арабских правительств, в особенности с королем [Абдаллой]» (так формулировал свою задачу сам израильский дипломат) [9, с. 54]

Израиль же сделал окончательный выбор в пользу переговоров с Абдаллой несколько позже, только в середине ноября 1948 года. Причиной колебаний был тот факт, что внутри дипломатического корпуса не существовало единой позиции относительно того, что же предпочтительнее с точки зрения долгосрочных интересов: иорданский контроль над Западным берегом или же создание там слабого и зависимого палестинского государства во главе каким-либо умеренным лидером.

Окончательное решение по всем спорным вопросам вынес Д. Бен-Гурион. Мирную инициативу короля Фарука он рассматривал исключительно как уловку, не придав ей какого-либо значения. А 31 октября 1948 года, Д. Бен-Гурион отдает распоряжение Министерству иностранных дел направить официальное письмо королю Иордании с предложением заключить перемирие в Иерусалиме и установить постоянный контакт между командующими армейскими частями с обеих сторон – М. Даяном и А. аль-Талем. Комментируя свое решение, Бен-Гурион сказал: «Я верю в искренность Абдаллы. Думаю, что он действительно хочет мира ... Мы всегда хотели говорить с Абдаллой и хотим сейчас» [13, с. 252].

В конце ноября 1948 года, при содействии наблюдателей от ООН, Израиль подписал первое соглашение с арабской страной – соглашение о прекращении огня в Иерусалиме. 29 ноября М. Даян и А. аль-Талль договорились о прекращении боевых действий в Иерусалиме, обеспечении движения для поставок необходимых грузов в израильский анклав на горе Скопус и о налаживании постоянных консультаций между командующими. В ходе трех встреч – 29 и 30 ноября и 5 декабря 1948 года – Даян и аль-Талль согласовали все спорные вопросы. Характерной особенностью соглашения о прекращении огня в Иерусалиме был тот факт, что обе стороны подписывали локальное перемирие не с целью возобновления боев в

ближайшем будущем, а с целью заложить основу для мирных переговоров. Кроме того, заключая подобное соглашение и Израиль, и Иордания находились в сходных условиях: обе стороны стремились обойти ООН и не допустить интернационализации города, а также вынуждены были представлять своему населению заключенное соглашение как чисто тактический ход, но не как шаг на пути к мирным переговорам.

Р. Шилоах, М. Даян и А. аль-Талль встречались трижды – 28 и 30 декабря 1948 и 5 января 1949 года – однако самой важной стала последняя встреча, на которой подробнее обсуждались детали и принципы будущих переговоров. Хотя израильские представители согласились с аннексией Западного берега Иорданией, остальные требования Абдаллы были значительно менее приемлемыми: во-первых, иорданцы требовали территорию в южном Негеве, которая бы соединяла их территорию и Египет и де-факто бы отрезала еврейское государство от Красного моря; во-вторых, в Иерусалиме Абдалла требовал себе весь Старый город, Немецкую колонию, квартал Катамон и все кварталы в южной и восточной частях города. В целом, Абдалла настаивал на том, чтобы за основу будущих переговоров была положена резолюция №181 ООН и первый план Бернадотта, Израиль же настаивал на том, чтобы в основе была реальная, де-факто, ситуация на фронте к моменту начала переговоров. Эти требования вызвали резкое недовольство Д. Бен-Гуриона, который, через М. Даяна, передал Абдалле практически прямую угрозу: «Трансиордания – отнюдь не в лучшем положении, и она должна, наконец, сделать выбор между войной и миром!» [9, с. 70]. В условиях очередного наступления израильтян на египетском фронте это заявление было расценено в Аммане почти как ультиматум, и 13 января, в тот же день, когда правительство Египта официально согласилось на начало переговоров о перемирии на Родосе, король Абдалла «в знак своего искреннего стремления к миру» пригласил израильских представителей на личную встречу в свою зимнюю резиденцию в Шуна [13, с. 271].

К ноябрю 1948 года израильское руководство, отклонив египетские мирные инициативы и палестинскую опцию, также активизировала свои контакты с Абдаллой. Первым подготовительным этапом на пути к переговорам о перемирии стало соглашение о прекращении огня в Иерусалиме, в след за которым последовали консультации Даяна, Шилоаха и аль-Талля о деталях будущих переговоров. В момент, когда консультации зашли в тупик, де-факто ультиматум Израиля и личное вмешательство Абдаллы открыли новую фазу – фазу переговоров о перемирии.

В середине января 1949 года на греческом острове Родос, под эгидой Организации объединенных наций и на основании ее резолюции от 16 ноября 1948 года, при посредничестве ее представителя Р. Банча, открыли переговоры между Израилем и арабскими странами [6, с. 39]. На Родосской конференции представители Израила вели

переговоры с каждой арабской страной в отдельности, однако переговоры с Иорданией существенно отличались от диалога со всеми другими арабскими государствами.

Прежде всего, линия фронта с Иорданией, ко времени начала официальных переговоров на Родосе 4 марта, была наиболее протяженной и наиболее географически сложной. Во-вторых, если южную часть фронта контролировали собственно иорданские войска, Арабский легион, то северную часть, в Самарии, держали под своим контролем иракские части. Более того, линия фронта делила на две части Иерусалим, так что весь Старый город оказался в руках Иордании. В-четвертых, линия фронта достаточно значительно отличалась от тех границ, которые были проведены Специальной комиссией ООН по Палестине и одобрены резолюцией №181 в 1947 году. В-пятых, со своей стороны Израиль активно применял «принудительную дипломатию» [10, с. 315]. В-шестых, вероятно, самой важной особенностью переговоров стал тот факт, что все ключевые решения по судьбоносным для обеих стран вопросам принимались не делегатами на Родосе в рамках официального, поддерживаемого ООН, диалога, а дипломатами и специальными посланниками на закрытых встречах, в зимней резиденции короля Абдаллы.

Центральное место в переговорах между Израилем и Иорданией в 1949 году занимали три темы: вопрос о будущем Негева, вопрос об иракских войсках в и границе в Самарии и вопрос об Иерусалиме. Если Абдалла требовал себе южный Негев, так чтобы между Иорданией и Египтом была общая граница, то Израиль настаивал на том, чтобы границы был проведены так, как это оговаривает резолюция ООН от 29 ноября 1947 года. Вопрос с иракским корпусом оказался значительно более сложным: с одной стороны, полоса между линией фронта и Средиземным морем была очень узкой, и израильтяне настаивали на ее расширении; с другой стороны, было совершенно неясно, насколько иракские части подчинятся любому соглашению по этому поводу, принимая во внимание, что Ирак не участвовал напрямую в обсуждениях.

Попытка примирить позиции была сделана представителями обеих сторон до начала официальных переговоров на Родосе в ходе двух встреч, состоявшихся 16 января и 2 февраля 1949 года. Хотя на первой встрече участвовали лично король Абдалла и Э. Сассон, иорданская сторона лишь подтвердила свое намерение заключить мирное соглашение, без согласования его пунктов с другими арабскими государствами и ЛАГ. Однако в то же время Абдалла вновь повторил свое требование получить контроль над южным Негевом и сектором Газа. Вторая встреча, состоявшаяся уже в Иерусалиме между М. Даяном и личным врачом Абдаллы после консультаций короля с регентом Ирака, была не многим успешней: единственным ее результатом стало заверение короля Иордании в том, что он уполномочен вести диалог с Израилем и от имени Ирака также, однако никаких гарантий и тем более

точного графика вывода иракских войск из Самарии он дать не может [15, с. 182]. Нежелание иорданцев идти на компромисс, с одной стороны, и давление представителя ООН Р. Банча, пригласившего 31 января 1949 года все заинтересованные и вовлеченные в конфликт стороны начать переговоры на Родосе, вызвали недовольство израильских руководителей, заставив Д. Бен-Гуриона назвать короля Абдаллы не иначе как «бесполезным человеком», и подтолкнули их к началу военной операции с целью получить выход к Красному морю и установить свой военный контроль над Негевом [9, с. 77].

Формально согласившись 4 марта 1949 года на начало консультаций с иорданцами на Родосе, Израиль, на следующий же день, начал военную операцию (операцию «Увда») по захвату южного Негева. Продолжавшееся вплоть до 10 марта наступление достигло своей цели, и израильские части вышли к берегу Красного моря. Хотя этот шаг вызвал резкое недовольство Абдаллы, у Иордании не было ни военных, ни дипломатических возможностей остановить Израиль или же заставить уйти с занятых территорий. По завершению операции, 11 марта, между Иорданией и Израилем было подписано соглашение о прекращении огня.

В середине марта 1949 года иракское правительство достигло соглашения с Иорданией о том, что Арабский легион возьмет под свой контроль сектор, удерживавшийся ранее Ираком, а сами иракские войска начнут постепенную эвакуацию. Процесс передачи полномочий от одних командиров другим был использован Израилем с целью оказать давление на Абдаллу и заставить его уступить часть территории в Самарии. Часть израильских генералов, в частности командующий южным фронтом генерал Аллон, полагали, что соглашения с Абдаллой и действия израильских войск в ходе войны привели к тому, что «была упущена возможность установить естественную и легко защищаемую границу по реке Иордан». Король Иордании, находясь под двойным давлением – с одной стороны, он опасался атаки Израиля, с другой стороны, он не доверял иракским войскам, считая возможность их нападения на Амман вполне вероятной – принял решение пойти на уступки и пригласил М. Даяна на встречу [13, с. 293]. На личной встрече между Абдаллой, А. аль-Таллем и М. Даяном иорданцы согласились уступить Израилю полосу требуемую полосу земли, тем самым выполнив изначальное требование израильтян.

Детально, на карте, достигнутые решения были зафиксированы в ходе двух встреч, состоявшихся 22 и 23 марта 1949 года. Иордания уступила полосу земли длиной приблизительно в шестьдесят километров вдоль линии фронта, Израиль сделал несколько символических уступок в свою очередь. В целом, к 23 марта все детали были согласованы, однако проект соглашения о перемирии должен был быть утвержден не только королем, но и премьер-министром Иордании. Когда иорданские министры ознакомились с текстом, они потребовали созвать еще одно совещание с израильтянами, дабы внести некие коррективы.

27 марта требования премьер-министра Иордании, которые содержали, во-первых, придание публичности достигнутым соглашениям, во-вторых, сокращение переходного периода и де-факто немедленную передачу оговоренной полосы земли под контроль Армии обороны Израиля, и в-третьих, произвести некоторые изменения линии границ, были переданы израильской стороне. Через три дня состоялась последняя встреча израильских и иорданских представителей, на которой были в целом сняты спорные вопросы, и 3 апреля 1949 года официальные делегации двух стран на острове Родос подписали перемирие.

Подписанный документ стал третьим перемирием, заключенным между Израилем и арабскими странами (первым был Египет, вторым – Ливан). В нем впервые официально использовалось название «Иорданское Хашимитское королевство» и впервые же полностью исчезал термин «Палестина»: та же ее часть, что отошла к Иордании стала официально называться «Западный берегом реки Иордан». Хотя соглашение не касалось проблем Иерусалима, Латруна, предприятий в районе Мертвого моря, было решено создать совместную иордано-израильскую комиссию, без представителей ООН, для обсуждения этих проблем. Важно подчеркнуть, что соглашение формально не признавало аннексию Западного берега Иорданием и, более того, оговаривало, что «изложенные параграфы не должны никоим образом предопределять права и требования обеих сторон в вопросе окончательного мирного урегулирования» [13, с. 313]. Таким образом, несмотря на то, что пограничная линия, согласованная 23 марта 1949 года, стала де-факто границей между Израилем и Иорданием вплоть до Шестидневной войны июня 1967 года, во время Родосской конференции она рассматривалась исключительно как временная, а постоянная граница должна быть проведена по итогам мирным переговорам.

Переговоры между Израилем и Иорданием в 1949–1951 гг.

Отличительной особенностью Родосских соглашений 1949 года был их временный характер: и руководители Израиля, и главы арабских государств полагали, что вслед за заключением соглашений о перемирии последует открытие мирных переговоров, на которых будут окончательно урегулированы все спорные и оставшиеся неразрешенными вопросы.

Вплоть до 20 июля 1951 года – день, когда в Иерусалиме был убит король Абдалла – Израиль поддерживал постоянный контакт с Иорданием. Переговоры между двумя странами можно условно разделить на три фазы: первая началась сразу же после подписания соглашения о перемирии и проходила в рамках смешанной иордано-израильской комиссии (аналогичные комиссии были созданы по условиям Родосских соглашений со всеми граничащими с Израилем арабскими странами); вторая фаза началась в мае 1949 года и

продолжалась вплоть до ноября 1949 года в рамках Лозаннской конференции; наконец, третья, и вероятно самая важная, фаза представляет собой прямые двусторонние переговоры, без участия посредников ООН, которые начались в ноябре 1949 года и длились вплоть до убийства короля Абдаллы.

Обе стороны стремились перевести переговоры о перемирии в переговоры о мире и заключить, по их итогам, постоянное двустороннее соглашение. Императивом действий для Абдаллы было стремление достичь мирного урегулирования с Израилем, которое бы предполагало, де-юре или по крайней мере де-факто, признание контроля Иордании над Западным берегом. В условиях, когда Великобритания отказывалась распространить действие англо-иорданского договора о взаимопомощи на Западный берег, когда палестинское население новоприобретенных территорий отнюдь не всегда оказывалось лояльным, только прямое соглашение с Израилем могло гарантировать сохранение власти Абдаллы. Немаловажным интересом Иордании также был выход к Средиземному морю, особенно учитывая, что единственный порт королевства – Акаба – находился на Красном море и был относительно небольшим и неразвитым. Наконец, соглашение с Израилем было необходимо Абдалле, дабы закрепить свой контроль над частью Иерусалима и не допустить его интернационализации.

Руководители Израиля, со своей стороны, также стремились к заключению мира с Иорданией, равно как и с другими арабскими странами, однако руководствуясь другими соображениями и делая значительные оговорки. Мир с Иорданией, достижение которого представлялось многим израильским дипломатам в целом несложной задачей, означал прецедент и мог бы подтолкнуть другие арабские страны к подобным шагам. Кроме того, заключение мира с Иорданией, граница с которой была наиболее протяженной и наиболее географически сложной, позволило бы значительно сократить армию и оборонные расходы в целом. Общей целью обоих государств было решение вопроса Иерусалима без участия международных структур. Наконец, специфически израильским интересом в переговорах было юридическое оформление невозможности возвращения палестинских беженцев в Израиль [15, с. 297]. Наиболее важной особенностью израильской позиции, сформулированной еще 18 января 1949 года на заседании Временного государственного совета Д. Бен-Гурионом, была идея о «жизненной необходимости мира» с арабскими странами, но «отнюдь не любой ценой» [14, с. 658].

Несмотря на волю обеих стран к заключению мира целый ряд объективных, не зависящих от высших руководителей, обстоятельств серьезно затруднял достижение этой цели. Прежде всего, внутривнутриполитическая ситуация в обеих странах значительно усложнилась в сравнении с предыдущими годами: если в Иордании все большую силу набирал кабинет

министров, с которым королю Абдалле приходилось считаться, то в Израиле правящая Рабочая партия вынуждена была принимать во внимание настроения и ожидания населения (дабы не лишиться части голосов в пользу правого «Херута» и левой Социалистической рабочей партии). Еще одним препятствием стала крайняя диспропорция в военных возможностях двух стран: Израиль вышел из войны доминирующей силой, способной диктовать свои условия и применять угрозу силы – Абдалла же, напротив, стал значительно более уязвим в военном отношении, ввиду того, что его покровитель и союзник Великобритания уже не располагала после Второй мировой войны прежними ресурсами и силами. Вследствие этой диспропорции Абдалла, столь стремившийся к переговорам с Израилем, в то же время опасался прямых двусторонних контактов. Наконец, сама структура международных отношений стала значительно более сложной: если раньше ключевым фактором для успеха двусторонних договоренностей было согласие Великобритании, то теперь в ближневосточной политике все более заметную роль стали играть ООН, США, а чуть позже и Советский союз [2, с. 294].

Так или иначе, основными вопросами, которые Израиль и Иордания ставили на повестку дня двусторонних переговоров, были, во-первых, вопрос о Западном берегу реки Иордан; во-вторых, вопрос о предоставлении Иордании выхода к Средиземному морю; и в-третьих, вопрос об Иерусалиме. Именно они станут основными проблемами, обсуждавшимися на всех трех этапах иордано-израильских переговоров в 1949–1951 годах.

Иордано-израильская комиссия, начавшая свою работу сразу после подписания соглашения о перемирии, состояла из представителей двух стран (с иорданской стороны главным представителем был подполковник аль-Джунди, а с израильской – М. Даян) и наблюдателя от ООН. В задачи всех подобных комиссий входило, прежде всего, наблюдение за исполнением параграфов перемирия, решение вопросов, связанных с обменом военнопленными, проведение демаркационных линий и разрешение технических проблем на границе. Главными же функциями иордано-израильской комиссии стали, во-первых, наблюдение за разъединением войск, во-вторых, раздел «ничейной земли» (пространства между укреплениями и траншеями противников во время войны) и, в-третьих, демаркация географически крайне сложной и протяженной границы. В целом, деятельность комиссии не только не внесла ясности во множество приграничных споров, но скорее обострила их. Наиболее сложной стала проблема демаркации границ в Иерусалиме, где израильские представители требовали, среди прочего, свободный доступ к горе Скопус, на которой располагался Еврейский университет и госпиталь Хадасса, и доступ к Западной стене, а также настойчивые требования Абдаллы предоставить ему порт на Средиземном море. Уже к началу мая 1949 года переговоры в рамках смешанной комиссии зашли в тупик, и

потребовалось вмешательство министра иностранных дел М. Шаретта и премьер-министра Т. абу аль-Худа, дабы избежать кризиса.

По мере того, как иорданские представители и лично Абдалла не шли на желательные для Израиля уступки, в среде израильского дипломатического корпуса выкристаллизовалась позиция, согласно которой «с Абдаллой необходимо заключить некие практические соглашения [а не мирный договор]» (так сформулировал эту идею Р. Шилоах) и «удовольствоваться на данный момент лишь соглашением о перемирии, не торопясь признавать его власть на той или иной частью страны или Иерусалима» (по мнению М. Шарета) [9, с. 110]. Иорданцы же, со своей стороны, видя неготовность израильтян идти к декларируемой ими цели мирного соглашения, высказывали, устами премьер-министра Т. абу аль-Худа, сомнения, что Израиль «хочет добиться нужных ему уступок, а затем прервать переговоры, так и не заключив мир» [9, с. 113]. После того, как в течение апрель-мая 1949 года деятельность смешанной комиссии не принесла никаких результатов, и Израиль, и Иордания прервали двусторонние переговоры и начали консультации в рамках Комиссии по урегулированию в Палестине, заседания которой проходили с мая по ноябрь 1949 года в Лозанне под эгидой Организации объединенных наций. Несмотря на тот факт, что обе стороны были крайне недовольны друг другом по итогам имевших место совещаний аль-Джунди и Даяна, и невзирая на абсолютное неверие в возможность достичь какого-либо прогресса в Лозанне, Израиль и Иордания согласились на эти переговоры, во многом под международным давлением (под угрозой наложения вето на их вступление в ООН).

На конференции в Лозанне стали явными серьезные противоречия между Израилем и арабскими странами в трактовке существующего положения, а центральное место в повестке дня заняли вопрос границ и вопрос палестинских беженцев. Так, если Израиль рассматривал линии разъединения войск, зафиксированные в соглашениях о перемирии, как временные границы, до достижения окончательного урегулирования, со всеми вытекающими из этого обязательствами обеих сторон; кроме того, представители Израиля настаивали на полном праве еврейского государства осуществлять поселенческую деятельность на всей территории страны, не принимая во внимание права тех, кто в результате войны стал беженцами. Арабские же страны полагали, что признание Израиля *ad hoc* отнюдь не означает автоматического признания его суверенитета над той территорией, которая оказалась под его контролем, и кроме того, арабские страны настаивали на необходимости вернуть палестинских беженцев обратно и отрицали право Израиля использовать их имущество и землю по своему усмотрению. Согласно резолюции ЛАГ, Израиль, во-первых, должен был согласиться на возвращение беженцев; и во-вторых, отдать часть собственной территории для расселения тех беженцев, которые не пожелают, по тем или иным причинам, вернуться

обратно. Таким образом, арабские страны на Лозаннской конференции увязали вопрос о заключении мирного договора с вопросом о возвращении палестинских беженцев.

Как только данная позиция, и невозможность ее изменить, стала очевидной для израильских делегатов, они возобновили, теперь уже секретно, контакты с иорданскими и египетскими представителями. Так, в течение мая и июня 1950 года Э. Сассон и В. Эйтан, генеральный директор МИД Израиля, встречались с министром обороны Иордании Ф. аль-Мульки, однако никакого прогресса достигнуто не было. Если первоначально король Египта Фарук выражал готовность заключить мир с Израилем, о чем сообщил в личном послании Э. Сассону, то впоследствии, из интересов внутренней политики, все контакты между египтянами и израильянами были прерваны [13, с. 351]. Больше того, как только информация о тайных встречах представителей Израиля, Египта и Иордании стала достоянием гласности, разразился скандал, который привел к замораживанию работы Комиссии по урегулированию. Лозаннская конференция заставила израильских дипломатов и министров по-новому взглянуть на перспективу достижения мирного договора с Иорданией. Как указывал М. Шарет, «Абдалла теперь – единственный арабский правитель, который согласится подписать хоть какое-то соглашение, не оговаривая предварительным условием возвращение беженцев». Эту идею поддержал также один из руководителей Министерства обороны Ш. Авигур, указывавший, что «соглашение с Трансиорданией устранил саму возможность возвращения большей части беженцев» [9, с. 117].

Между тем, возобновлению прямых переговоров Израиля и Иордании препятствовали два фактора: израильский МИД рассматривал возможность достижения соглашения не с арабскими странами вообще, и не с Абдаллой в частности, а в первую очередь с палестинскими арабами; кроме того, Государственный департамент США настаивал на продолжении работы Комиссии по урегулированию в Лозанне, и ни одна из стран не решалась покинуть стол переговоров.

Так, вопрос о «палестинской опции» обсуждался на заседании израильского кабинета министров 21 июня 1949 года. По словам М. Шарета, создание палестинской автономии на Западном берегу и в секторе Газа должно снять с повестки дня проблему коридора, который требует Абдалла, а также проблему разделенного Иерусалима. В целом, резюмировал свою позицию глава МИДа, создание автономии в сложивших условиях могло бы стать для Израиля более выгодным, чем любая договоренность с Абдаллой. Однако с критикой этой идеи выступил Д. Бен-Гурион: его опасение состояло не столько в перспективе новой войны с Абдаллой («Арабский легион действительно представляет собой препятствие, однако мы в состоянии устранить его» [9, с. 120]), сколько в невозможности найти таких палестинских лидеров, которые бы были легитимны в глазах населения. По итогам заседания премьер-

министр отклонил «палестинскую опцию» и дал распоряжение У. Эйтану, находившемуся в Швейцарии, выяснить точные предварительные условия начала двусторонних переговоров с Иорданией о мире.

Условия эти состояли в требовании исключительного раздела Палестины между Израилем и Иорданией, в предоставлении Иордании права действовать самостоятельно с целью получить сектор Газа, в признании необходимости корректировок границ между двумя государствами и, наконец, в необходимости, чтобы «Израиль внес вклад в решение проблемы беженцев, уже после подписания мирного договора» [9, с. 121]. До октября 1949 года Государственный департамент США настаивал на продолжении работы Комиссии по урегулированию в Палестине и предостерегал все заинтересованные стороны от односторонних шагов. Ситуация кардинально изменилась в начале ноября 1949 года, когда конференция американских дипломатов, собравшихся для обсуждения и корректировки ближневосточной политики США, признала провал Лозаннской конференции и рекомендовала начать прямые двусторонние переговоры между Израилем и арабскими странами, тем самым дав «зеленый свет» контактам с Абдаллой [9, с. 125].

Таким образом, 27 ноября 1949 года возобновились прямые переговоры Израиля и Иордании. С израильской стороны в них участвовали Р. Шилоах и Э. Сассон (представители МИДа; когда Э. Сассон стал послом в Турции, его сменил его сын – М. Сассон) и И. Ядин и М. Даян (представители армии). Главными переговорщиками со стороны Иордании были лично король Абдалла и министр королевского двора, а впоследствии премьер, С. Рифаи. В начале обе стороны были настроены на подписание всеобъемлющего мирного договора и выражали готовность идти на уступки, даже весьма болезненные. Одним из самых важных тезисов Абдаллы был тезис о необходимости заключить такой мирный договор, который бы не выглядел в глазах арабского мира предательством или сговором, а посему иорданцы предъявляли значительные территориальные требования, которые касались прежде всего южного Негева или же предоставления полосы для выхода к Средиземному морю. После долгих обсуждений 13 декабря 1949 года был достигнут прорыв, и израильтяне согласились (на уровне принципа) выделить Иордании полосу земли к морю. Пойти на столь существенную уступку Израиль заставило изменение международной ситуации, и в частности, принятие обсуждение на Генеральной ассамблее ООН декларации о необходимости интернационализации Иерусалима [2, с. 291]. В таких условиях израильское руководство полагало необходимым скорейшим образом заключить договор с Абдаллой.

Согласно предлагавшему проекту мирного договора, Израиль и Иордания признают раздел Иерусалима, производят изменения в границе в районе Латруна и, что самое важное, Израиль предоставляет Иордании коридор от Хеврона до Газы, который должен был

находиться под иорданским суверенитетом, с двумя оговорками: Израиль имел право пересекать коридор в нескольких точках, а Иордания не имела права возводить внутри коридора никакие оборонительные сооружения. Кризис в переговорах наступил десять дней спустя, 23 декабря, когда представители Израиля прибыли для детальной разработки одобренного принципа, однако уже не с Абдаллой, а с Самиром Рифаи. Противоречие состояло в том, что иорданцы требовали себе полосу шириной в несколько километров, а израильтяне готовы были выделить полосу шириной лишь несколько сот метров, которая выходила к морю в месте, совершенно непригодном для строительства порта. Несмотря на давление Абдаллы, ни С. Рифаи, ни премьер Т. абу аль-Худа не готовы были подписать подобный договор; конфликт между высшими руководителями Иордании достиг к концу 1949 года такой остроты, что кабинет министров подал в отставку, и король вынужден был объявить новые выборы. С этого времени идея подписания мирного договора была отложена, а прямой контакт прервался [11, с. 50].

В середине января 1950 года диалог между Иорданией и Израилем был возобновлен, по инициативе короля Абдаллы, которые предлагал отложить подписание мирного договора и сосредоточиться исключительно на проблеме Иерусалима. Р. Шилоах и М. Даян представили иорданцам требование передать Израилю Западную стену и Еврейский квартал Старого города, премьер Иордании в свою очередь настаивал на передаче арабских кварталов западной части Иерусалима. В процессе обсуждения этих требований правительствами обеих стран стала очевидной невозможность прийти к согласию и по этому вопросу также: Т. абу аль-Худа заявлял, что «ни при каких условиях арабский мир не согласится на передачу Израилю Стены плача ... в случае если Иордания пойдет на это, она может быть исключена из ЛАГ», министр же иностранных дел Израиля прямо заявлял, что «не понимает, как можно достичь мира без существенных уступок со стороны Израиля», на которые он «пойти не готов ... и не понимает также, что Израиль может дать Трансиордании, на данном этапе» [9, с. 141]. Таким образом, несмотря на желание короля Абдаллы заключить если не мирный договор, то хотя бы соглашение по Иерусалиму, противодействие со стороны иорданского кабинета министров, опасавшегося, с одной стороны, народных волнений в случае подписания какого-либо договора с Израилем, а с другой стороны – реакции ЛАГ и остракизма со стороны других арабских стран, не позволило заключить ни один из планировавшихся договоров.

Новый раунд переговоров начался 17 февраля 1950 года с предложения Абдаллы заключить пакт о ненападении сроком на 5 лет. Согласованный между Р. Шилоахом, М. Даяном, с одной стороны, и Абдаллой и С. Рафи – с другой, проект включал в себя, во-первых, заключение пакта о ненападении; во-вторых, признание существующих границ; в-

третьих, предоставление гарантии ненарушения прав никакой религии в святых местах Иерусалима; в-четвертых, предоставление компенсации жителям Иерусалима за потерянное имущество; наконец, в-пятых, предоставление Иордании особой зоны в порту Хайфы. Израиль принял продиктованные королем Абдаллой предложения как основу, и обе стороны договорились встретиться через неделю для обсуждения деталей. 24 февраля 1950 года представители Израиля и Иордании представили друг другу разработанные проекты пакта о ненападении. Разница между двумя проектами оказалась огромной: иорданцы представили документ, озаглавленный не как «пакт о ненападении» а как «модифицированное соглашение о перемирии», кроме того, в тексте на арабском языке отсутствовали некоторые согласованные ранее пункты, такие как свобода торговли, например. В итоге израильтяне подписывать представленный иорданскими представителями документ отказались. Давая комментарии по поводу этой неудачной встречи британскому послу в Аммане, премьер-министр Т. абу аль-Худа 26 февраля прямо заявил, что не намеревался, изначально, доводить переговоры до успешного финала и «сделал все возможное, чтобы убить этот договор» [9, с. 146]. Между тем, 1 марта на заседании израильского правительства, по итогам отчетам Шилоаха и Даяна, Д. Бен-Гурион принял решение о продолжении переговоров и согласии Израиля подписать пакт о ненападении в оригинальном его виде, то есть в том случае, если король Абдалла сможет сломить сопротивление своего правительства. Однако на встрече, состоявшейся 7 марта 1950 года, Абдалла подтвердил свою неспособность справиться с оппозицией со стороны правительства [12, с. 52]. Учувствовавший во встрече министр обороны Ф. аль-Мульки зачитал официальное решение правительства «отложить диалог [с Израилем] в связи с враждебными реакциями в арабском мире и грядущими выборами внутри страны» [13, с. 381].

Начиная с апреля 1950 года, переговоры между Израилем и Иорданией де-факто зашли в тупик. Хотя контакты между королем и израильскими министрами отнюдь не прекратились, их результат оказался минимальным. Уже 1 апреля 1950 года Совет Лиги арабских государств принял постановление, согласно которому любые иностранные армии, вошедшие на территорию Палестины, могли оставаться там лишь временно, до тех пор, пока вся страна не будет освобождена [1, с. 123]. А через день после проведения всеобщих выборов в Иордании, в которых впервые принимали участие как жители восточного берега, так и западного, и которые призваны были легитимировать аннексию Западного берега, 12 апреля, ЛАГ приняла особую резолюцию, запрещающую всем арабским странам-членам организации вести какие-либо сепаратные переговоры с Израилем, каких бы проблем и вопросов они ни касались [13, с. 383]. Для Иордании, не обладавшей ни нефтью, ни другими ресурсами, имевшей относительно слабую армию и бывшей уязвимой геостратегически,

конфликт с ЛАГ, грозившийся привести к ее исключению из организации, был крайне нежелателен. Этим объясняется нежелание правительства Иордании ратифицировать соглашения, достигнутые Абдаллой. По итогам неудач на переговорах в марте и решений ЛАГ в апреле, Р. Шилоах представил отчет, в котором указывал, что «Абдалла выменял ... отказ от мирного договора на де-факто признание арабскими странами аннексии Западного берега» [9, с. 142].

В конце апреля произошло еще одно событие, значительно снизившее мотивацию Абдаллы идти на переговоры с Израилем. 27 апреля 1950 года представитель МИД Великобритании официально заявил, что Лондон признает аннексию Западного берега и подтверждает, что действие англо-иорданского договора о взаимопомощи будет распространяться на всю территорию Иорданского королевства, кроме Иерусалима, однако же, дабы не вызвать противодействие Израиля, МИД Британии отдельно подчеркнул, что на Западном берегу не будут располагаться английские военные базы [2, с. 295]. Фактически это решение означало предоставление английских военных гарантий в случае возможного конфликта с Иорданием с Израилем.

Встречи израильских дипломатов и короля Абдаллы продолжались вплоть до августа 1950 года, когда произошло первое серьезное приграничное столкновение между Армией обороны Израиля и Арабским легионом. С этого времени напряженность на границе постоянно росла: в ответ на инфильтрацию в Израиль с территории Иордании израильские части применяли все более жесткие методы, кульминацией которых стал рейд на деревню Кибия в 1953 году. Эти акции в свою очередь вызывали резкое недовольство иорданского населения, особенно проживавшего на Западном берегу, дабы погасить которое, даже умеренные правительства Иордании прибегали к жесткой риторике в адрес Израиля и отмежевывались от любых мирных инициатив Абдаллы. Рост напряженности на границе, невозможность достичь хоть какого-то прогресса впервые заставили руководителей Израиля сомневаться в желательности каких-либо переговоров с Абдаллой. 13 февраля 1951 года Д. Бен-Гурион, в ответ на просьбу Р. Шилоаха дать ему общие инструкции для очередной встречи с королем, высказал сомнения относительно правильности проводимой политики: не будет ли лучшим заключить сначала мир с Египтом, который политически стабильнее, а границы его естественнее? [13, с. 385]. Высказанные премьер-министром идеи означали значительное снижение заинтересованности израильской элиты в мире с Иорданией, однако не предполагали немедленного прекращения всех встреч с Абдаллой.

Встречи М. Сассона и Р. Шилоаха с королем продолжались до самого убийства Абдаллы 21 июля 1951 года, однако сами дипломаты, по-видимому, не верили в их результативность. Так, М. Сассон, описывая ситуацию в Иордании в последние летом 1951

года, неизменно говорил о «тонущем режиме Абдаллы» и о «переносе центра силы из королевского двора в правительство» [13, с. 391]. К моменту, когда король Абдалла был застрелен в Иерусалиме, шансов на заключение соглашения практически не оставалось. Несмотря на стремление обеих сторон к миру, урегулирование так и не было достигнуто, как ввиду внешних, так и внутренних причин. Прежде всего, территориальные претензии Израиля и Иордании, особенно в вопросе Иерусалима и выхода Иордании к Средиземному морю, оказались непримиримыми – условия мира, предлагаемые Израилем, оказывались неприемлемыми для Абдаллы, которому необходимо было обосновывать договоренность с еврейским государством перед всем арабским миром; а условия, предлагаемые Абдаллой и бывшие, с его точки зрения достаточными для легитимации договора в глазах арабов, оказывались неприемлемыми для Израиля. Кроме того, политическая и общественная жизнь как в Израиле, так и в Иордании стала значительно сложнее, в ней появилось большее групп и центров силы, обладавших собственными интересами, из-за чего мирные инициативы Абдаллы не всегда находили поддержку у правительства, а мнение руководителей Армии обороны Израиля не всегда совпадало с мнением МИДа – следовательно, процесс выработки и принятия даже незначительных решений значительно усложнился, что наложило свое отпечаток на переговоры между двумя странами и серьезно затруднило их. Наконец, две внешние силы – ЛАГ и Великобритания – сыграли свою роль, прямо или косвенно, в срыве консультаций: если арабские государства угрожали Иордании исключение из ЛАГ в случае ведения ею сепаратных переговоров с Израилем, то Великобритания в 1950 году распространила действие англо-иорданского договора о взаимопомощи на Западный берег, тем самым значительно снизив мотивацию Абдаллы искать компромисс с Израилем. Эти факторы, вместе взятые, оказали решающее влияние на ход мирных переговоров, длившихся практически непрерывно с момента заключения перемирия 3 апреля 1949 года и вплоть до убийства Абдаллы 21 июля 1951 года, которые, несмотря на более чем тридцатилетний опыт контактов двух сторон, закончились ничем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. 1947–1967, в 2-х тт. – М.: МДФ, 2003.
2. Ближневосточная политика Великих держав: сборник документов. Том. II. – Нижний Новгород: Институт стратегических исследований ННГУ, 2008.
3. Советско-израильские отношения, в 2-х тт. – М.: «Международные отношения», 2000.
4. Аганин А.Р., Соловьева З.А. Современная Иордания. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.

5. Хамзин К.З. Армия, власть и общество в Иордании // Армия и власть на Ближнем Востоке, под ред. В.М. Ахмедова. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002.
6. Эпштейн А.Д. Бесконечное противостояние: Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.
7. Эпштейн А.Д. Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2005.
8. Gelber Y. Jewish-Transjordanian Relations, 1921–1948. – London: Frank Cass, 1997.
9. Gelber Y. Israeli-Jordanian Dialogue, 1948–1953: Cooperation, Conspiracy or Collusion? – Brighton, UK: Sussex Academic Press, 2004.
10. Morris B. 1948: A History of the First Arab-Israeli War. – Yale: Yale University Press, 2008.
11. Nevo J. Peace Negotiations between Israel and Jordan after the 1948 and 1967 Wars // Journal of Conflict Studies. – 1984. – Vol. 4, No. 3.
12. Shlaim A. The Iron Wall: Israel and the Arab World. – London: Penguin Books, 2000.
13. Shlaim A. The Politics of Partition: King Abdullah, Zionists and Palestine, 1921–1951. – Oxford: Oxford University Press, 1988.
14. Shlaim A. Israel between East and West, 1948–1956 // International Journal of Middle East Studies. – 2004. – Vol. 36, No. 2.
15. Wilson M. King Abdullah, Britain and the Making of Jordan. – Cambridge University Press, 1990.

STANISLAV KOZHEUROV

WARTIME DIPLOMACY: ABDULLAH I OF JORDAN

AND HIS NEGOTIATIONS WITH ISRAEL

IN THE AFTERMATH OF THE BRITISH MANDATE ON PALESTINE

SUMMARY

The Israeli-Jordanian negotiations which took place during the Palestine War of 1948 and in the years that followed (till Abdullah's assassination in July 1951) are in the highlight in the present article. The author makes a point of the fact that neither a common will for peace, nor the coincidence of interests is sufficient for the success of peace talks. The King of Jordan faced a tough problem of legitimizing any possible agreement with Israel in the eyes of his own people, in the eyes of other Arab states and of the West as well. Thereby, the failure of the peace talks is not regarded as a consequence of Abdullah's assassination but is considered as initially doomed by the then political circumstances in the region.

Keywords: Israel, Jordan, Palestine, 1948 War, Peace talks.

ПОИСК РЕШЕНИЯ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ БЕЗ УЧАСТИЯ ПАЛЕСТИНСКИХ АРАБОВ: КЕМП-ДЭВИДСКИЙ САММИТ 1978 ГОДА

АННОТАЦИЯ

В своей работе автор проводит исследование внешней политики США на саммите в Кемп-Дэвиде 1978 года, который был созван для установления мира в ближневосточном регионе. На этом саммите сторонами обсуждался также вопрос о будущем палестинского народа. Прошло уже более тридцати лет, но палестинская проблема так и остается нерешенной. Несмотря на дипломатические усилия Соединенных Штатов, достичь мирного урегулирования так и не удалось. Причины и факторы, помешавшие разрешить эту узловую для арабо-израильского конфликта проблему, исследуются в данной статье.

Ключевые слова: Палестино-израильский конфликт, США, государство Израиль, Палестина, саммит в Кемп-Дэвиде 1978, Мирный процесс.

«Поэтапная» ближневосточная дипломатия Соединенных Штатов 1973–1976 гг. привела к кэмп-дэвидским переговорам США, Израиля и Египта в 1977–1978 гг. В результате были выработаны «рамки мира», призванные стать универсальной формулой арабо-израильского мирного процесса. Они касались различных аспектов (военно-политического, торгово-экономического и др.) и содержали приглашение другим странам присоединиться к египетско-израильским переговорам и упорядоченные этапы продвижения к миру под однозначно американским покровительством. Документ выражал известную монополию Соединенных Штатов на организацию самого процесса ближневосточного урегулирования, на посреднические усилия в деле сближения позиций конфликтующих сторон [1, стр. 82].

Однако прежде чем говорить о Кемп-Дэвидских переговорах и событиях, приведших к ним, стоит сказать несколько слов о том, в каком состоянии на этот момент находилась «палестинская проблема».

Как мы уже сказали, палестинцы отказались в ноябре 1947 года от раздела Палестины в соответствии с резолюцией ООН №181 на два государства – еврейское и арабское. Вторгшиеся в мае 1948 года арабские войска окончательно подорвали эту инициативу. Части предполагавшегося палестинского государства оказались захвачены сопредельными арабскими странами: Западный берег реки Иордан оказался под контролем Иордании, полоса Газы – у Египта. Соседние страны наводнили палестинские беженцы, спасавшиеся от ужасов войны, были созданы многочисленные лагеря для их содержания.

Сразу стоит отметить, что арабские соседи Израиля не спешили оказывать помощь палестинцам. Из всех стран, принявших у себя беженцев, лишь одна предоставила им гражданство и соответствующие права – Иордания. В остальных странах были созданы лагеря для беженцев, оставшиеся в массе своей до сегодняшнего дня, и превратившиеся в настоящие города.

В этой непростой для этого народа ситуации, началось формирование палестинской нации, пытавшейся найти свою идентичность исходя из ближневосточных реалий того периода. Именно в это время появляются основные движения, борющиеся за независимость Палестины.

В период своего обучения в Каирском университете малоизвестный тогда Ясир Арафат организует Союз палестинских студентов. По своей идеологии он был близок египетским «братьям-мусульманам», запрещенным в 1954 г. в Египте после неудачного покушения на Г.А. Насера. Разочаровавшись в политике Насера, который поддерживал контакты с Израилем, и видя невозможность вести «политическую работу» (как то создавать лагеря для тренировки палестинских боевиков на территории Египта или Газы) без санкции властей, Арафат перебирается в Кувейт. Кстати в том же 1954 году Арафат за свою активность не на долго попадет в тюрьму [6, стр. 225]. В 1958 г. Я. Арафат переезжает в Кувейт. Там, он находит опору в лице крупной местной палестинской общины, под его руководством создается палестинское движение сопротивления – ФАТХ. Целью этого движения стала вооруженная борьба с Израилем. Это движение стало направлять вылазки фedaинов (арабских «партизан», совершавших акты террора против израильтян). Уже в 1961 году штаб-квартира этого движения была перенесена в Дамаск.

Параллельно с чисто палестинскими организациями, появилась и сконструированная арабскими странами ООП – Организация освобождения Палестины. В январе 1964 года на саммите Лиги арабских государств (ЛАГ), где по предложению Г.А. Насера было провозглашено создание этого нового палестинского движения. Главой его стал палестинец, находившийся на египетской дипломатической службе Ахмад Шукейри, сразу признанный всеми арабскими странами–участницами саммита. По решению конференции Шукейри

приступил к организации Армии Освобождения Палестины. Поначалу ФАТХ отказался вступить в ООП, так как признавал только военное решение палестинской проблемы, а не политическое. В 1965 году была принята Палестинская хартия, оформившая движение юридически. В окончательной редакции Хартия была утверждена на заседании Палестинского национального совета в Каире в 1968 году. Эта Хартия, в частности, провозглашала следующее: «Вооруженная борьба – единственный путь освобождения Палестины. Этот путь – всеобъемлющая стратегия, а не только тактическая ступень развития» (статья 9), «Освобождение Палестины, с арабской точки зрения, является национальным долгом, подразумевающим неприятие сионистской и империалистической агрессии против Арабской Родины, ставящим своей целью уничтожение сионизма в Палестине» (статья 15), «Арабский палестинский народ ... отвергает все решения, заменяющие полное освобождение Палестины, и отвергает все предложения, ведущие к ликвидации или интернационализации палестинской проблемы» (статья 21) [5].

После войны 1967 года, ФАТХ, провозглашавший своим лозунгом вооруженное противостояние «израильской оккупации», выглядел гораздо привлекательнее, нежели поддерживаемая проигравшим Египтом Организация Освобождения Палестины. В том же году движение, возглавляемое Арафатом, перебирается ближе к своему врагу – в Иорданию, а с поста главы ООП уходит А. Шукейри, не удовлетворивший своим бездействием палестинцев. После этого год во главе движения стоял Яхья Хаммуд. В феврале 1969 года, на 5-ой сессии Национального совета Палестины – высшего органа ООП – председателем исполкома Организации освобождения Палестины был избран глава ФАТХа Ясир Арафат. В этом качестве он пробудет вплоть до своей смерти в ноябре 2004 года. Таким образом, два центральных палестинских движения, совмещая политические и террористические методы действий, объединились в борьбе за независимость палестинского народа.

А теперь вернемся к Египту. Путь Египта и Израиля к столу переговоров в Кемп-Дэвиде оказался извилистым и тернистым. После поражения в Войне Судного дня, продолжавшейся с 6 по 24 октября 1973 года, Египет оказался в политическом упадке. Совместные усилия с Сирией, при непосредственной военной помощи СССР, не привели к желаемому результату – государство Израиль выдержало, и более того оставило под своим контролем как Синайский полуостров, так и Голанские высоты, завоеванные еще в 1967 году.

Потерпев поражение в войне, Египет, поддерживаемый СССР как с военной, так и политической точек зрения, начал переход к новой политической концепции. Связь с Советским Союзом не приводила к желаемым результатам – Синай оставался под контролем израильтян, недовольство арабских масс слабостью армий Египта и Сирии также было

велико. В этой непростой ситуации США удалось, уличив наиболее подходящий момент, заявить о себе как о центральном игроке Ближнего Востока.

В декабре 1973 года была созвана конференция, участниками которой стали США, СССР, Египет, Израиль и Иордания, а председателем – Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм. СССР безрезультатно пытался заявить о себе как о региональной державе. Соединенным Штатам же, напротив, удалось убедить Египет, что только они способны вернуть ему потерянные в Шестидневную войну земли, оказав на Израиль необходимое давление.

Условий для оказания давления было предостаточно. Еще до начала войны западноевропейские страны отказались дать разрешение американским военным самолетам, летящим в Израиль, совершать посадки на их территории для дозаправки. Во время военных действий 1973 года арабские страны-экспортеры нефти наложили эмбарго на те государства, что решат оказывать помощь Израилю. В добавок к этому, практически все страны Африки, включая даже те, что получали экономическую и социальную помощь от Израиля в 1958—1973 годах, разорвали дипломатические отношения с ним. 10 ноября 1975 года была принята резолюция ООН, осуждавшая сионизм, определяя его «как форму расизма и расовой дискриминации» и «угрозу международному миру и безопасности» [7]. За год до этого, 14 октября 1974 году, ООН приняла резолюцию о приглашении представителей ООП (самого заклятого на тот момент врага Израиля) для участия в пленарных заседаниях при обсуждении вопроса о положении на Ближнем Востоке. Уже 22 октября ООП был предоставлен статус постоянного наблюдателя в ООН. Попытки израильских представителей в ООН указать на террористический характер Организации освобождения Палестины, стремящуюся к уничтожению Израиля, оказались безрезультатными.

Таким образом и Египту, и Израилю пришлось пойти навстречу друг другу при посредничестве Соединенных Штатов. Вскоре в регион прибывает госсекретарь Генри Киссинджер, чтобы помочь сторонам подписать договоренности о разъединении войск. Именно при его посредничестве были заключены договоры Синай I (в 1974 году) и Синай II (в 1975 году), легшие в основу Кемп-Дэвидских договоренностей, подписанных несколько лет спустя во время президентства Джимми Картера.

Уже в апреле 1977 г. состоялась встреча А. Садата и Дж. Картера, открывшая канал переговоров между двумя странами. Садат намеревался обеспечить Египту поддержку, в преддверии разрыва с СССР, вернуть под свой контроль Синайский полуостров, заключив мир с Израилем а также обеспечить своей стране финансовую помощь Соединенных Штатов.

В ноябре 1977 А. Садат делает публичное заявление, поразившее весь мир. Лидер страны, которая четыре года до этого была готова стереть Израиль с лица земли, а в 1967 году подтвердившая позицию «трех нет» в отношении своего соседа на Хартумской конференции, объявил о своей готовности «отправиться на край света и даже в Кнессет в Иерусалиме», чтобы начать переговоры о мире с Израилем [2]. 19 ноября начался исторический визит А. Садат в Израиль, в ходе которого он прочел длинную речь в Кнессете (израильском парламенте).

В этой речи, помимо призыва к достижению мира на Ближнем Востоке и заверений в серьезном настроении египетского лидера, было сказано, что прочный мир между Израилем и его соседями без справедливого решения «палестинской проблемы» невозможен. А. Садат выделил пять позиций, которые должны, по его мнению, привести регион к стабильности и миру:

1. Прекращение оккупации арабских земель, занятых в 1967 году Израилем.
2. Предоставление палестинскому народу фундаментальных прав на самоопределение, вплоть до создания независимого государства.
3. Осуществление права всех стран региона жить в мире, в признанных границах, которые предстоит обсудить.
4. Обещание стран региона не прибегать к использованию силы в политике друг с другом и обязательства решать все возникающие вопросы мирным путем.
5. Прекращение состояния войны в регионе.

Так египетским лидером были сформулированы основные пункты, которые должны были лечь в основу мирных переговоров двух стран.

В конце июля 1978 года президент США Джимми Картер направил государственного секретаря С. Вэнса на Ближний Восток с приглашением для М. Бегина и А. Садата на саммит в Кемп-Дэвид, где сторонам предлагалось обсудить пути достижения мирного договора. Главы Египта и Израиля приняли их. А. Садат сделал при этом лишь одну оговорку – Соединенные Штаты должны стать равноправным партнером в трехсторонних переговорах. Американцы с радостью откликнулись на это приглашение, ими же и предложенное. Переговоры в Кемп-Дэвиде проходили с 5 по 18 сентября 1978 г.

Джимми Картер надеялся, что простая сельская обстановка места и общая столовая для всех гостей помогут установить неформальные отношения между сторонами и улучшит взаимопонимание сторон.

Круг вопросов, обсуждавшихся в Кемп-Дэвиде, касался Западного берега, сектора Газы и палестинцев, но единственно серьезной темой переговоров все-таки был Синай. Израиль противился выводу оттуда своих поселений. Только на двенадцатый день

переговоров президенту США удалось убедить М. Бегина вывести израильские поселения с Синая.

В ходе переговоров по предложению Моше Даяна были разработаны две системы основополагающих принципов – «рамочных соглашений»: принципы достижения мира в регионе (в основном, касавшиеся Западного берега и полосы Газы) и принципы для мирного договора между Египтом и Израилем. Предполагался пятилетний период «переходной автономии» для обеспечения «мирного и упорядоченного процесса передачи власти» [4, стр. 108] на полуострове. Также в двустороннем договоре были четко зафиксированы и «полный египетский суверенитет в рамках международно-признанных границ», и право Израиля на свободное судоходство по Тиранскому проливу и Суэцкому каналу. К рамочному соглашению прилагались сопроводительные письма лидеров Израиля и Египта к президенту США.

Кроме этого, Египет и Израиль получили заверения, что американская помощь этим странам будет увеличена, но эти договоренности не были включены в Кемп-Дэвидские протоколы.

По возвращению в Израиль после подписания Кемп-Дэвидских протоколов, М. Бегин обратился к кабинету министров с предложением не ставить перед Кнессетом вопрос о выводе поселений с Синая, но добиться принятия следующей резолюции: «Кнессет одобряет Кемп-Дэвидские протоколы, подписанные премьер-министром в Белом доме 17 сентября 1978 года. Если в результате переговоров между Египтом и Израилем будет достигнуто соглашение и подписан текст договора, Кнессет дает полномочия правительству... эвакуировать израильских поселенцев с Синая и переселить их в другое место» [4, стр. 110]. Итоговое заседание кабинета состоялось 24 сентября 1978 и продолжалось семь часов, после чего предложение Бегина было принято подавляющим большинством голосов. В Кнессете голосование прошло 22 марта 1979 года. Из 120 членов парламента резолюцию правительства поддержали 95 человек, против – 18, двое воздержались и еще трое демонстративно не участвовали в голосовании [9, стр. 61].

26 марта 1979 года в торжественной обстановке в Вашингтоне Анвар Садат, Менахем Бегин и президент США Джимми Картер в качестве свидетеля подписали мирный договор между Арабской Республикой Египет и Государством Израиль. Он вступил в силу 25 апреля 1979 года после ратификации его обеими сторонами.

Египетско-израильский мирный договор состоит из преамбулы, девяти статей, и ряда приложений. Все протоколы, дополнения и карты, приложенные к договору, рассматриваются как его неотъемлемая часть. Подписанный документ имеет копии, составленные на трех языках: английском, арабском и иврите, являющиеся равнозначно

аутентичными. В случае если стороны будут расходиться в интерпретации языков, приоритетным будет английский вариант.

В соответствии с договором между Египтом и Израилем прекращалось состояние войны с момента обмена грамотами ратификации договора сторонами и восстанавливался суверенитет Египта над Синайским полуостровом. Стороны договорились также о том, что «нормальные отношения, которые будут установлены между ними, будут включать полное признание, дипломатические, экономические и культурные отношения, устранение экономического бойкота и мер дискриминационного характера, наложенных на свободу передвижения лиц и товаров». Граница между двумя государствами признавалась международной границей между Египтом и бывшей подмандатной территорией Палестины. Израильские суда, в том числе военные, получили право прохода через Суэцкий канал, а Тиранский пролив провозглашался частью международных вод. Израиль обязался завершить «полный вывод своих вооруженных сил и гражданских лиц с Синайского полуострова не позднее, чем через три года после обмена ратификационными экземплярами данного договора». Причем в течение первых девяти месяцев со дня обмена ратификационными грамотами Израиль обязался вывести свои войска на линию, проходящую восточнее Эль-Ариша до Рас-Мухаммед. Сразу после завершения этого этапа вступал в силу пункт 3 ст. III договора, предусматривающий полную нормализацию двусторонних отношений.

28 апреля 1982 года последние израильские войска и гражданские лица в соответствии с положениями Кемп-Дэвидского мирного договора покинули египетскую территорию.

Касательно попыток решения «палестинской проблемы» можно выделить следующее в выше обозначенных документах. В «Рамочное соглашение о достижении мира на Ближнем Востоке» была оговорена процедура ее решения. Она должна была проходить в три этапа и включать переговоры между Израилем, Египтом, Иорданией и палестинскими представителями (однако не было сказано, какие именно представители смогут принять участие в этих обсуждениях):

1. Первый этап предполагал, в первую очередь, постепенную замену военного правления и гражданской администрации Израиля в секторе Газы и на Западном берегу реки Иордан палестинской властью самоуправления. Новая власть должна была быть избрана самими палестинцами на свободных выборах. Переходный период передачи власти не должен был превышать 5 лет. Для обсуждения деталей переходных мероприятий предполагалось пригласить Иорданию.
2. Затем Египет, Израиль и Иордания должны были согласовать условия установления избранной самоуправляемой власти на Западном берегу и Газе. Делегации Египта и

Иордании могли включать палестинских представителей с Западного берега и из Газы, а также, по взаимному согласию, других палестинцев. Стороны должны были определить полномочия будущей власти самоуправления. После этого должен был произойти вывод израильских вооруженных сил и передислокация остающихся войск в особые зоны безопасности. На освобождавшейся территории должна была быть создана сильная местная полиция, которая могла включать в себя иорданских граждан. Безопасность границ должны были поддерживать совместными усилиями израильские и иорданские войска.

3. Наконец, после начала функционирования местной власти (административного совета), на Западном берегу и в Газе начинался новый пятилетний переходный период. Не позднее третьего года этого срока должны были начаться переговоры между Израилем, Египтом, Иорданием и палестинскими представителями Западного берега и Газы по определению окончательного статуса указанных территорий. Должны были быть созданы две отдельные, но соотносимые комиссии. Первая, состоящая из представителей четырех сторон, будет обсуждать окончательный статус Западного берега и Газы и их отношения с соседями. Вторая, состоящая из представителей Израиля, Иордании и палестинцев Западного берега и Газы, будет обсуждать мирный договор между израильтянами и иорданцами. Переговоры должны базироваться на положениях и принципах резолюции ООН №242 и привести к установлению границ и к установлению безопасности в регионе.

В договоренностях также впервые фиксировался формат участия палестинцев в переговорном процессе – они должны были стать его равноправным участником. В «рамках» также были выделены пункты их участия. Представители Западного Берега и сектора Газа могли:

1. Принимать участие в ведении переговоров между Египтом, Израилем, Иорданией по окончательному статусу Западного берега и Газы и другим важным вопросам к концу переходного периода.
2. Достигнутое соглашение по статусу территорий представлялось на голосование избранным палестинским представителям.
3. Избранные представители Западного берега и Газы обеспечивались правом решать, как они будут самоуправляться в соответствии с положениями достигнутого соглашения.
4. Участвовать в работе комиссии по мирному договору между Израилем и Иорданией.

Кроме этого, как уже было сказано выше, палестинцам позволялось создать собственные силы полиции, которые бы поддерживали непрерывную связь по вопросам

внутренней безопасности с уполномоченными израильскими, иорданскими и египетскими офицерами. Также представителями четырех сторон создавался комитет по определению условий допуска лиц, перемещенных с Западного берега и из Газы в 1967 г. Этот же комитет должен был предотвращать возможные беспорядки.

Проблеме беженцев также было найдено решение – Египет и Израиль обязывались сотрудничать как друг с другом, так и с другими заинтересованными сторонами «в деле принятия согласованных процедур по незамедлительному, справедливому и постоянному выполнению резолюции проблемы беженцев».

Несмотря на позитивные сдвиги в деле решения «палестинской проблемы», обозначенные в «рамках мира», как, в частности, готовность сторон в принципе вести переговоры с палестинцами в их попытках обрести независимость, можно указать и на некоторые недостатки.

Во-первых, к переговорам допускались исключительно лица, проживающие под израильской юрисдикцией на Западном берегу и в секторе Газа. Это оставляло за рамками процесса основные палестинские политические силы, в частности ООП, подчеркивавшую свое исключительное право быть законным представителем палестинского народа. Попытка Египта и Израиля создать противовес ООП из палестинских сил (путем проведения свободных выборов) с контролируемых территорий, оказалась нереализуемой на практике. Ни одна из сторон процесса не была заинтересована в усилении палестинского движения сопротивления в целом, либо же, как следует из документа, в создании новых движений с трудно прогнозируемым политическим будущим, в частности.

Во-вторых, попытка сторон привлечь к переговорам Иорданию, несмотря на многократное упоминание Хашимитского королевства в тексте договора, также выглядит неубедительной. Трудно представить себе короля Хусейна, который бы поддержал создание палестинского государства вдоль своих границ – когда всего за восемь лет до этого палестинцы пытались лишить короля жизни и устроить государственный переворот в его стране. Королю было куда выгоднее сохранить установившийся после войны 1967 года статус-кво между двумя государствами и не создавать новый очаг напряженности, непосредственно угрожавший Иордании.

В-третьих, в документе не было предусмотрено никаких механизмов на случай, если заявленные сроки не будут реализованы. Также отсутствует пояснение, как поступить в случае отказа сторон от ведения переговоров. Эти нюансы становятся особенно заметны по прошествии времени, указанного в этом договоре – когда ни одна из сторон не выполнила своих обязательств, но при этом это не вызвало никаких претензий друг к другу.

Документ «Рамочное соглашение о достижении мира на Ближнем Востоке», заключенный в 1978 году, можно назвать исторически важным в контексте ближневосточной дипломатии. Но при этом этот документ показал свою несостоятельность, как механизм решения арабо-израильского конфликта в целом, и «палестинской проблемы» в частности. По прошествии обозначенного пятилетнего срока, ни военная, ни гражданская администрация на территории Западного берега реки Иордан и сектора Газа не были упразднены а жители этих территорий не провели свободные выборы власти, которая и должна была заменить израильтян, как предполагалось в документе. Это в свою очередь не позволяло перейти к обсуждению окончательного статуса Западного берега и Газы и отсрочивало создание независимого палестинского государства на неопределенный срок.

Практически такое же положение дел вытекает из мирного египетско-израильского договора, приведшего к парадоксальной ситуации – лидер самой большой арабской страны призывает к справедливому решению палестинской проблемы (а палестинцы суть – братский арабский народ египтянам), всячески на нее ссылается во время переговоров с Израилем, и говорит о невозможности прочного мира без ее разрешения. Однако в самом мирном договоре, действующем вот уже более тридцати лет, нет ни слова о палестинском народе, лишь упоминание «вопроса статуса полосы Газы» в контексте демаркации границ между Египтом и Израилем.

В итоге получалось, что несмотря на рамочные соглашения и детальный план достижения палестинцами независимости – ему никто не придерживался, а самое главное – не выполняя взятых на себя обязательств, стороны не предъявляли друг другу никаких претензий.

Сложилась ситуация, когда палестинский народ стал разменной монетой в большой политической игре между Египтом и Израилем под покровительством США. Иными словами, переговоры по палестинской проблеме, прошедшие без участия палестинцев, оказались удачными для переговорщиков, а для палестинцев не имели практически никакого значения, и ни коим образом не сказались на их положении.

Однако, несмотря на невыполненные обязательства по отношению к палестинцам, мирные переговоры все-таки можно назвать успешными для участников переговорного процесса и, на основе мемуарной литературы участвовавших в них политиков и высших государственных чиновников, выделить пункты, приведшие к позитивному результату.

- *Создание основ переговоров предыдущей администрацией США*

Во-первых нужно указать на то, что основа Кемп-Дэвидского соглашения была заложена еще госсекретарем США Г. Киссинджером. Применяя свою известную политику

«шаг за шагом», ему удалось достичь сближения сторон. Его стратегия заключалась в следующем: стороны должны вести переговоры поэтапно. Таким образом, в ходе обсуждения наиболее сложные вопросы (как, к примеру, вопрос о разрешении палестинской проблемы), отодвигались на более поздний срок, что помогало сторонам заключить соглашение по текущим вопросам [10, стр. 37].

В противовес идее СССР о всеобщем мирном урегулировании в регионе (хотя это и нашло отражение в документе «Рамочное соглашение о достижении мира на Ближнем Востоке»), Киссинджер видел более реалистичным проект по подписанию Израилем сепаратных мирных договоров со своими соседями. При его непосредственном участии была подготовлена почва для египетско-израильского урегулирования: были подписаны египетско-израильские соглашения по разъединению войск Синай-I в 1974 году и Синай-II в 1975 году [10, стр. 29]. Сторонам было легче прийти к соглашению, опираясь на разработанные США документы.

- *Визит президента Египта Анвара Садата в Иерусалим*

Как мы уже сказали, президент Египта стал первым арабским лидером, проявившим мирную инициативу по отношению к Израилю, прилетев в ноябре 1977 в Иерусалим. Однако причиной визита была не только и не столько готовность египетского лидера идти на уступки Израилю, сколько более тонкий политический расчет. 1 октября 1977 года СССР и США выступили с совместной инициативой по возобновлению работы Женевской конференции по ближневосточному урегулированию и идеей всеобъемлющего урегулирования в регионе. А. Садат опасался, что основными темами конференции станут позиций Сирии, настаивавшей на возврате Голан и палестинцев, тогда как проблема Синая отойдет на второй план. Вдобавок к этому, предполагавшийся саммит позволил бы уже бывшему союзнику Египта – СССР оказывать влияние на ход событий, что было неприемлемо для египтян, уже нацеленных на сближение с США [10, стр. 31]. Однако спустя буквально несколько дней, США подписали с Израилем рабочий документ, предполагавший подписание сепаратных мирных договоров между израильтянами и их соседями при посредничестве США. Совершив визит, Садат не просто сконцентрировал внимание мировой, и, что особенно важно, американской общественности, на Египте, набрав тем самым необходимые политические очки, но и дал понять, что он готов пойти на сепаратный мир со своим соседом в обход устоявшейся позиции арабских стран и разорвать единый арабский фронт.

- *Активное участие президента США в переговорном процессе*

Во-первых нужно отметить несомненную заслугу президента США Дж.Картера. Именно ему принадлежит инициатива по организации встречи глав Египта и Израиля для

переговоров по «рамкам мира» в сентябре 1978. В добавок к этому, президент сам был активно вовлечен в переговорный процесс. Наибольшая заслуга президента состояла в том, что он решился на визит в Каир и Иерусалим в марте 1979 года, для окончательного обсуждения сторонами деталей мирного договора [12, стр. 159]. Отложив все свои дела, глава Соединенных Штатов стал на некоторое время личным переговорщиком между президентом Египта и премьер-министром Израиля. Как отмечается в мемуарах нескольких исследователей, важным фактором личной заинтересованности президента в достижении согласия сторонами явился склад его личности. Картер испытывал симпатию как к еврейскому народу и к Израилю (ввиду своих баптистских религиозных взглядов и отношения к Холокосту), так и к палестинцам, так как был убежден в том, что они имеют полное право получить собственное независимое государство [13, стр. 30]. Вдобавок, Картер мало внимания уделял интересам американским еврейским лобби и общественным организациям при ведении своей политики, которые старались всеми силами сместить чашу весов на сторону Израиля. Большое влияние на политическую активность президента сыграл его советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, который 20 января 1978 года настоял на непосредственном участии США в переговорах между Египтом и Израилем. Он также предложил провести переговоры именно в Кемп-Дэвиде [6, стр. 179]. Также активную роль в подготовке сыграл госсекретарь Сайрус Вэнс, который провел множество встреч по всему Ближнему Востоку с заинтересованными сторонами.

- *Тщательная подготовка США к саммиту*

Важно подчеркнуть, что Соединенные штаты заранее подготовились к Кемп-Дэвиду. Саммиту предшествовала продолжительная подготовка, в которой принимали участие не только сам президент, но и высшие чиновники государственного аппарата США. Среди них были такие политические «тяжеловесы», работавшие еще при Г. Киссинджере, как уже упоминавшийся советник по национальной безопасности З. Бжезинский, советник госсекретаря по вопросам Ближнего Востока и Южной Азии Г. Саундерс, заведующий ближневосточным департаментом в Совете национальной безопасности У. Квандт, советник госсекретаря по вопросам Ближнего Востока Р. Атертон, посол США в Египте Г. Ейилтс, а также эксперт по Ближнему Востоку, специализирующийся на истории ислама Б.Льюис. Также заранее был выработан план действия США на саммите [12, стр. 175].

США же способствовали сближению сторон. При поддержке ЦРУ был организован тайный канал связи между министрами иностранных дел Египта и Израиля – Тухами и Даяном. Затем поддержку этого канала связи «в рабочем состоянии» взяли на себя египетские израильские спецслужбы [6, стр. 174].

Важным фактором достижения соглашения стало то, что администрация США заблаговременно подготовила примерный текст рамочных соглашений, который позволил сторонам опираться на переговорах на уже подготовленный материал. Стоит отметить, что А. Садат настаивал на том, чтобы именно американцы предложили сторонам черновой вариант соглашения. Его автором стал вышеупомянутый Г. Саундерс. Изначально предполагалось, что будет один общий договор, который урегулирует все вопросы, связанные с решением как палестинской проблемы, так и египетско-израильским мирным договором. Но в последствии благодаря разделению этих двух, по сути, совершенно разных проблем, удалось сблизить позиции сторон и прийти к согласию. В итоге этот черновой вариант пройдет 23 редакции, прежде чем будет принят сторонами.

Кроме этого, к исходу первой недели переговоров, Дж. Картер предложил сторонам свой собственный проект достижения египетско-израильского мирного договора. Ему удалось найти общие позиции сторон благодаря тесной работе с А. Садатом с одной стороны и министром иностранных дел Израиля М. Даяном с другой [12, стр. 176–177].

- *Рамочные соглашения*

Использование термина «рамочные соглашения» оставила сторонам большое пространство для политического маневра. Так, с одной стороны, Египту и Израилю удалось сблизить свои позиции, достигнув договоренностей по вопросу вывода еврейских войск и поселений с Синая и по рамкам мирного договора между Египтом и Израилем. Но с другой стороны, рамочные соглашения позволили участникам отложить конкретные решения наиболее важных и остро стоящих проблем. Само понятие «рамки» позволяло сторонам наполнять договор различными деталями, оставляя вне обсуждения определенные проблемы [3, стр. 74]. Так «за бортом» соглашений были оставлены палестинцы, упоминавшиеся как участники предстоящих переговорных процессов. Однако формат их участия, исходя из «рамок», оставался неясным: в соглашении не было сказано, каким образом и на каком основании должны избираться палестинские представители (из текста следует, что фактически они сами должны организовать себе «свободные выборы власти самоуправления»). Также ничего не сказано, как поступать сторонам, в случае если сроки, обговоренные в документе, не выполняются. Механизмы возобновления переговоров на этот случай попросту не были предусмотрены. Также ничего не сказано, как поступать в случае, если одна из указанных сторон не примет участия в обсуждении предстоящего мирного урегулирования. Не стоит забывать, что эти рамки заключались сугубо между Египтом и Израилем при американском посредничестве, другие заинтересованные стороны региона на саммит приглашены не были. А впоследствии и не проявляли интересов к реализации этих рамок в жизнь.

- *Использование политических уловок сторонами при ведении переговоров на саммите в Кемп-Дэвиде*

Так в мемуарах сказано, что более дружеские отношения между Картером и Садатом позволили им объединиться и вместе надавить на лидера Израиля Бегина, когда тот стал отказываться от вывода израильских поселений с Синая. Сблизившись, лидеры Египта и США вместе выработали стратегию, которая позволила «загнать Бегина в угол» [12, стр. 173]. Нужно учитывать то, что М. Бегин был лидером правой партии «Ликуд» (на иврите – единство), ратовавшей за создание «Великого Израиля» на всей территории от Средиземного моря и до реки Иордан, применяя на практике политику «свершившихся фактов» – создание как можно большего количества еврейских поселений на завоеванных территориях и объявлении их в этой связи де факто израильскими [13, стр. 77]. Несмотря на это, Израильский лидер все-таки уступил под напором Картера и Садата и согласился на остановку строительства и вывод еврейских поселений с синайского полуострова (при том, что вывод еврейских поселений – это одна из наиболее непопулярных мер в израильском обществе).

Другой уловкой оказалось запугивание отъездом. Так на одиннадцатый день переговоров в Кемп-Дэвиде, видя непримиримую позицию Израиля, министр иностранных дел которого – Моше Даян – никак не соглашался на уступки Египту, А. Садат пригрозил уехать. Египетская делегация спешно собрала чемоданы, подчеркнув этим, что переговоры фактически завершились фиаско. В этот непростой момент президент США Дж. Картер провел личную беседу с египетским лидером. В ходе этого разговора Картер заверил Садата, что если египетский лидер покинет саммит, то прекратятся как дипломатические отношения США с Египтом, так и дружба двух президентов. А. Садат, после некоторого колебания, принял решение остаться [12, стр. 178]. Этот эпизод показывает, что переговоры шли в крайне напряженной обстановке и перманентно находились под угрозой срыва.

Подобным же образом Картер повел себя в марте 1979 года с израильтянами. Президент США прибыл в Иерусалим с госсекретарем С. Вэнсом для обсуждения окончательного варианта мирного договора между Египтом и Израилем. После того, как израильтяне продемонстрировали нежелание идти на компромисс и отвергли египетские предложения на встрече министров иностранных дел США и Израиля, Дж. Картер пригрозил, что он покинет Иерусалим и оставит израильтян ни с чем. Перспектива отъезда разгневанного президента мировой сверхдержавы, потратившего свое драгоценное время в пустую, буквально напугала израильскую сторону. М. Даян вернулся за стол переговоров с С. Вэнсом и уже несколько часов спустя сторонами был достигнут компромисс, позволивший заключить мирный египетско-израильский договор [12, стр. 183].

- *Заинтересованность сторон в подписании договора*

Одной из основных причин, позволившая сторонам прийти к соглашению стала заинтересованность в этом каждой из сторон. США были заинтересованы стать посредником в ведении переговоров, чтобы упрочить свое возрастающее влияние на Ближнем Востоке в противовес СССР. Израиль был заинтересован в подписании мирного договора с соседом – крупнейшей арабской страной мира, и бывшим непримиримым врагом. Египет, в свою очередь, хотел вернуть под свой контроль Синайский полуостров [3, стр. 70]. Настойчивые требования Египта о включении в обсуждение палестинской проблемы можно объяснить тем, что это было лишь прикрытием, чтобы не вызвать негодование арабских стран. В ходе переговоров Садат дал понять, что без серьезного отношения к палестинской проблеме возможность заключения мира сохраняется, однако, если Израиль не выведет свои поселения с Синая, тем самым освободив его для Египта, мирного договора не будет [3, стр. 76–77]. Рамочные соглашения по Палестине, хоть и были подписаны, так и не были претворены в жизнь. Самое главное, что к 28 апреля 1982 года когда последние израильские войска и гражданские лица покинули Синай, и Израиль выполнил свою часть обязательств, однако никаких заявлений с египетской стороны, о том, что решение палестинской проблемы не продвигается, сделано не было. Израиль изначально не хотел идти на уступки в том, что касалось Сектора Газы и Западного берега. Бегин, возглавлявший правую партию, специально сформировал министерскую комиссию из 6 человек, ответственную за ведение переговоров с египетской стороной о статусе палестинских территорий, каждый из которых обладал кардинально различными политическими воззрениями. Это делало достижения компромисса внутри самой комиссии невозможным, не говоря уже о переговорах с египтянами [8, стр. 154]. Израильский лидер рассчитывал максимально отсрочить решение палестинской проблемы. Сам факт того, что для обсуждения палестинской проблемы не были приглашены собственно палестинцы, говорит о том, что никто не воспринимал эту проблему всерьез. В итоге все эти противоречия не повлияли на результат – мирный договор был подписан.

Египет вернул себе утраченные территории и нефтяные месторождения Синая. Израилю удалось прорвать дипломатическую блокаду соседних арабских стран. В стратегическом плане мирный договор с Египтом позволял перебросить израильские войска с юго-западной границы на более актуальные направления, в частности на границу с Сирией и Ливаном. США в очередной раз подтвердили свой высокий политический статус. Президент Соединенных Штатов Дж.Картер старался подтвердить свой личный высокий статус, прилагая максимум усилий в продвижении мирного процесса, чтобы понравиться американскому избирателю выборах президента 1979 года еще больше [10, стр. 32]. Однако

другие проблемы, затрагивавшие американские интересы на Ближнем Востоке оказали большое влияние на выборы президента в 1979 году. Неспособность президента США противодействовать Иранской революции (при том, что Иран до 1979 года был одним из важнейших союзников США в регионе) и вызволить американских дипломатов, удерживаемых силой в посольстве, в охваченной исламской революцией стране. Вторжение советских войск в Афганистан в том же 1979 г. также не добавило популярности Картеру. В итоге эти два важнейших, и в то же время негативных для Картера события, перевесили его заслуги по заключению мира между Египтом и Израилем.

Попытка Египта, под благородным предлогом, озвученным как создание палестинского независимого государства, заполучить Синай, подписав мирный договор с Израилем, вызвала бурю негодования в среде арабских стран. Египет был исключен из Лиги Арабских Государств, штаб-квартира организации была перенесена из Каира в Тунис.

Сам президент Египта А. Садат поплатился за этот договор жизнью. 6 октября третий президент Египта был смертельно ранен группой террористов на параде египетских войск, посвященному началу войны Судного дня. Следующий президент Египта Хосни Мубарак, также присутствовавший на параде 6 октября и раненый в ходе нападения в руку, вопреки ожиданиям, не денонсировал мирный договор с Израилем.

- *Вознаграждение участников*

Важным фактором явилась также денежная помощь США Израилю и Египту, резко возросшая после подписания мирного договора. Если с 1968 по 1973 год Египет не получал от США ни экономической, ни военной помощи, то с 1974 по 1977 год размер этой помощи возрос с 20 миллионов до почти миллиарда долларов, а в 1979 году превысила два с половиной миллиарда. Израиль же традиционно получал от США суммы, подчас даже большие, чем Египет. После подписания соглашений Египет и Израиль возглавили список стран, получающих от США финансовую поддержку [3, стр. 77].

Страны не только получили денежные средства, но также им представилась возможность получать помощь от США в виде военной техники, а также дипломатическую поддержку на международной арене [10, стр. 34].

Нужно сказать, что до подписания мирного договора с Израилем, Египет получал финансовую помощь от Саудовской Аравии. Саудиты не смогли потерпеть того, что Египет подписал мирное соглашение без каких-либо консультаций ни с ними, ни с представителями других арабских стран, разрушив тем самым единый арабский фронт. Саудовская Аравия, как и многие другие арабские и мусульманские страны, также были огорчены тем, что в результате подписанных соглашений, палестинцы фактически не получили ничего [11].

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что саммит, касавшийся решения палестинской проблемы, и проходивший без участия самих палестинцев, оказался достаточно удачным для других его участников. В то время как палестинцы занимались организацией терактов против Израиля, даже не задумываясь о возможности ведения дипломатических переговоров со своим заклятым врагом, египтяне решили воспользоваться ситуацией. Желание Садата вернуть под свой контроль Синайский полуостров перевешивало остальные соображения. После войны 1973 года Египет активизировал дипломатические связи и с США и с Израилем, начиная ограничивать контакты с Советским Союзом. Первыми шагами в сторону заключения сепаратного мирного договора с Израилем стали соглашения, подписанные между сторонами при госсекретаре Г. Киссинджере Синай-I (1974) и Синай-II (1975). Затем, совершив исторический визит в ноябре 1977 года в Иерусалим, А. Садат заложил основу для сближения двух стран, и уже в сентябре 1978 года при посредничестве США открылся саммит в Кемп-Дэвиде.

Соединенными Штатами были созданы определенные условия, предопределившие удачный исход переговоров. В течение двух недель стороны старались прийти к соглашению по двум основополагающим документам: «рамкам мира на Ближнем Востоке» и «рамки мира» между Египтом и Израилем. «Рамки мира» между двумя государствами привели к заключению мирного договора между Египтом и Израилем, в то время как «рамки мира на Ближнем Востоке» оказались невыполненными, хотя включали в себя рецепт по урегулированию палестинской проблемы. Однако нерешенность этой центральной проблемы никак не отразилось на достижении мира между двумя странами. Египтяне заполучили Синай, Израиль получил мирный договор с крупнейшей арабской страной, а США утвердились в качестве главного арбитра Ближнего Востока, снизив влияние СССР в регионе. Важным фактором явились также денежные дотации участникам переговоров от США. Как результат, стороны остались довольны исходом Кемп-Дэвида, только палестинцы, чья судьба обсуждалась без их присутствия, остались ни с чем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Колобов О.А. США и проблема Палестины в новое и новейшее время // Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт, в 3-х томах. – Нижний Новгород: Институт стратегических исследований Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2008.
2. Краткая Еврейская Энциклопедия. – Т. 3. – Иерусалим, 1985.

3. Марченко В.В. Путь Израиля и Египта к мирному договору. // Израиль, Россия и современный мир, под редакцией А.Д. Эпштейна и В.А. Кузьмина. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2008.
4. О’Брайен К. Осада. – Иерусалим: «Библиотека Алия», 1990.
5. Палестинская Хартия.
6. Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. – Москва: «Российская Газета», 2006.
7. Эпштейн А.Д. Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: войны и дипломатия. История и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.
8. Эпштейн А.Д. Израиль и (не) контролируемые территории: уйти нельзя остаться. – М./Иерусалим: Мосты культуры, 2008.
9. Эпштейн А.Д. Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно. – М./Иерусалим: Мосты культуры, 2009.
10. Eisenberg L., Caplan N. Negotiating Arab-Israeli Peace. – Bloomington: Indiana University Press, 1998.
11. Freedman L. A Choice Of Enemies. – New York: Public Affairs, 2008.
12. Miller A.B. The Much Too Promised Land. – New York: Bantam Books, 2008.
13. Quandt W. Camp David: Peacemaking and Politics. – Washington: The Brookings Institution, 1986.

ALEXANDER GAVRILOV

«RESOLVING» THE PALESTINIAN PROBLEM

WITHOUT THE PALESTINIANS: CAMP DAVID SUMMIT, 1978

SUMMARY

The present article is an attempt to study the US foreign policy at the Camp-David summit of 1978 which was convened to establish peace in the Middle East. The future of the Palestinian people was also a matter of discussion at that summit. Nowadays, about thirty years after the Camp-David summit, the Palestinian problem still remains unresolved. In spite of the US diplomatic activity the peace settlement was not reached. The reasons why this crucial problem is still unresolved are the matter of study of the present article.

Keywords: Israeli-Palestinian conflict, USA, Camp-David summit of 1978, peace process

АРТЁМ БЛАЩАНИЦА

**РАЗВИТИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА КОНТРОЛИРУЕМЫХ ИЗРАИЛЕМ ТЕРРИТОРИЯХ
ЗАПАДНОГО БЕРЕГА И СЕКТОРА ГАЗА
(1973–1993 ГГ.)**

АННОТАЦИЯ

В статье автор анализирует ход и основные черты поселенческого процесса на контролируемых Израилем арабских территориях в 1973–1993 гг. В указанный период выделяются два этапа развития поселенческого процесса, отличные друг от друга характерными особенностями взаимоотношений поселенческих организаций с правительством Израиля, обусловленными доминированием в стране левых (1973–1977 гг.) или правых (1977–1992) политических сил. Приход к власти в 1992 году И. Рабина и заключение им соглашения Осло-I поставили поселенческий процесс на контролируемых Израилем арабских территориях в новые условия, ограничивающие его рамками международных обязательств Израиля по урегулированию вопроса о статусе подконтрольных ему территорий.

Ключевые слова: контролируемые территории, Израиль, поселенческий процесс, «Гуш эмуним», «Амана», Совет поселений, территории в обмен на мир, Эрец-Исраэль

Победа Израиля в Войне Судного дня (Октябрьской войне) 1973 года вызвала подъем религиозно-мессианских настроений в общественно-политических кругах страны, что сделало достаточно популярным тезис о «едином неделимом Израиле» («Эрец-Исраэль а'шлема»), выдвинутом ранее, в 1967 году поселенческой организацией «Движение за неделимый Израиль». Этот тезис, по сути, означал возвращение под управление Государства

Израиль всех земель, входивших исторически в древнюю Эрец-Исраэль, в том числе включая те территории, которые по резолюции ООН №181 отводились для создания арабского государства, до 1967 года входили в состав Египта и Иордании, а по результатам Шестидневной войны оказались под контролем еврейского государства. Поселенческое движение на занятых в июне 1967 года территориях зародилось почти сразу же, однако после Войны Судного дня 1973 года его развитие получило новый импульс.

В феврале 1974 года на первый план в поселенческом движении выдвинулась организация «Гуш эмуним» [«Блок верных»]. «Гуш эмуним» была образована молодыми религиозными сионистами, верившими в богоизбранность еврейского народа, предназначение которого состояло в возвращении под свой контроль земель, ранее ему принадлежавших, в том числе, и территории Иудеи, Самарии, Иорданской долины (Западного берега Иордана), сектора Газы и Голанских высот. Задача «Гуш эмуним», по взглядам его членов, состояла в закреплении за евреями этих земель посредством активной поселенческой деятельности. Обосновывали они эту деятельность необходимостью восстановления «метаисторической» связи между еврейским народом и этими землями. Один из лидеров «Гуш эмуним» Х. Порат даже метафорично сравнивал Эрец-Исраэль, ожидающей «возвращения евреев из изгнания», с «девушкой, ожидающей когда же придет ее муж» [1].

Благодаря своему религиозно-мессианскому энтузиазму, «Гуш эмуним» удалось мобилизовать вокруг себя значительные политические силы. Еще до арабо-израильской войны 1973 года на контролируемых территориях существовало около пятидесяти небольших поселений [2], построенных, как правило, по инициативе самих поселенцев с санкции, но в отсутствии реальной помощи и поддержки со стороны правительства Израиля. Суммарная численность их жителей на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газы, по оценкам международного аналитического агентства Фонд мира на Ближнем Востоке [3, р. 6], палестинского академического сообщества PASSIA (со ссылкой на израильское Министерство внутренних дел) [4] и израильской организации «Шалом ахшав» [«Мир сейчас»] [5], составляла от полутора до двух тысяч; на Голанских высотах поселенцев почти не было. Численность еврейских жителей Восточного Иерусалима, объявленного Израилем неотъемлемой частью своей единой, неделимой и вечной столицы, и не признанного в этом качестве ни одной страной мира, составляла, по разным данным, от 6.900 до 8.650 человек.

Первые поселения на контролируемых территориях создавались в местах, имеющих религиозное значение для евреев, или там, где ранее, еще до образования Государства Израиль, проживали евреи, изгнанные или вынужденно ушедшие оттуда (Кирьят-Арба в предместье Хеврона, который также имел и громадное религиозное значение, район Гуш-

Эцион в Иудее, район Гуш-Катиф в секторе Газа). К 1974 году, т.е. к моменту образования «Гуш эмуним», наибольшее число еврейских поселенцев, исключая жителей восточной части Иерусалима, построили свои дома в долине реки Иордан. Количество поселений на тот период в долине реки Иордан [6] и на Голанских высотах [7] было различным, разительно отличалась и суммарная численность их жителей – 1.182 человека в долине реки Иордан против лишь около сотни человек на Голанских высотах (первый сравнительно крупный еврейский населенный пункт на Голанских высотах – Кацрин, ныне имеющий статус города, был основан позднее, в 1977 году) [8]. Данный факт говорит о том, что в среде поселенцев, так же как и в израильском обществе, отношение к различным территориям, оказавшимся под контролем Израиля в 1967 году, было неодинаковым. Если Иудея и Самария считалась, в первую очередь, «библейской землей», на которой евреи могли прикоснуться к истокам своей истории и культуры, то Голанские высоты воспринимались преимущественно как стратегические позиции, имеющие высокую значимость для обороны и безопасности Израиля (равно как и Синайский полуостров, на котором в стратегическом районе Шарм аш-Шейха было построено три поселения [9, с. 136]). При этом во многом поселенцы везде, а не только на Голанах и Синае, ставили цель скорее «застолбить», чем обжить земли за пределами «зеленой черты». Этот факт хорошо проиллюстрирован в книге поселенца Б.-Ц. Тавгера «Мой Хеврон», где рассказывается о том, на каких непригодных для жизни землях оседали поселенцы, о их постоянных стычках с местным арабским населением и о том, как слабо Государство Израиль и его армия поддерживали поселенцев в те годы [10].

Следует подчеркнуть, что ни одно из поселений не было построено путем разрушения арабской деревни. Созданию практически каждого поселения предшествовала длительная юридическая проверка статуса каждого квадратного метра территории на основании не только израильского, но и оттоманского (акцептированного иорданской системой правосудия) законодательства. В отсутствие подтверждения принадлежности участка земли какому-либо частному лицу он объявлялся государственным. Однако, в силу того, что на территории всей Палестины после выхода из состава Османской империи происходили достаточно бурные политические процессы, сопровождавшиеся вооруженными столкновениями, то можно предположить, что многие документы, доказывающие наличие кем-либо в собственности какого-либо конкретного участка земли, могли быть утеряны, либо же их владельцы земель, находясь в изгнании, были не в состоянии предъявить их. При этом важно подчеркнуть, что создание любого населенного пункта на контролируемых территориях требует получения санкции военного руководства. Бывало и так, что земли отчуждались для военных нужд, а затем на них создавались гражданские поселения.

История создания практически каждого поселения и его первоначального развития полна многолетней борьбы с государственными инстанциями, которые годами не могут сформулировать внятную и последовательную политику по данному вопросу [9]. В 1967–1977 гг. израильское правительство, возглавляемое Партией труда, как правило, позволяло строить поселения только там, где считало это целесообразным, исходя из соображений укрепления обороноспособности страны. Правительство Голды Меир инициировало основание военных и гражданских форпостов в районе Ямита, на юге Синайского полуострова и даже в Газе, но в то же время не считало оправданным заселять Самарию. В этом районе поселенцы самовольно строили населенные пункты за пределами «зеленой черты», ставя израильские власти перед свершившимся фактом. При этом зачастую правительство Израиля не соглашалось санкционировать эти поселения постфактум, посылая силы армии и полиции для их эвакуации. Так, поселение Кдумим, созданное в 1975 году в Самарии, семь раз эвакуировалось израильской армией прежде чем поселенцы все же добились компромисса с властями [11].

Авторитет, которым пользовалось движение «Гуш эмуним» в Израиле, позволял его лидерам использовать в отношении правительства тактику «свершившихся фактов», когда заселение каких-либо территорий за пределами «зеленой черты» проводилось без согласия израильского руководства. В результате, в промежуток между арабо-израильской войной 1973 г. и выборами 1977 г. было создано более десяти новых поселений на Западном берегу и на Голанских высотах [6; 7; 9, с. 136; 12]. Необходимо заметить, что сами данные о численности создававшихся в разное время поселений сильно разнятся. Иногда это вызвано тем, что две-три инициативных группы, объявлявших о создании того или иного нового поселения, в итоге объединялись. Бывало и так, что поселенцы не могли добиться от властей согласия на реализацию своих планов. Были случаи, когда, желая «застолбить участки», поселенцы объявляли о создании нового опорного пункта, который на самом деле находился на расстоянии нескольких сот метров от уже существовавшего поселения и фактически был его частью.

По данным израильской леворадикальной организации «Шалом ахшав», с 1972 по 1976 гг. прирост населения в еврейских поселениях составил около 105% (примерно 25% в год). В 1977 г. в еврейских поселениях проживало уже 4.400 человек, что составляло прирост на 37,5% по сравнению с предыдущим годом [14]. В своем специальном докладе Фонд мира на Ближнем Востоке указывает такие цифры: к июлю 1977 г. в 45 поселениях на Западном берегу и в секторе Газы проживало около 7 тысяч человек, в Восточном Иерусалиме – пятьдесят тысяч израильтян [3].

Желая обозначить свое отношение к поселенческой деятельности «Гуш эмуним», ставший в 1974 году премьер-министром Ицхак Рабин заявлял: «Поселения на контролируемых территориях основывались и будут основываться исключительно с согласия правительства» [9, с. 137]. При этом, желая оттянуть голоса у правых партий, за две недели до выборов 1977 г. правительство И. Рабина приняло решение о строительстве поселения Элькана в Западной Самарии; им же было принято решение об основании Ариэля.

Таким образом, правительство, возглавляемое Партией труда, придерживалось двоякой позиции в отношении контролируемых территорий. Власти достаточно четко осознавали, что поселения, по сути закрепляющие под собой землю за евреями, в последующем на мирных переговорах должны стать своеобразными индикаторами границ. С другой стороны, они также понимали, что фактор существования поселений на территориях в будущем будет существенно осложнять переговорный процесс в рамках ближневосточного урегулирования. Эвакуация уже существовавших поселений в тот период рассматривалась как крайне сложная, опасная с политической точки зрения, задача. В то время правительство не поддерживало принцип «медленной аннексии», подчеркивая, что его политика в отношении контролируемых территорий не тождественна деятельности поселенческих организаций [15, с. 127]. В целом, можно сказать, что этап поселенческого процесса, длившийся с 1973 по 1977 гг., характеризовался противоречиями, сложившимися в отношениях между находившимся у власти в Израиле терявшим популярность левоцентристским правительством, и начавшим активно развиваться поселенческим движением.

С 1977 г. начался новый этап развития поселенческого процесса на контролируемых территориях. Раньше, действуя зачастую нелегально, члены «Гуш эмуним» не могли планировать строительство поселений на долгосрочную перспективу, не будучи уверенными в финансовых возможностях и в поддержке со стороны руководства страны, необходимых для осуществления их инициатив.

Сразу же после инаугурации М. Бегина на посту премьер-министра Израиля, «Гуш эмуним» представило правительству двадцатипятилетний поселенческий план, согласно которому предполагалось основание двух крупных городов – возле Хеврона и возле Шхема (с населением 60 тыс. человек в каждом), нескольких средних городов (15–20 тыс. человек в каждом) и густую сеть общинных поселений. М. Бегин утвердил этот план.

Финансовая и административная поддержка обусловили стремительный рост числа поселений в период премьерства М. Бегина (1977–1983 гг.) [12]. Строительство поселений поощрялось правительством, которое выделяло на это большие средства [16]. В среднем в 1970-х гг. на строительство и развитие поселений израильское правительство выделяло 112

млн. долларов в год, в 1980-х – 223 млн. долларов [17]. Поселенцам позволяли возводить свои сооружения вблизи и под охраной гарнизонов израильских войск. Движение «Гуш эмуним» стало союзником израильского правительства и основным проводником его поселенческой политики.

В сентябре 1977 г. правительство одобрило план А. Шарона, на тот момент министра сельского хозяйства Израиля. По этому плану предусматривалось строительство трех автодорог, с запада на восток пересекавших территорию Западного берега, вдоль которых предполагалось построить еврейские поселения для того, чтобы к концу 1990-х еврейское население Иудеи, Самарии и Иорданской долины, включая Восточный Иерусалим, достигло бы двух миллионов человек [18, с. 124]. В результате реализации этого плана, в течение последующих четырех лет на Западном берегу было основано 64 новых поселения [19]. В тот период Ариэль Шарон много общался с лидером «Гуш эмуним» Хананом Поратом. Они выработали принцип, согласно которому поселениям на первых порах было достаточно лишь зафиксировать гражданское присутствие новых жителей на новом месте. Поэтому первоначально многие из этих поселений, создаваемых по плану А. Шарона, состояли из нескольких палаток и вагончиков (например, Мицпе-Йерихо, Бейт-Эль, Шило, Неве-Цуф).

Поселенческая деятельность осуществлялась не только силами правительства. Ведомые религиозными сионистами «Гуш эмуним», «Амана», Совет поселений Иудеи, Самарии и сектора Газы всячески пытались самостоятельно привлечь людей в поселения. Однако проблема экономической самодостаточности поселений и трудоустройства их жителей стояла и стоит очень остро. Существовавший двадцатипятилетний план по заселению миллиона евреев на контролируемые территории являлся достаточно утопичным хотя бы потому, что предполагалось, что создаваемые на них промышленные зоны к 2010 г. смогли бы дополнительно обеспечить рабочими местами всего лишь 83,5 тыс. чел. [20, с. 74]. Уже с середины 1980-х гг. поселенческое движение стало испытывать трудности с привлечением новых людей.

Кроме того, серьезную проблему представлял юридический аспект строительства поселений. Не вызвали вопросов поселения, которые строили на местах, до 1948 г. служивших местами проживания евреев, т.к. земли, на которых они основывались, были куплены Земельным фондом и принадлежали Израилю. В то же самое время с 1977 г. многие поселения стали создаваться на территориях, находившихся в собственности арабов и экспроприированных у них израильской военной администрацией («по соображениям безопасности»). Во второй половине 1970-х гг. палестинцы стали подавать в Верховный суд Израиля жалобы на изъятие их земель военной администрацией для строительства

поселений. До определенного момента Верховный суд страны придерживался позиций невмешательства и отклонял петиции палестинцев по тем или иным причинам.

Поворотным моментом не только в политике невмешательства, но и в поселенческой политике правительства стало решение по делу Элон-Море (поселение в 5 км восточнее Шхема). В 1979 году жители деревни Руджейб на Западном берегу обратились в Верховный суд Израиля с петицией против постановления правительства о строительстве поселения Элон-Море на конфискованных у них землях. На первом заседании суд отказался принять утверждение властей о том, что конфискация земель продиктована требованиями безопасности, и вынес промежуточное решение, объявляющее мораторий на строительство поселения. После четырехмесячного разбирательства состоялось второе заседание в составе пяти судей Верховного суда, которые постановили, что конфискованные земли должны быть возвращены их законным владельцам, а поселение Элон-Море перенесено в другое место. Это решение вызвало волну протеста в правых кругах, которые угрожали акциями неповиновения, заявляя, что их право селиться на всей территории Эрец-Исраэль закреплено Богом, чей авторитет выше авторитета Верховного суда. Некоторые члены кабинета министров настаивали на принятии мер, позволяющих обойти это судебное решение. Однако М. Бегин, несмотря на то, что сам он солидаризировался с идеологами «Гуш эмумим», принял сторону министра юстиции Ш. Тамира и министра обороны Э. Вейцмана, считавших, что правительство обязано выполнить постановление суда [21].

Этот прецедент привел к тому, что правительство перестало прибегать к экспроприации земель у местного арабского населения, поощряя создание поселений только на государственных и общественных землях. С одной стороны, от этого решения был положительный эффект – палестинцы не имели больше повода подавать на военную администрацию жалобы в Верховный суд. В результате этого морально-юридический фундамент деятельности поселенцев стал крепче, чем у основателей многих киббуцев и мошавов в пределах «зеленой черты», многие из которых были построены на землях, покинутых арабскими беженцами во время арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Вопрос о землях, экспроприированных у палестинцев до 1978 г., остается открытым до сегодняшнего дня. По данным организации «Шалом ахшав», на палестинские частные земли приходится почти треть (32,4%) территории всех поселений. Кроме того, по сведениям этой же организации, 130 из 162 поселений и форпостов полностью или частично располагаются на частной палестинской земле (в том числе Офра, Ариэль и др.) [22].

Параллельно поселенческому процессу на Западном берегу шло развитие поселений в секторе Газы и на Синайском полуострове. Инициатива строительства поселений на этих территориях, как правило, принадлежала израильскому правительству, которое при этом

всячески поддерживало и инициативу снизу со стороны самих поселенцев. И если после драматического визита А. Садата в Иерусалим поселения на Синайском полуострове больше не строились, то сектор Газа стал одним из важнейших направлений поселенческой политики израильского руководства.

Еще в начале 1970-х гг. А. Шарон, будучи тогда еще командующим Южным военным округом, выдвинул план по заселению сектора Газы, основанный на принципе «пяти пальцев». Об этом принципе рассказывает израильский историк Х. Губерман: «Чтобы не допустить сращивания арабских населенных пунктов, Шарон предложил протянуть из Северного Негева на юг пять групп еврейских поселков. Предназначение первого «пальца» (поселений северной части сектора Газы) – отрезать Бейт-Ханун от Ашкелона. Там сейчас находятся непрерывно обстреливаемые Алей Синай, Нисанит и Дугит. Второй «палец» должен был прошить территорию между городом Газа, Дир Эль-Балахом и лагерем беженцев Эль-Бурейдж. Там, правда, было заложено одно-единственное поселение – Нецарим. Третий должен был вторгнуться на участок между Дир Эль-Балахом и Хан-Юнесом. Так появились мошав Ганей Таль, поселение Нецер-Хазани и мошав Эль-Катифа. Следующий «палец» должен был стать стратегически важной преградой между Хан-Юнесом и Рафияхом. К основанной там Ацмоне, Гадиду и другим поселениям впоследствии присоединился поселок Неве-Дкалим, благодаря которому Гуш-Катиф обрел территориальную целостность. И, наконец, пятым «пальцем» Шарон считал городок Ямит на Синае. Он, однако, был «удален» после подписания с Египтом договора о мире» [23]. Пик строительства поселений в секторе Газы пришелся на начало 1980-х гг.

Для улучшения условий по созданию поселений израильское правительство сняло ограничения на покупку земли на контролируемых территориях частными лицами и компаниями. Израиль де-факто распространил израильскую юрисдикцию на поселения и поселенцев. Поселенцы, согласно решению израильского правительства, подчинялись только израильскому законодательству, а не иорданскому или египетскому, которые действовали в отношении местного населения контролируемых территорий. Поселенцы имели и имеют право голосовать на выборах в Кнессет и платят налоги в израильскую казну. Все эти действия израильского руководства осуждались международным сообществом и рассматривались им как реализация Израилем планомерной поселенческой политики, наносящей ущерб уровню жизни местного арабского населения и ставящей препятствия политическому урегулированию конфликта. В частности, к таким выводам пришла Комиссия Совета Безопасности ООН от 25 ноября 1980 г., изучавшая ситуацию на контролируемых территориях [24].

Вообще, строительство каждого поселения в этот и последующие периоды сопровождалось широкомасштабными акциями протеста в израильском обществе и СМИ, которые организовывались как левыми группировками, выступавшими за скорейшую реализацию принципа «территории в обмен на мир» и обвинявшими израильское правительство в срыве мирного процесса на Ближнем Востоке.

Когда М. Бегин подписал соглашения в Кэмп-Дэвиде, по которым Синайский полуостров был передан Египту, а построенные в нем еврейские поселения должны были быть разрушены, отношения между правительством и активистами «Гуш эмуним» безнадежно испортились [25]. Еще до Кемп-Дэвидских соглашений в 1978 г. правительство М. Бегина впервые за историю поселенческого процесса объявило о «замораживании» строительства поселений на контролируемых территориях на три месяца с целью привлечь палестинцев на мирные переговоры [26, с. 333]. Большой удар по поселенческому движению и вообще идеологии заселения новых земель был нанесен демонтажем еврейских поселений северо-восточного Синая. Поселенцами было создано Движение за остановку отступления с Синая, которое, однако не смогло ничего добиться. Меир Кахане, израильский праворадикальный политический и религиозный деятель, ставший не только свидетелем, но и участником событий в Ямите в 1982 г., описывал ситуацию как полную дезориентацию поселенцев. По его словам, у Движения за остановку отступления с Синая, состоявшего из активистов «Гуш Эмуним» и партии «Тхия», не было конкретной программы борьбы с применением силы израильской армией. Важнейший вопрос о противодействии армии был проигнорирован. Лидеры поселенческого движения – Ханан Порат, раввины Нерия и Авинер – призывали оставаться в поселениях, но не прибегать к насилию в борьбе с израильскими солдатами. Эти события, по признанию М. Кахане, и подвигли его к созданию «организации, которая поддержит использование силы против любой попытки силой выселить евреев», которая получила название «Ках» [27].

25 апреля 1982 г. Израиль полностью оставил Синай, передав его Египту. Ямит, единственный еврейский город на Синайском полуострове, был разрушен, а его жители эвакуированы.

Вероятно, во многом в качестве «компенсации» за эвакуацию из Синая, в 1980-е гг. поселенческое движение стало получать существенную правительственную помощь. В этот период ему были созданы максимально благоприятные финансовые, налоговые, правовые и административные условия. Результатом поселенческой политики Менахема Бегина и его преемника и однопартийца Ицхака Шамира стало восьмикратное увеличение численности населения еврейских поселений на Западном берегу и в секторе Газы (в 1977 г. их было 4.400 чел., в 1984 г. – 36.900 чел.) [22].

Первая интифада, разразившаяся в 1987 г., не привела к значительному сокращению строительства новых еврейских городов и поселков на контролируемых территориях. Напротив, почти каждый визит госсекретаря США Дж. Бейкера, готовившего столь ненавистную тогдашнему премьер-министру Израиля И. Шамиру международную конференцию по Ближнему Востоку (в итоге она прошла в декабре 1991 года в Мадриде), сопровождался созданием нового поселения. Продолжался и рост числа поселенцев [14]. Вместе с тем, в связи с осложнившимися психологическими условиями проживания в поселениях (террористические акты, столкновения с палестинским населением и т.д.), поселенческое движение стало менять курс от расширения еврейского присутствия на контролируемых территориях к консолидации еврейского населения на уже занятых землях.

Мадридская конференция не стала поворотной точкой в отношениях израильтян и палестинцев. Однако приход к власти в Израиле в 1992 г. левоцентристского правительства И. Рабина – Ш. Переса привел к смене векторов политики на палестинском направлении, следствием чего стало начало «процесса Осло». Новое правительство предприняло попытку остановить поселенческий процесс: договора на строительство были расторгнуты, уже начавшееся строительство – заморожено, почти готовые дома – оставлены незавершенными и пустующими. Одновременно с этим с целью предотвращения трений между поселенцами и жителями создававшейся Палестинской национальной администрации строились новые объездные шоссе, призванные повысить безопасность еврейских жителей Иудеи, Самарии и Газы. В период 1992–1996 гг. показатели по строительству новых поселений были самыми низкими [12]. В это время стала происходить радикализация широких поселенческих масс, которые были во главе мощных антиправительственных демонстраций. В то время в авангарде протестного движения встала организация «Зо арцейну» («Это – наша страна»), которой удалось во время нескольких акций буквально парализовать страну (перекрытием шоссе и т.п.) [31]. Представители поселенческого движения очень негативно отреагировали на уступки, сделанные палестинцам со стороны Израиля по соглашению Осло-I в 1993 г.

Соглашение Осло-I было первым шагом на пути постепенной передачи контролируемых территорий под палестинский суверенитет. Еврейские же поселения на этих территориях служили препятствием для дальнейшей реализации формулы «территории в обмен на мир», поэтому решение о «замораживании» поселений можно трактовать как попытку остановить развитие поселенческого процесса в интересах дальнейшего продвижения переговорного процесса с палестинцами. После соглашения Осло-I поселенческий процесс оказался в принципиально другом внутри- и внешнеполитическом контексте. Процесс этот был трудным и не был завершен так, как задумывали его инициаторы, но хронологически эта тема лежит за рамками настоящей статьи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. O’Dea J. Gush Emunim: Roots and Ambiguities // Forum 2 (25). – Jerusalem, 1976. – P. 39–50.
2. The Foundation for Middle East Peace, Settlement Activity in the Israeli Occupied Territories, 1967–1990.
3. Israeli Settlements in the Occupied Territories: A Guide. A Special Report of the Foundation for Middle East Peace. March 2002.
4. The PASSIA Diary 2009 // http://www.passia.org/palestine_facts/pdf/pdf2008/LandandSettlements.pdf
5. Peace Now, Table of number of settlers since 1967.
6. The Foundation for Middle East Peace, Settlements in the West Bank.
7. The Foundation for Middle East Peace, Settlements in the Golan Heights.
8. The Foundation for Middle East Peace, Israeli Settler Population 1972–2006
9. Эпштейн А.Д. Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться. – М. – Иерусалим: Мосты культуры, 2008.
10. Тавгер Б. Мой Хеврон. Иерусалим: общество «Шамир», 1998.
11. Кдумим – первое поселение в Самарии // сайт МАОФ.
12. The Foundation for Middle East Peace, New Settlements, 1972–2008.
13. Galchinsky M. The Jewish Settlements in the West Bank: International Law and Israeli Jurisprudence // Israel Studies. 2004. – Vol. 9, No. 3. – P. 115–136.
14. Peace Now, Number of Settlers (without East Jerusalem).
15. Jean I.R. Israel divided. Ideological Politics in the Jewish State. – London: The Johns Hopkins University Press, 1976.
16. The Foundation for Middle East Peace, Government Loans in Settlements.
17. The Foundation for Middle East Peace, Billions Spent on Settlement Expansion
18. Агапов М.Г. К вопросу о возникновении и периодизации поселенческого процесса на контролируемых Израилем арабских территориях // Историческая наука в Тюменском государственном университете: материалы региональной научно-практической конференции. – Тюмень, 2005. – С. 116–128.
19. Ariel Sharon – Biography: 1977–1982: Settlement Fever and the Peace with Egypt.
20. Государство Израиль в 80-е годы (очерки). – М.: Наука, 1992.
21. Зисерман-Бродская Д. Верховный суд Израиля и публичная дискуссия о его функциях. Иерусалим: «Геэна», 2000.
22. Peace Now, Israeli Settlements in the West Bank. November, 2007.
23. Кравчик Е. Альтернатива офицерской элиты // Хроники Иерусалима. – 2005. – 13 января.
24. Доклад Комиссии Совета Безопасности, учрежденной в соответствии с резолюцией 446 (1979), от 25 ноября 1980 г.

25. The Camp David Accords. Framework for the Conclusion of a Peace Treaty between Egypt and Israel.
26. Bard M. Myths and facts. A guide in the Arab–Israeli conflict. American Israeli Cooperative Enterprise (AICE), 2001.
27. Левин А. Сегодня – Газа, завтра – Иудея, послезавтра – ты // Спектр. – 2004. – №2 (68).
28. Гейзель З. Политические структуры Государства Израиль. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002.
29. Малышев Д.А. Мадридская конференция: начало мирного процесса // Культура народов Причерноморья. – 2003. – №38. – с. 75–78.
30. Косач И.Г. Мирный процесс на Ближнем Востоке. Сирийское направление // Востоковедный сборник (выпуск второй). – М., 2001. – С. 201–211.
31. Фейглин М. Там, где нет людей / перевод с иврита и примечания Н. Радовской. – Иерусалим, 2005.

ARTEM BLASHCHANITSA

THE DEVELOPMENT OF THE ISRAELI SETTLEMENTS IN THE WEST BANK AND GAZA, 1973–1993

SUMMARY

The article is dedicated to the analysis of the Israeli settlements – civilian communities in the lands that were captured from Egypt and Jordan by Israel during the 1967 Six-Day War. In the article author analyze course and basic features of the settlement process in the Israeli occupied territories in 1973–1993. During this period we can single out two stages of development of the settlement process, that distinguish from each other by character of relations between settlement organizations and Israeli government conditioned by the ruling of left-wing (1973–1977) and right-wing (1977–1984 and 1986–1992) political leaders. Yizhak Rabin’s and Shimon Peres’ return to power and signing of Oslo-I Accords made new terms for the settlement process, which was limited by the frameworks of Israeli commitments on solving the issue of the status of the territories of West bank and Gaza. The consensus view of the international community is that the building of Israeli settlements in the West Bank, including East Jerusalem, is illegal under international law, although Israel disputes this.

Keywords: Israel, settlement process, Gush Emunim, Land for peace, Eretz Israel.

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН, ЕВГЕНИЙ ВАРШАВЕР

**КАК НАЧИНАЛАСЬ И ЧЕМ ЗАКОНЧИЛАСЬ ПЕРВАЯ
ИЗРАИЛЬСКАЯ «ВОЙНА ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА»:
ОТ ВТОРЖЕНИЯ В ЛИВАН ДО «СДЕЛКИ ДЖИБРИЛЯ»
(1982–1985 ГГ.)**

АННОТАЦИЯ

Израиль позиционирует себя как страна, находящаяся на переднем крае борьбы с террором. За два десятилетия до американского вторжения в Афганистан и Ирак, позиционируемых как часть глобальной борьбы с террором, Израиль, впервые в своей истории, начал войну, изначально направленную не против того или иного враждебного государства, а против терроризма и тех угроз, которые с ним связаны. Изначально названная операцией «Мир Галилее», эта война вошла в историю Израиля как Первая Ливанская. В статье демонстрируется, что, хотя израильская армия быстро добилась контроля над значительной частью территории Ливана, что привело к эвакуации из страны боевиков ООП, уровень террористической угрозы не снизился: место «Фатха» заняла «Хезбалла», а совершенная в конце войны сделка по обмену пленными отчетливо продемонстрировала уязвимость и беззащитность Израиля перед лицом террористических организаций.

Ключевые слова: Израиль, Ливан, операция «Мир Галилее», «Фатхленд», «Сделка Джибриля»

Покидая отель «Дорчестер» в Лондоне за несколько минут до полуночи в четверг 3 июня 1982 года, израильский посол в Великобритании Шломо Аргов (1929–2003) был серьезно ранен в голову выстрелом, совершенным террористом из организации Абу-Нидалья «Фатх – Революционный совет»; Ш. Аргов так и не пришел в сознание до самой своей кончины. Вскоре стало очевидно, что это был первый выстрел первой ливано-израильской

войны. Меньше чем через трое суток часов после этого покушения израильская армия вошла в Ливан, предприняв полномасштабную атаку на силы «Фатха» и других организаций, входивших в состав ООП, которые, расположившись в Южном Ливане, фактически, функционировали как независимое государство. Эта атака, задуманная как 72-часовой блицкриг, обернулась четырехмесячной войной, сменившейся трехлетним израильским военным присутствием в Ливане и еще пятнадцатью годами в т.н. «зоне безопасности» Южного Ливана. Первая Ливанская война, в которой Израиль потерял 659 человек убитыми, и в которой были ранены почти четыре тысячи, вызвала раскол в обществе, оставив шрамы, от которых оно страдало долгие годы, подобно тому как в США на протяжении десятилетий ощущались раны от войны во Вьетнаме.

Следует отметить, что эта война не была начата под влиянием гневного импульса, и она не была актом мести. Целью войны в Ливане было осуществление политического проекта, авторами которого были министр обороны А. Шарон и высший генералитет. Для этой войны была разработана четкая стратегия, это была едва ли не наиболее тщательно спланированная из всех войн, которые вел Израиль.

Семена ливанской трагедии были посеяны в 1970-е годы. В сентябре 1970 года, позже названном «черным», король Иордании Хусейн предпринял военные операции против палестинцев, живущих в его королевстве, и против ООП, которая действовала там как независимая организация. Многие сотни, если не тысячи, палестинцев были убиты и тысячи арестованы. Таким образом, Хусейн положил конец использованию иорданской территории в качестве плацдарма для атак как на свой престол, так и на Израиль, изгнав силы ООП и ее лидеров из своей страны. Я. Арафат и преданные ему силы вынужденно перебазировались в Южный Ливан, где находилось несколько больших лагерей палестинских беженцев, – последняя оставшаяся территория на границе с Израилем, на которой они располагали некоторой свободой передвижения. В 1975 года в Ливане началась гражданская война между мусульманами и христианами, продолжавшаяся более пятнадцати лет и унесшая десятки тысяч жизней. Она привела к фактическому распаду ливанской армии и к падению центрального правительства в Бейруте.

ООП поторопилась заполнить вакуум власти в Южном Ливане, который де-факто стал ничейной землей, и создала «государство в государстве». Южный Ливан стал известен как территория «Фатхленда», превратившись в плацдарм террора против Израиля. С этой территории северная часть Израиля в течение ряда лет подвергалась атакам. Боевики проникали в Израиль из Ливана по морю и по суше, беря в заложники детей, взрослых и целые семьи. Террористы обстреливали Израиль ракетами, причинявшими значительный

ущерб. Время от времени Израиль атаковал базы ООП в Южном Ливане, но за каждой израильской операцией следовала контратака боевиков.

В начале 1978 года, после особенно дерзкой и разрушительной вылазки террористов, Израиль инициировал достаточно масштабную военную акцию, получившую название «операция Литани» [см. о ней подробнее: 15, с. 63–67]. Израильская армия оккупировала область шириной от трех до пяти километров к северу от границы с Ливаном и создала на ней «зону безопасности», порядок на которой поддерживали жители ливанских деревень, расположенных в этой местности, при поддержке израильских сил. Однако и эта акция не принесла ожидаемого эффекта. В мае 1981 года начались серьезные военные действия: более недели израильские города и деревни в Галилее подвергались ракетному и минометному обстрелу, были жертвы среди населения, да и материальный ущерб был начителен. Наконец, с помощью американского посредника ливанского происхождения Филипа Хабиба (1920–1992) было достигнуто прекращение огня, но ситуация оставалась напряженной. ООП снова и снова атаковала израильские и еврейские цели по всему миру; становилось ясно, что такое положение не может оставаться неизменным в течение неопределенно долгого времени.

Ариэль Шарон стал министром обороны Израиля в августе 1981 года, сменив добровольно ушедшего в отставку Эзера Вейцмана (1924–2005). В течение нескольких месяцев под его руководством был разработан план «Ораним», представлявший собой радикальную перемену в израильском стратегическом мышлении [1, р. 150]. До этого Израиль был занят защитой своей северной границы и его главной проблемой было нарастание присутствия ООП в Южном Ливане и постепенный захват ею территории последнего. А. Шарон смотрел гораздо дальше. По его мнению, единственной гарантией того, что проблема ООП в Ливане может быть решена, было превращение Ливана в прозападную страну, являющуюся союзником Израиля. Для этого А. Шарон намеревался с помощью израильских войск добиться прихода к власти в Ливане удобного Израилю правителя: по его мнению, таковым был лидер христиан-маронитов Башир Жмайель, и именно он должен был быть избран президентом. Однако пока в стране находилась сирийская армия, у президента Х. Асада было достаточно возможностей, чтобы расстроить подобные планы. Поэтому вытеснение сирийской армии из Ливана или, по крайней мере, из Бейрута и его окрестностей и из южных и центральных районов Ливана, стало одним из главных пунктов плана «Ораним» [13, р. 100–105]. Как это ни удивительно, члены правительства Израиля ничего об этих планах министра обороны не знали. Многие эксперты считают, что если бы кабинету министров было известно о намерениях А. Шарона, Ливанская война, вероятно, не была бы начата, т.к. последнее, к чему стремилось

политическое руководство Израиля, это к военной конфронтации с Сирией, пусть и на ливанской территории.

Это стало совершенно очевидным в декабре 1981 года. 14 декабря Кнессет принял Закон об аннексии Голанских высот и распространении на них израильской юрисдикции. Реакция на это решение арабского мира, да и международного сообщества в целом, была весьма жесткой. США прервали действие соглашения о стратегическом сотрудничестве с Израилем и временно прекратили поставки израильской армии современных боевых самолетов, сроки которых уже были оговорены сторонами. 20 декабря М. Бегин собрал в своей резиденции очередное еженедельное заседание правительства [см. об этом: 13, р. 107]. Настроение у него было мрачное. Он сказал, что возможна военная реакция со стороны Сирии, и что Израиль должен быть наготове. Затем он удивил министров, сообщив, что армия разработала детальный план военного вторжения далеко вглубь территории Ливана. Он усилил эффект этого заявления, потребовав, чтобы кабинет утвердил план на этом же заседании и уполномочил премьер-министра и министра обороны привести его в действие без дальнейших консультаций, т.к. для этого, возможно, не будет времени.

Затем Ариэль Шарон и начальник Генерального штаба Рафаэль Эйтан (1929–2004) представили план «Ораним». Согласно стрелкам на картах, израильская армия должна была выйти к главному шоссе Бейрут–Дамаск. А. Шарон подчеркнул, что армия не войдет в Бейрут, так как в нем находятся иностранные посольства, в том числе США и СССР, но намекнул на возможность высадки морского десанта в Джунии, крупном христианском городе к северу от Бейрута. Ни А. Шарон, ни М. Бегин не упоминали о стратегической концепции, стоявшей за этим планом. «Ораним» был представлен как ответ на возможные провокации со стороны Сирии и как план, который должен был предотвратить дальнейшие террористические акты со стороны ООП. Таким образом, дискуссия членов израильского правительства проходила в стратегическом вакууме, – не было сделано никаких попыток объяснить конкретные цели и долгосрочные задачи этой войны. Министры были потрясены: кабинету предлагалось утвердить крупную военную операцию, если не полномасштабную войну, для которой не было достаточной причины, и которая ни с какой стороны не казалась необходимой в данный момент. Два министра – Симха Эрлих и Мордехай Ципори – выступили с решительными возражениями против плана; к ним присоединился и один из двух заместителей премьер-министра [см. об этом: 13, р. 110–112]. Резюмировав, что «атмосфера совершенно ясна, и продолжать нет смысла», М. Бегин прервал обсуждение, объявив, что он берет назад свое предложение, и закрыл заседание.

Эти события иллюстрируют важный момент в отношениях между премьер-министром, министром обороны и правительством в Израиле: кабинет может не согласиться на военную акцию, даже если ее решительно поддерживают и премьер-министр, и министр обороны. Таким образом, хотя и тот, и другой являются ключевыми фигурами в формировании отношений между гражданской властью и армией, в определенных ситуациях кабинет может наложить вето на их решения.

М. Бегин и А. Шарон сделали из этого бурного заседания 20 декабря разные выводы, хотя, разумеется, оба поняли, что правительство не намерено утверждать план «Ораним». М. Бегин решил, что он должен добиваться принятия правительством «урезанного» варианта плана в виде военной операции с ограниченной задачей разрушить инфраструктуру ООП в Южном Ливане. Этот проект, ставший известным как «Малый план», он представил кабинету и лидерам оппозиции в последующие месяцы. А. Шарон же не считал колебания своих коллег по правительству достаточной причиной для отказа от своей грандиозной стратегической идеи. Чтобы реализовать ее, он решил прибегнуть к сложной и хитроумной манипуляции. В следующие пять с половиной месяцев он вместе с М. Бегиним занимался презентацией «Малого плана» кабинету и лидерам оппозиции Ш. Пересу и И. Рабину. Однако в то время как правительство слушало и обсуждало его, в Генеральном штабе, следуя инструкциям А. Шарона, разрабатывали совсем другое решение [1, р. 151–152].

Утром в пятницу 4 июня 1982 года, всего через несколько часов после нападения на посла Ш. Аргова в Лондоне, М. Бегин собрал в Иерусалиме заседание правительства. По его предложению, кабинет утвердил крупный авиаудар по объектам ООП в центре Бейрута, причем ни у кого из присутствовавших не было сомнений в том, что ООП не оставит эту атаку без ответа. Затем М. Бегин объявил, что на исходе субботы в его резиденции состоится следующее заседание кабинета, на котором должны быть приняты решения о будущих действиях Израиля. Все присутствующие понимали, что кабинету предложат утвердить крупную военную сухопутную операцию в Ливане. Как и ожидалось, ООП ответила на израильский авиаудар артиллерийским обстрелом Северной Галилеи и обстрелом из катюш Кирьят-Шмоны и других городов, расположенных вдоль северной границы. В ночь на субботу 5 июня А. Шарон и Р. Эйтан представили кабинету «Малый план», предусматривавший военную операцию по захвату в Южном Ливане зоны шириной 40 километров к северу от израильско-ливанской границы с целью вывести север страны из радиуса действия ракет и артиллерии ООП. М. Бегин предложил резолюцию из четырех пунктов, принятую кабинетом почти единогласно.

Эта резолюция, опубликованная в воскресенье 6 июня 1982 года, гласила:

«Правительство постановило:

А. Поставить перед армией задачу вывести все города Галилеи из радиуса огневых атак террористов, находящихся в Ливане и имеющих там базы и главный штаб.

Б. Операция будет проводиться под названием «Мир Галилее».

В. В ходе выполнения этого решения не атаковать сирийскую армию, если она не нанесет удара по нашим силам.

Г. Израиль продолжает стремиться к мирному договору с независимым Ливаном, что сохранит его территориальную целостность».

По-видимому, ни один из членов политического руководства, присутствовавших на этом заседании, не уловил содержащегося в этой резолюции противоречия. Ни один из военных не побеспокоился о том, чтобы проинформировать их, что невозможно вывести всю Галилею из радиуса атак террористов без прямого столкновения с сирийской армией, т.к. в восточной части сирийские передовые позиции находились на расстоянии всего пятнадцати километров от израильской границы.

Вначале израильская армия остановилась в трех километрах от сирийских передовых позиций. Однако А. Шарон продолжал доказывать, что если армия не будет продвигаться дальше, она не выполнит задачу, поставленную перед ней правительством. Шел понедельник, второй день войны. А. Шарон убеждал кабинет утвердить окружение сирийской армии, – предполагалось, что этот маневр может заставить ее отступить без боя. Однако события развивались иначе: израильская армия двинулась вперед, но сирийские войска не отступили; вместо этого, чтобы защитить их, сирийцы разместили в Ливане большое количество противоздушных ракетных установок SAM 6.

В среду А. Шарон при поддержке М. Бегина попросил кабинет утвердить полномасштабную авиационную атаку на сирийские ракетные батареи. Несколько министров были против этого плана, так как было ясно, что массированный удар по сирийским противоздушным системам приведет к военной конфронтации между Израилем и Сирией. В ответ А. Шарон предостерег, что если сирийские ракетные установки не будут немедленно выведены из строя, это резко ограничит свободу действий израильской авиации, лишив израильские сухопутные войска поддержки с воздуха. Ни одно израильское правительство не взяло бы на себя такой ответственности по доброй воле; кабинет нехотя санкционировал удар. Эта операция, декларируемой целью которой было – подчеркнем это вновь! – вытеснение ООП с занимаемой ею территории, обернулась крупной военной конфронтацией с Сирией – результат, против которого правительство последовательно и

решительно возражало, и на который оно никогда бы не согласилось, если бы, принимая первоначальное решение, располагало полной информацией о расстановке сил.

Этот сценарий является типичным примером того, как военная власть, получив ясные инструкции от министра обороны, создает необратимую оперативную ситуацию, тем самым ставя гражданскую власть в тяжелейшее положение. Следует подчеркнуть, что вышеупомянутое противоречие, содержащееся в решении кабинета от 5 июня, было совершенно очевидно для военных. 13 мая 1982 года, за три недели до начала войны, было созвано специальное заседание Генерального штаба для окончательного анализа предстоящей операции. На этом заседании начальник Военной разведки генерал Иехоша Саги предупредил своих коллег-генералов о возможных крайне серьезных последствиях предлагаемой операции. Высмеяв идею о добровольном отступлении сирийцев, он сказал, что террористов невозможно вытеснить из 40-километровой зоны на востоке Южного Ливана без тяжелого боя с сирийской армией. Иехоша Саги предостерег, что сирийцы разместят в зоне конфликта противоздушные установки; тогда израильская армия вынуждена будет атаковать и уничтожить их, и неизбежным итогом этой конфронтации будет полномасштабная война в Ливане.

Начальник военной разведки отвечает за общую оценку разведывательных данных не только перед армией, но и перед правительством, и потому нередко присутствует на его заседаниях. Тем не менее, Иехоша Саги не высказал свое мнение министрам с той же ясностью и прямоотой, как он это сделал на заседании Генерального штаба. Вероятнее всего, И. Саги боялся гнева А. Шарона и не хотел открыто высказывать членам правительства полностью противоречившее позиции министра обороны мнение в его присутствии [1, р. 155]. Комиссия, во главе с председателем Верховного суда Ицхаком Каханом, сформированная после резни в Сабре и Шатиле в сентябре 1982 года, осудила И. Саги за то, что он не представил гражданской власти своего особого мнения и, следовательно, не выполнил своего профессионального долга перед ней. Таким образом, было сформулировано одно из основных положений в системе отношений между военной и гражданской властями: высшие чины армии должны быть лояльны не по отношению к министру обороны, а, скорее, к правительству в целом. План «Ораним» целиком так никогда и не был представлен высшему политическому руководству страны. Кабинет утвердил военную операцию, имея искаженное представление о ее задачах.

С военной точки зрения, израильские силы добились своего. 23 июня 1982 года израильские войска установили сухопутную и морскую блокаду Бейрута, в ходе которой пытались заставить ООП и Сирию эвакуировать свои вооруженные силы из города. В тот же

день М. Бегин вернулся из визита в США, где он занял жесткую позицию, заявив, что части ЦАХАЛа будут оставаться в Ливане до тех пор, пока ООП будет угрожать безопасности Израиля. Напряженное противостояние привело к дальнейшей эскалации, и 4 августа израильская армия заняла два южных пригорода Бейрута и северную часть международного аэропорта. Эта операция, несмотря на большие потери среди израильских солдат, вынудила ООП согласиться на эвакуацию из столицы Ливана. 21 августа в Бейрут прибыл международный отряд наблюдателей, состоящий из полутора тысяч американских, английских, французских и итальянских морских пехотинцев. Под их контролем началась эвакуация 14,5 тысяч бойцов ООП и сирийских солдат, закончившаяся 1 сентября. Сирийцы были эвакуированы в долину Бекаа в Восточном Ливане. Я. Арафат со своим штабом перебрался в Тунис, а его боевики были эвакуированы в восемь арабских стран (хотя позднее стало очевидно, что не менее полутора тысяч из них остались в Ливане [15, с. 87–88]). 1 сентября 1982 года было официально заявлено об окончании операции «Мир Галилее».

С политической точки зрения все обстояло много хуже. 23 августа 1982 года лидер христиан Башир Жмайель был избран ливанским парламентом президентом страны. Занять эту должность он был должен 23 сентября, сменив на этом посту Ильяса Саркиса. В начале сентября Б. Жмайель прибыл с визитом в Израиль, где провел переговоры с М. Бегиним по поводу будущих взаимоотношений между двумя странами. Но 14 сентября, когда будущий президент заседал в штаб-квартире фалангистов в Бейруте, это здание было взорвано двухсоткилограммовой бомбой. Судя по всему, это убийство было совершено совместно сирийцами и противниками Б. Жмайеля из лагеря ливанских христиан. В ту же ночь, по приказу министра обороны А. Шарона, израильская армия вошла в Западный Бейрут. В официальном заявлении правительства Израиля причиной этого было названо стремление «предотвратить опасность беспорядков, кровопролития и хаоса в Западном Бейруте, где, в нарушение соглашения об эвакуации, осталось две тысячи террористов, располагающих тяжелым вооружением».

Сложилась ситуация, при которой израильская армия контролировала весь Западный Бейрут, за исключением двух лагерей беженцев – Сабра и Шатила, практически бывших городскими кварталами. 15 сентября израильский комендант Бейрута, действуя в соответствии с приказами министра обороны, санкционировал ввод в эти лагеря отрядов христиан-фалангистов, чтобы выбить оттуда предположительно находившихся там боевиков ООП. 16 сентября фалангисты вступили в Сабру и Шатилу. К вечеру выяснилось, что фалангисты устроили в лагерях массовое убийство беззащитных мужчин, женщин и детей, объясняя его мстью за смерть своего лидера Б. Жмайеля [см. об этой трагедии подробнее:

15, с. 88–92]. По приказу израильского командования подразделение фалангистов покинуло лагеря утром 18 сентября, а позже было расформировано.

Резня в Сабре и Шатиле не только лишила Израиль возможности надеяться на формирование благоприятного для себя политического режима в Ливане, но и, что не менее важно, превратила Израиль в глазах международного сообщества из жертвы террора в его покровителя. Что же касается изначальных целей антитеррористической войны, то боевики ООП, действительно, в массе своей покинули Ливан, но их место заняли совсем не те силы, на которые могли рассчитывать в Израиле.

В ответ на вторжение Израиля в Ливан возникла шиитская исламистская организация «Хизбалла», в переводе с арабского – «партия Аллаха». По словам бывшего премьер-министра и министра обороны Израиля Ицхака Рабина, операция «Мир Галилее» «...как будто выпустила шиитского джина из бутылки: никто не ожидал, что до того самая незащищенная этническая группа Ливана вдруг сможет объединиться под знаменем террористической борьбы против ЦАХАЛа и, тем самым, существенно изменить расклад сил в ливанском обществе» [10, с. 10] Действительно, все происходило стремительно. Если до войны интересы ливанских шиитов представляла лишь одна организация – «Амаль», то после войны неожиданно возникшая «Хизбалла» стала одной из главных сил в Ливане и мощнейшим сдерживающим фактором, затянувшим выход Армии обороны Израиля с территории Южного Ливана на долгие восемнадцать лет. Когда в 1989 году Таифским соглашением закончилась гражданская война в Ливане, «Хизбалла» получила возможность оставаться вооруженной организацией с не до конца понятным статусом «армии сопротивления» Израилю на юге страны. Когда в 2000 году Израиль вышел из Южного Ливана, эта территория перешла под фактически полный контроль хорошо вооруженной «Хизбаллы».

Как получилось, что не существовавшая до первой израильско-ливанской войны шиитская террористическая организация «Хизбалла» так быстро добилась столь многого, прочно застолбив за собой позицию важного игрока на арене ближневосточной борьбы? *Почему Израиль, начав во многом беспрецедентную для себя войну, первую войну, где врагом была не страна, а секулярная террористическая организация ООП, первую войну, когда Израиль мог выбирать, начинать ее или нет, в результате нажил себе, как показали дальнейшие события, опасного и умного врага?*

Сложно сказать, когда именно появилась «Хизбалла». Разные исследователи помещают этот момент в промежутке между 1982 годом, когда в шиитской организации «Амаль» произошел раскол, и 1985 годом, когда «Хизбалла» издала манифест, в котором

постулировались ее цели. Если обращаться к наиболее «долгой» истории «Хизбаллы», консолидация сил, позже создавших организацию, произошла почти сразу после вторжения Израиля в Ливан. Летом 1982 года, в самом начале войны, президент страны Ильяс Саркис создал Комиссию национального спасения (National Salvation Committee), одной из целей которой было примирение разнообразных группировок, активных внутри страны. Наби Берри, многолетний председатель ливанского парламента и глава «Амаля» (основного выразителя интересов ливанских шиитов на тот момент), принял решение участвовать в работе комиссии. Некоторые группировки в «Амале» пытались противостоять этому решению, поскольку в ту же комиссию входил Башир Жмайель, глава произраильски настроенных христиан-фалангистов. Особое упорство демонстрировали религиозные круги организации, ратовавшие за усиление исламской составляющей и борьбу за установление режима шариата в Ливане. Это привело к тому, что организацию покинули заместитель главы совета «Амаля» Хуссейн ал-Мусауи, а также член политбюро Саид Хасан Насралла. Они основали т.н. Исламское движение «Амаль». Через некоторое время они и некоторые другие бывшие члены «Амаля» объединились с группой выпускников иракских шиитских религиозных школ, не ассоциировавших себя с «Амалем», в связи с тем, что он не исключал возможности сотрудничества с ливанским правительством. Третьей группой, сформировавшей в итоге «Хизбаллу», стал Совет исламского действия (Islamic Action Committee), поддерживавший отношения как с «Фатхом», так и с иранскими революционерами [6]. Создаваемой организации активно помогал Иран, где за два с половиной года до этого произошла исламская революция. Иран снабжал зарождающуюся организацию деньгами, а кроме этого в Ливан были отправлены сотни «стражей», основная цель которых состояла в создании структур, способных противодействовать Израилю [9].

К 1983 году организация решает выйти на ливанскую политическую арену и проводит ряд акций протеста против израильской оккупации. Осенью 1983 года подразделения «Хизбаллы» принимают участие в столкновениях с ливанской армией и отрядами фалангистов в южных пригородах Бейрута. 16 февраля 1985 года группа официально заявила о себе публикацией политической программы, а также организацией демонстрации в память о шейхе Рагибе Харбе, предположительно погибшем от рук израильтян в феврале 1984 года. Последовавшие события продемонстрировали, что заявления «Хизбаллы», согласно которым основной целью организации является освобождение юга Ливана от израильской оккупации, не являются простой политической риторикой. Скоординированные действия руководителей «Хизбаллы», помощь Ирана, а также поддержка шейхов в шиитских деревнях и переход на сторону организации бойцов других военизированных групп, способствовали быстрому усилению организации и упрочению ее влияния. Дальнейшие события показали, что с 1982

по 1985 годы была заложена база для многолетнего, весьма успешного противостояния Израилю.

Израиль, в свою очередь, отнюдь не сразу заметил, что диспозиция сил изменилась. Организация освобождения Палестины – зонтичная структура, созданная Лигой арабских государств для объединения различных палестинских группировок в 1964 году. В 1969 году глава «Фатха» Ясир Арафат возглавил и ООП, консолидировав большинство антиизраильских палестинских сил под своим началом. На территории Ливана палестинские организации имели значительное влияние почти с самого основания, поскольку Ливан – одна из тех стран, где после войны 1948 года были организованы лагеря беженцев. Другой такой страной стала Иордания. Это обстоятельство позволило ООП создать мощную базу на территории Иордании, что привело к событиям сентября 1970 года, о которых уже говорилось выше. В результате поражения ООП, большинство ее лидеров оказались в Ливане, где им с большим успехом удалось реализовать идею «государства в государстве». После эвакуации сил ООП в сентябре 1982 года, выводу израильских сил с большей части территории страны в июне 1985 года и окончания гражданской войны в Ливане в 1989 году становится понятно, что, если кто-то от всего этого и выиграл, так именно «Хизбалла» – организация, которой вообще не было до 1982 года, и которая за несколько лет заняла место ООП в качестве основной силы на юге страны после того, как «Фатхленд» перестал существовать.

Пытаясь прекратить террористические атаки с севера, Израиль прервал деятельность ООП на юге Ливана. Военная цель была достигнута, но, как выяснилось, победить ООП не значит ликвидировать террористическую угрозу. Флаг террористической борьбы против Израиля был подхвачен «Хизбаллой» и, начиная со второй половины 1980-х, именно эта организация вступает во все более жесткую конфронтацию с Израилем, не чураясь использовать террористические методы. В 2006 г. именно ее провокация привела к началу Второй Ливанской войны. Если формальным поводом к началу войны была атака на израильский патруль, в результате которого пять израильских солдат погибли, а еще двое попали в плен (как выяснилось позднее, погибли и они; «Хизбалле» удалось захватить только их тела), то в стратегическом измерении эта война преследовала цель уничтожить или, как минимум, существенно ослабить «Хизбаллу». Однако добиться этой цели Израилю так и не удалось; скорее, напротив – «Хизбалла» отчетливо доказала, что является влиятельной силой ближневосточной политики, сокрушить которую практически уже невозможно.

Одним из наиболее тяжелых для Израиля моментов за всю историю его отношений с «Хизбаллой» были унижительные сделки, на которые еврейское государство вынуждено было

пойти, чтобы вернуть тела погибших военнослужащих ЦАХАЛа; лишь однажды – 29 января 2004 г. – «Хезбаллой» был освобожден живым израильский заложник, Эльханан Тененбаум, похищенный в Дубаи за три с лишним года до этого. Эти сделки раз за разом наглядно демонстрируют израильтянам, что, несмотря на мощь их армии, в итоге условия будет диктовать именно «Хезбалла».

Как ни горько это признать, эта модель отношений между Израилем и террористическими организациями сложилась именно вследствие Первой Ливанской войны. В ходе боев в плен к организации «Народный фронт освобождения Палестины – Главное командование» попали три израильских солдата: Хези Шай, Нисим Салам и Йосеф Гроф. Несмотря на все усилия, освободить их не удалось, и Израилю нужно было либо смириться с их гибелью, либо пойти на унижительную сделку с теми, ради победы над кем, собственно, и затеивалась вся антитеррористическая Ливанская война...

Собственно, эта сделка не была первой. Уже 23 ноября 1983 года Израиль договорился с ООП об обмене шестерых попавших в плен израильских солдат на 4.700 (!) палестинцев, захваченных в плен израильскими силами в ходе войны в Ливане. 28 июня 1984 года Израиль договорился с Сирией о возвращении шестерых пленных: троих солдат ЦАХАЛа и трех гражданских лиц, а также тел пятерых погибших солдат ЦАХАЛа; Израиль в ответ передал сирийцам 304 пленных (291 военных и 13 гражданских лиц) и тела 74 убитых бойцов [8, с. 116]. Но апофеозом краха идеи антитеррористической войны была следующая сделка, в рамках которой по соглашению с одной из самых непримиримых боевых организаций на свободу вышли более тысячи заключенных из израильских тюрем, среди которых были и приговоренные судом к пожизненному заключению.

Сделка между правительством Израиля и организацией «Народный фронт освобождения Палестины – Главное командование», известная как «сделка Джибриля» – по имени главы НФОП–ГК Ахмада Джибриля [об этой организации см. 14, с. 141–183] – состоялась 20 мая 1985 года, менее чем за месяц до официального окончания войны. В ответ на освобождение трех израильских солдат, захваченных НФОП–ГК в ходе военных действий в Ливане, Израиль освободил из тюрем 1.150 заключенных. Сделка вызвала широкий общественный резонанс и в историю обменов пленными между Израилем и его противниками она вошла как своеобразный Рубикон.

Пропавшими без вести и находящимися в плену считались 7 бойцов, взятых в плен в 1982 и 1983 годах. Двое из них были захвачены в районе поселения Хамдун, четверо – в ходе боя рядом с деревней Султан-Якуб, еще один был захвачен после фактического окончания войны.

Изначальные требования Израиля заключались в том, чтобы все восемь военных, захваченных в районе Хамдуна, были возвращены в ходе одной сделки – вне зависимости от того, в руках какой из фракций они находятся, однако, затем Израиль предпочел форсировать возвращение части военнопленных, в связи с тем, что в городе Триполи, где содержались шесть из них, на тот момент шли активные боевые действия, и у руководства страны не было уверенности в безопасности своих граждан. Ко всему прочему, стало известно, что НФОП–ГК отказывается участвовать в переговорах под эгидой Международного комитета «Красного креста». В результате, правительство Израиля смирилось с тем, что вернуть всех пленных в ходе одной сделки не удастся.

24 ноября 1983 шесть солдат ЦАХАЛа под наблюдением представителей «Красного креста» на французском корабле достигли территориальных вод Израиля, где были переданы израильским военным, которые доставили их в Хайфу. В то же самое время Израиль освободил 63 боевиков, некоторые из которых отбывали сроки по серьезным статьям. Например, на свободу вышла женщина, которая 8 мая 1972 года, в числе других членов организации «Черный сентябрь», захватила Боинг 707 компании «Сабена», направлявшийся из Вены в Тель-Авив. Кроме этого были освобождены 36 членов ООП, суд над которыми на тот момент еще не состоялся, а также около тысячи членов организации, содержащихся в лагере пленных Ансар на территории Южного Ливана. Все освобожденные были отправлены в Алжир на борту самолета компании «Air France». Были освобождены и другие заключенные из Ансара и других лагерей в Ливане. Некоторые из них после освобождения решили перебраться в северные районы Ливан, некоторые предпочли остаться в южной части страны. Кроме этого, Израиль передал представителям «Красного креста» архивы ООП, захваченные ЦАХАЛом в сентябре 1982 года [8, с. 115–116].

На следующий день после обмена Шмуэль Тамир, глава Консультативной группы по делам заключенных и солдат, пропавших в ходе боевых действий (Advisory Group on Prisoners and Soldiers Missing in Action), объявил, что в плену у НФОП–ГК находится еще один солдат ЦАХАЛа, и, таким образом, в целом, эта организация удерживает троих израильтян. Двое были захвачены рядом с Хамдуном, а третий – рядом с Султан-Якуб. Представители НФОП–ГК, однако, через три дня после этого, упомянули лишь двоих заключенных, не признавая факт удержания третьего [8, с. 115–116].

Судьба третьего военного, Хези Шая, находившегося в руках НФОП–ГК, была неизвестна до июня 1984 года, когда австрийский посол в Греции Герберт Амри (Herbert Amry), посетив заключенных, сообщил о том, что НФОП–ГК удерживает трех израильских военных. До того Х. Шай считался пропавшим без вести в ходе боя у поселка Султан-Якуб.

Таким образом, после двух, упомянутых выше, сделок – с ООП и правительством Сирии – было известно, что в плену все еще остаются три израильтянина. Судьба еще троих – Захарии Каца, Иехуды Баумеля и Цви Фельдмана, попавших в плен одновременно с Хези Шаем – остается неизвестной с 11 июня 1982 года и до настоящего времени. Именно в таких условиях Израиль подошел к подготовке сделки с НФОП–ГК. В сентябре 1984 года переговоры вошли в активную стадию. Герберт Амри несколько раз ездил из Дамаска в Иерусалим и обратно, в Женеве при посредничестве «Красного креста» встречались представители сторон. Изначальные требования НФОП–ГК состояли в освобождении 1.300 палестинских боевиков, приговоренных к разным срокам заключения и содержавшихся в израильских тюрьмах, 1.000 пленных из лагеря Ансар, а также 121 пленный, переведенных из Ансара на территорию Израиля. Следующий этап переговоров в Женеве состоялся в апреле 1985 года. К тому времени Израиль согласился отпустить на свободу 1.150 заключенных из израильских тюрем, пообещав более не преследовать их за те преступления, за которые они были приговорены к разным срокам заключения до этого. Договор был подписан 21 апреля, сделка была изначально назначена на 15 мая, но позже А. Джибриль попросил перенести ее на пять дней [2]. Среди заключенных, которых освободил Израиль по условиям «сделки Джибриля», необходимо выделить следующих людей.

Козо Окамото – член организации «Красная армия Японии» (КАЯ), которая в начале 1970-х вступила во взаимовыгодные отношения с НФОП, в рамках которых члены КАЯ и НФОП планировали акции на территории Израиля и Японии, чтобы обойти спецслужбы своих стран, не осведомленных о таком союзе. Первый результат такого сотрудничества стал очевидным миру 30 мая 1972 года, когда в международном аэропорту Лода (с 1973 года он носит имя Давида Бен Гуриона), из самолета компании «Air France», следовавшего из Парижа, вышли три японца со скрипичными чехлами в руках. «Расчехлив инструменты», они открыли огонь из винтовок по людям, находившимся в холле аэропорта. В результате 24 человека погибли, а еще 71 был ранен. Погибли и два из трех японцев: один покончил с собой, другой был убит израильским спецназом. К. Окамото попытался скрыться с места преступления, но был задержан. В июне того же года он был приговорен к пожизненному заключению. После освобождения, оказавшись в Ливане, он принял ислам, чтобы избежать экстрадиции в Японию. В данный момент он живет в Ливане [7, с. 215–216].

Зияд Абу ал-Айн – член ООП, заложивший 14 мая 1979 года бомбу на рынке в городе Тверия. В результате теракта двенадцать человек погибли, а еще 36 были ранены. Ал-Айну удалось скрыться в США, однако, когда личность подозреваемого была установлена, Израиль запросил его экстрадиции. Несмотря на сопротивление арабских стран, в 1981 году он был переправлен в Израиль и осужден [4].

Шейх Ахмед Ясин – будущий основатель, идеолог и руководитель ХАМАСа. В 1989 году он снова оказался в израильской тюрьме, приговоренный к пожизненному заключению, однако вышел на свободу в 1997 году, в рамках вынужденных мер, предпринятых Израилем после неудачного покушения «Моссада» на Халеда Машаля в Иордании [16, с. 54–70]. 22 марта 2004 года он был убит ракетой, выпущенной из израильского вертолета [16, с. 89].

Комментируя «делку Джибриля», Ицхак Рабин, занимавший должность министра обороны, объяснил ее тем, что у израильской армии и спецслужб не было возможности освободить солдат иначе как путем переговоров [3]. В то же время, переговорщики с израильской стороны были недовольны условиями сделки [11].

«Сделка Джибриля» вызвала огромный резонанс и в Израиле, и за его пределами [11]. С одной стороны, необходимость вернуть заключенных не подвергалась сомнению, с другой – цена, заплаченная за это возвращение, многим казалась чрезмерной. Уже в 1985 году озвучивались печальные для Израиля прогнозы, во многом оказавшиеся верными, что выпущенные на свободу и не депортированные в другие страны палестинцы станут авангардом вооруженной борьбы против Израиля. Так оно и случилось – в 1987 году началась первая интифада, активными участниками которой (от рядовых «бойцов» до крупных политических фигур) стали палестинцы, освобожденные в результате сделки [12, с. 198–199].

В 1988 году у Израиля, скорее всего, первый и последний раз появилась возможность начать переговоры по освобождению летчика Рона Арада, захваченного организацией «Амаль», однако, согласно некоторым мнениям, именно травматический опыт, полученный в результате «сделки Джибриля», не позволил Израилю форсировать переговоры, и, в конце концов, следы Р. Арада были утеряны, и никакой достоверной информации о его судьбе нет до сих пор [5].

Небезупречна была сделка и в отношении образа Израиля как правового государства. Для того, чтобы заключенные были отпущены на свободу, они должны быть амнистированы президентом страны, и такая процедура была в авральном порядке проведена. Таким образом, политическое поле «подмяло под себя» поле правовое, поскольку большинство отпущенных провели в тюрьмах гораздо меньше полагавшегося им срока, и это произошло не в результате тех или иных правовых процедур, а исключительно в результате решения исполнительной власти, т.е. правительства.

Не могла не возникнуть и другая дилемма, связанная с тем, что, если террористы, задержание которых часто происходило с риском для жизни израильских военных, так просто выходят на свободу, не лучше ли будет, если последние будут пытаться убивать как можно больше подозреваемых, не доводя дело до суда? Более того, не лучше ли, если

террорист не был убит при задержании, попытаться убить его как можно скорее в тюрьме? Мертвого его уже нельзя будет освободить, а значит, он не будет представлять опасности для Израиля, но, с другой стороны, такие практики бесконечно проблематичны с этической и правовой точек зрения.

Другим важным последствием событий 1982–1985 годов стал серьезный сдвиг в представлении о том, чего можно и чего нельзя добиться в переговорах с Израилем о захваченных гражданах страны. Если до этого Израиль лишь эпизодически шел на переговоры, а заключенные, если и выходили на свободу, то в таком количестве и на таких условиях, что это не угрожало безопасности Израиля. В результате «сделки Джибриля» руководителям террористических организаций стало понятно, что, если Израиль не может вернуть пленных военными методами или посредством операций спецслужб, он готов идти на переговоры и делать существенные уступки. А значит, гораздо более осмысленным для этих организаций является не совершение громких террористических актов с захватом заложников в самолетах и последующей почти неизбежной операцией спецслужб, а захват израильских граждан в заложники. При этом израильские военные должны иметь минимум возможностей освободить пленных. ООП через некоторое время стала партнером Израиля по мирным переговорам и не успела воспользоваться в полной мере плодами «открытой» ею тактики, однако «эстафету» приняли ХАМАС и «Хизбалла».

Последствием сделки стало также усиление позиций НФОП–ГК в рамках секулярного палестинского сопротивления. Ясир Арафат достиг многого в ходе сделки 1983 года, но, с другой стороны, по результатам Ливанской войны позиции «Фатха» и ООП, в целом, были существенно ослаблены. Ахмед Джибриль, организация которого с 1974 года не являлась частью ООП, достиг значительно большего. Удачные переговоры позволили получить ему психологическое преимущество во внутренней борьбе с палестинскими фракциями, как входившими, так и не входившими в ООП.

«Сделка Джибриля», действительно, стала Рубиконом между временем, когда Израиль воспринимался как страна, которая чаще всего не идет на переговоры с террористами и освобождает своих граждан быстро и «красиво», и временем, когда становится понятно, что у страны есть «ахиллесова пята» – заложники, которых нельзя освободить силовыми методами. В случае, если захваченные израильтяне «хорошо спрятаны», Израиль готов соглашаться с во многом унижительными для себя условиями. Две сделки с террористическими организациями, произошедшие в течение полутора лет, позволили палестинским организациям «протестировать» такой способ взаимодействия с Израилем, осознав, что он может быть для них весьма продуктивным.

В итоге, начатая как война против терроризма, Первая Ливанская, действительно, несколько ослабила одну из палестинских организаций, использовавших террор – «Фатх», лидеры и боевики которой в большинстве своем вынужденно перебазировались из приграничного к Израилю Ливана в отдаленный Тунис. Вместе с тем, именно в связи с исходом сил «Фатха» возник тот вакуум, который и смогла занять возникшая как раз в то время радикальная шиитская организация «Хезболла» – куда более проблематичная для Израиля, чем был «Фатх». Попавшие же в плен в ходе Ливанской войны военнослужащие вынудили Израиль идти на тяжелые, изнурительные и унижительные переговоры с террористическими организациями, превратившие бескомпромиссную войну с террором в противостояние, в котором не может быть победителей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Ben-Meir Y. *Civil–Military Relations in Israel*. New York: Columbia University Press, 1995.
2. Chronology, April 16, 1985–July 15, 1985 // *Middle East Journal*. 1985. – Vol. 39, No. 4. – P. 797–827.
3. Exchange of Prisoners Might Defuse Crisis // *Miami Herald*, 14 July 2006.
4. List of the Newly Elected 81 Members of Fat'h Revolutionary Council // *Al-Jazeera*, 15 August 2009.
5. Melman Y. As the Last Trace Disappeared // *Haaretz*, 17 July 2008.
6. Osman K. The Origins and Birth of the Hizbullah and the Islamic Resistance in Lebanon // *Crescent International*, 1–15 September 2000.
7. Schreiber M., *Shocking Crimes of Postwar Japan*. – Tokyo: Yenbooks, 1996.
8. Shaked H. and Dishon D. (eds.), *Middle East Contemporary Survey*, Vol. 8, 1983–1984. – Tel-Aviv University: The Dayan Centre for Middle-Eastern and African Studies, 1986.
9. Shatz A. In Search of Hezbollah // *The New York Review of Books*, 29 April 2004.
10. Sobelman D. *New Rules of the Game: Israel and Hizbollah after the Withdrawal from Lebanon* // Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies, January 2004.
11. Schiff Z. The Prisoner Exchange // *Journal of Palestine Studies*. 1985. – Vol. 14, No. 4. P. 176–180.
12. Шиф З. и Яари Э. Интифада. Иерусалим, 1990 [на яз. иврит].
13. Yaniv A. *Dilemmas of Security. Politics, Strategy, and the Israeli Experience in Lebanon*. New York: Oxford University Press, 1987.
14. Брасс А. *Между Лениным и Арафатом*. М.: «Олма пресс», 2004.
15. Брасс А. *Палестинские истоки*. М.: «Олма пресс», 2004.
16. Эпштейн А.Д. *ХАМАС в региональной политике*. М.: Институт Ближнего Востока, 2007.

ALEK D. EPSTEIN AND EVGENI VARSHAVER
THE FIRST ISRAELI WAR ON TERROR AND ITS AFTERMATH:
FROM INVASION TO LEBANON TO JIBRIL PRISONER EXCHANGE,
1982–1985

SUMMARY

Israel positions itself as a country sited on the front line of the fight against terrorism. Two decades before the American invasion of Afghanistan and Iraq, depicted as a part of the global war against terrorism, Israel, for the first time in its own history, started a war the initial target of which was not a hostile country, but rather the terrorism and the menaces associated with it. Initially named Operation Peace for the Galilee, it has gone down in the Israeli history as the First Lebanon war. The article shows that despite the Israeli army's rapid success in gaining control over a considerable part of Lebanon territory, which resulted in the PLO gunmen's flight from the country, the terrorism threat did not go down: the PLO was replaced by the "Hezbollah", whereas the war prisoner exchange deal made in the end of this campaign manifested Israel's vulnerability and defenselessness in the face of terrorist organizations.

Keywords: Israel, Lebanon, counter-terrorism, Lebanon war, IDF, PLO, Hezbollah, Popular Front for the Liberation of Palestine – General Command, Jibril prisoner affair, captured Israeli soldiers.

ВЯЧЕСЛАВ ЛИХАЧЕВ

**ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ В ЗЕРКАЛЕ
РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ: ОТ НАЧАЛА ВТОРОЙ ИНТИФАДЫ
ДО ОПЕРАЦИИ «ЛИТОЙ СВИНЕЦ» (2000–2010)**

АННОТАЦИЯ

В статье автор рассматривает отражение в российских печатных СМИ палестино-израильского конфликта в 2000–2010 гг. Особенностью позиции российской прессы по ближневосточному вопросу, по мнению автора, является склонность журналистов и публицистов оценивать палестино-израильское противостояние через призму конфликтов, в которых участвует сама Россия – в Чечне в начале рассматриваемого периода и в Южной Осетии и Грузии – в конце. По мнению автора, освещая ближневосточную ситуацию, издания руководствуются, в первую очередь, своим видением российской ситуации. С помощью СМИ у читателей формируются симпатии или антипатии к сторонам палестино-израильского конфликта с помощью создания ассоциативных связей между Израилем, Газой и Ливаном, с одной стороны, и официальной Москвой, Грозным, Тбилиси или Цхинвали, с другой.

Ключевые слова: Палестино-израильский конфликт, российские СМИ, Вторая Ливанская война, операция «Литой свинец», ХАМАС, Сектор Газа, Чечня, Вторая Чеченская война, Южная Осетия.

Предметом данного обзора является преломление палестино-израильского конфликта в российской прессе. Хронологические рамки исследования лежат между двумя ключевыми медийными событиями в палестино-израильском конфликте за последнее десятилетие: т.н. Второй интифадой («Интифадой аль-Аксы»), начавшейся осенью 2000 г., и операцией Армии обороны Израиля в секторе Газа «Литой свинец» в декабре 2008 г. – январе 2009 г. Для сравнения также привлекался вспомогательный материал периода т.н. Второй ливанской

войны (лето 2006 г.); в ходе изложения станет понятно, почему в рамках интересующего нас круга вопросов были выбраны именно эти события.

В ходе изучения проблемы автор пришел к пониманию того, что бессмысленно рассматривать вопрос об освещении событий на Ближнем Востоке в российских СМИ в отрыве от политико-информационного контекста самой современной Российской Федерации. Позиция тех или иных изданий по палестино-израильскому конфликту обусловлена, как правило, политической ориентацией издания в целом, причем именно его внутривнутриполитической ориентацией. Освещение конфликта на Ближнем Востоке является частью более широкой информационной кампании, ставящей целью произвести воздействие на аудиторию и подтолкнуть ее к определенным выводам касательно внутривнутриполитической ситуации. Получившиеся выводы наглядно показали, насколько отношение к сугубо внешнеполитическому вопросу является следствием внутривнутриполитической ситуации. В случае с арабо-еврейским противостоянием на Ближнем Востоке мы имеем дело не с фактами как таковыми, а с их преломлением, обусловленным сложным внутривнутриполитическим контекстом современной России. Речь идет даже не о борьбе позиций, а о конфликте интерпретаций.

События на Ближнем Востоке в целом, и особенно – в зоне палестино-израильского конфликта, традиционно привлекают самое пристальное внимание российских средств массовой информации. Во времена Советского Союза это внимание было гипертрофированным: до читателей газет доводилась любая информация (далеко не всегда соответствующая действительности) о «зверствах сионистских агрессоров на оккупированных территориях». Конечно, дело было отнюдь не только в сочувствии к «сражающемуся за свою свободу и независимость» народу Палестины (объясняющегося, в свою очередь, внешнеполитической конъюнктурой). Антисионизм последних десятилетий советской власти во многом объяснялся попытками решить исключительно внутривнутриполитические проблемы [15, с. 123–167]. Однако в рамках пропагандистского обеспечения антисионистской кампании до советских граждан доводилась определенным образом окрашенная информация, которая формировала резко-негативный образ Израиля и демонизированных «сионистов» в массовом сознании. Хотя нередко в этой массе информации встречались и откровенно антисемитские выпады, не имеющие никакого отношения к ближневосточным политическим коллизиям, в целом, внимание периодических изданий было приковано именно к арабо-израильскому конфликту. По некоторым подсчетам [3, с. 34], в определенные периоды в конце 1970-х – начале 1980-х гг. материалы, касающиеся Израиля, занимали не меньше половины общего объема внешнеполитических новостей, публиковавшихся в советской прессе. Эмоциональная окраска этих материалов по отношению к Израилю была очевидно негативной.

С конца 1980-х гг. тон российской прессы в отношении Израиля стал меняться. Помимо отказа руководства страны от государственного антисемитизма, сыграли свою роль и другие факторы, в первую очередь – массовая эмиграция евреев в Израиль из СССР и постсоветских стран. Огромное количество новых эмигрантов, в значительной части (если не в подавляющем большинстве) – выходцев из слоев городской интеллигенции, продолжали поддерживать связь со своими родственниками и друзьями, оставшимися в странах исхода. В силу этого журналисты, да и вообще российская интеллигенция, в значительной степени невольно поменяли перспективу при оценке ближневосточного конфликта. Корреспонденты все чаще стали смотреть на проблемы Иерусалима, поселений, контролируемых территорий и т.п. глазами израильтян, а не глазами арабов. А с того момента, как в 1990-х гг. начался конструктивный переговорный процесс между противоборствующими сторонами, возникло ощущение, что обозревателям уже не обязательно занимать чью-то позицию. В прессе стал доминировать миролюбивый тон, журналисты радовались, что заклятые враги забыли старые обиды и наполнились готовностью активно сотрудничать для построения безопасного и добрососедского Нового Ближнего Востока.

Однако уже в конце 1990-х гг., когда стало очевидно, что мирный процесс столкнулся с серьезными проблемами, для журналистов снова постепенно стал актуален вопрос о выборе «своей» стороны конфликта. С началом «Интифады аль-Аксы», как только новости из Израиля/Палестины снова приобрели характер фронтовых сводок, журналистам стало все труднее удержаться от выражения собственных симпатий и антипатий.

Новая ситуация обострила противоречивые тенденции в российских средствах массовой информации, в политической элите и в социуме в целом.

Фундамент для интерпретаций далеких от России событий задает понимание событий, более адекватных для России, и ассоциируемых с внешнеполитическими процессами. Условно можно говорить, что Вторая интифада, начавшаяся в 2000 г., воспринималась в России через призму Второй чеченской войны (начавшейся в 1999 г.); может быть, в несколько меньшей степени, но и для восприятия операции «Литой свинец» в Газе в 2008–2009 гг. у России была подобная же «собственная» призма: конфликт с Грузией в августе 2008 г. Эволюция восприятия израильской ситуации в российской прессе между 2000 и 2009 гг. объясняется, среди прочего, тем, что в системообразующих для российского информационного пространства конфликтах Израиль ассоциировался как со «своей», так и с «противной» стороной.

Здесь и далее в рамках нашей задачи следует четко различать внутривнутриполитическую ситуацию в России в 2000 г. и 2009–2010 гг. Десять лет назад в стране существовала разнообразная оппозиция, которая имела относительно свободный доступ к СМИ и

выражала свои взгляды. К концу второй президентской каденции Владимира Путина в российском медиа-пространстве (за исключениями интернет-изданий и буквально считанных газет) практически не осталось пространства для выражения взглядов, отличных от официозных. Речь не идет о цензуре или подавлении неугодных СМИ: скорее, журналисты, редакторы и владельцы изданий сами пытаются угадать текущую политическую конъюнктуру и ей соответствовать. Никто не оказывает на них целенаправленного давления. Как отмечает питерский политолог Владимир Гельман, «далеко не всем авторитарным режимам присущ репрессивный характер. Многие из них используют другие инструменты обеспечения лояльности подданных – прежде всего, патронаж и распределение ренты, прибегая к подавлению лишь в исключительных случаях, когда возникают прямые угрозы их выживанию» [5]. Однако, как отмечает этот же автор далее, «в условиях, когда в стране ограничена свобода ассоциаций, а свобода избирать и быть избранными предстает откровенной фикцией, то и элементы свободы слова даже в отсутствие явных ограничений превращаются в полусвободу».

В силу сказанного, необходимо осознавать, информационные ситуации 2000 г. и 2009 г. решительным образом отличаются. Отчасти этим объясняется выбор двух ключевых медийных событий, хронологически обрамляющих проанализированный материал – «Интифады аль-Аксы» и операции «Литой свинец».

Есть, конечно, и общие рамочные моменты в общественном контексте, которые меняются медленнее. Логично было бы ожидать, что «прогрессивная» («демократическая», «либеральная») пресса более открыта для новых «постсоветских» тенденций, а «консервативная» (оппозиционная «коммуно-патриотическая» и провластная «державно-охранительская», последняя – с какого-то момента середины 2000-х гг., когда уже «либеральная» идеология стала восприниматься как оппозиционная) печать следует либо советским антиссионистским, либо националистическим и религиозным антисемитским стереотипам. Однако само по себе такое утверждение является сильным упрощением.

Если бы разногласия в походах к ближневосточному конфликту были бы обусловлены только расколом СМИ (и общества) на эти два лагеря, все было бы проще – заранее можно было бы сказать, что коммунистическая и коммуно-патриотическая печать может занимать только проарабскую позицию, а издания, поддерживающие курс постсоветского реформирования страны, или же придерживающиеся либерально-демократических взглядов, будут поддерживать демократический Израиль в его борьбе с фундаменталистскими, погрязшими в коррупции режимами, к тому же – вчерашними союзниками СССР.

Однако существуют другие внутривластные факторы, которые осложняют картину. Десять лет назад таким фактором в первую очередь была Чечня; начиная с 2008 г. добавился другой важный фактор – Южная Осетия. Как и во времена антисионистских кампаний советской власти, необходимость решать внутривластную проблему автоматически влияет на подход к проблеме внешнеполитической.

Рассмотрим сначала отношение к палестино-израильскому конфликту (периода Второй интифады) в свете северокавказского конфликта (периода Второй чеченской кампании).

Для изданий, придерживающихся идеологической «генеральной линии» исполнительной власти, очевидно, что военно-политическая кампания в Чечне – это вынужденная мера по борьбе со страшным врагом, угрожающим безопасности всего населения страны. Угроза населению России от «чеченских» («ваххабитских», «фундаменталистских», «сепаратистских») террористов вполне реальна – после ряда террористических актов, совершенных как на Северном Кавказе, так и в Москве, это было очевидно практически всем. Следует помнить и о том, что власти обвинили чеченских боевиков в совершении взрывов жилых домов в Москве и Волгодонске, и в то время, в отсутствие другой информации, почти никто не поставил это под сомнение. Любая степень жесткости в подавлении сепаратистов казалась большинству граждан оправданной необходимостью обеспечить безопасность мирным жителям страны и покарать преступников за уже совершенные действия. Этот дискурс восходит в первую очередь к знаменитому высказыванию Владимира Путина на пресс-конференции в Астане 24 сентября 1999 г.: «Российские самолеты наносят и будут наносить удары в Чечне исключительно по базам террористов, и это будет продолжаться, где бы террористы ни находились. Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймает, мы и в сортире их замочим, в конце концов. Все, вопрос закрыт окончательно».

Сама собой напрашивается аналогия между поддержкой жесткой линии российской власти и политикой израильских «ястребов» по отношению к палестинцам, тем более, что в обоих случаях есть детальные совпадения в «образе врага»: терроризм, фундаменталистский ислам, этнический сепаратизм (несмотря на специфику, палестинское национальное движение можно было рассматривать и под таким углом), незаконные вооруженные формирования, двуличность и коррупция авторитарного режима в мятежном анклавном и т.д. Характерно, что в ходе израильской своей кампании в 2009 г., ориентированной на русскоязычных израильтян, цитируемую выше фразу В. Путина использовал Эхуд Барак, игравший также на дополнительных ассоциациях с операцией «Изотоп», проходившей под

его руководством в 1972 г., когда руководитель террористов был убит в туалете самолета, захваченного группой израильских спецназовцев.

Поддержка Израиля российскими средствами массовой информации, ориентированными на правительственную политику в Чечне, была обусловлена и необходимостью добиться легитимации действий России, исходя из накопленного международного опыта. После 11 сентября 2001 г. эта линия внешнеполитического выражения поддержки внутренней политики В. Путина в СМИ стала еще более очевидна. По мнению прокремлевских авторов, Россия поддержала США в жесткой политике возмездия террористам, потому что сама давно ведет борьбу с ними, а «в обмен» США и международное сообщество в целом должны закрыть глаза на некоторые «перегибы» в действиях российских сил в Чечне [1]. Собственно, это понимание базируется на заявлении В. Путина, сделанном непосредственно 11 сентября 2001 г.: «То, что произошло сегодня, лишний раз подчеркивает актуальность предложения России объединить усилия международного сообщества в борьбе с террором, этой чумой XXI века. Россия не понаслышке знает, что такое террор. И поэтому мы лучше всего понимаем чувства американского народа и, обращаясь от имени России к народу Соединенных Штатов, хочу сказать, что мы с Вами, мы целиком и полностью разделяем и чувствуем Вашу боль» [4].

В западной прессе так излагали российскую логику «после 11 сентября»: «Россия требует от Запада прекратить критиковать кровавую военную кампанию в Чечне под тем предлогом, что эта война – еще один фронт в общей борьбе против терроризма. [...] «Приоритетом России в течение ряда лет была война против террористов, – говорит Евгений Кожохин, директор государственного Института стратегических исследований. – Теперь США столкнулись с тем же, с чем мы уже имели дело прежде, возможно, это поможет им понять нас лучше. Американцы должны отказаться от своих двойных стандартов» [1].

Аналогичным образом, по мнению многих российских журналистов, внешнеполитические ведомства США и России, которые пытаются играть посредническую роль в ближневосточном конфликте, должны были развязать Израилю руки в его борьбе против терроризма. Если до 11 сентября только Россия могла понять боль израильтян от терактов и их желание положить конец этому злу, то теперь США и весь мир должны присоединиться к России в поддержке Израиля. Израильские «ястребы» (например, Авигдор Либерман), в свою очередь, в беседах с российскими журналистами не забывают подчеркивать, что Израиль долгое время был единственной страной, полностью и безоговорочно поддерживавшей жесткие силовые методы подавления чеченского терроризма, и поэтому Россия тоже должна поддерживать Израиль на международной арене.

Вышеописанной парадигме (поддержка политики Кремля в Чечне, и как следствие – произраильская внешнеполитическая ориентация) в период Второй чеченской кампании (начало которой слегка предшествовала Второй интифаде) соответствовали ежедневные газеты «Известия», «Время новостей», «Россия», «Российская газета» (правительственный официоз), отчасти «Коммерсантъ» и даже ранее резко критиковавший первую чеченскую войну «Московский комсомолец».

Для изданий либерального лагеря, находившихся в оппозиции к Кремлю, или, по крайней мере, не вполне идентифицировавших себя с поддержкой правительственной политики в Чечне, были свойственны два варианта оценки палестино-израильского конфликта.

Согласно первому варианту трактовки, российское государство ведет себя в Чечне принципиально неправильно, нарушает права человека, безграмотно и не считаясь с жертвами ведет войну и т.д. Однако политика Израиля на оккупированных территориях – это совсем другое дело. Израиль выглядит лучше и порядочнее во всех смыслах: он обороняется и обеспечивает собственную безопасность (или даже выживание), а не завоевывает и бессмысленно удерживает территории, как Российская империя – Советский Союз – Российская Федерация. Евреи имеют право на Иерусалим и Иудею в силу тысячелетней истории, в то время как Россия не имеет никаких исторических прав на Северный Кавказ. Армия обороны Израиля грамотно и эффективно ликвидирует экстремистских лидеров и инфраструктуру террора, а не организовывает кровавые, но безрезультатные ковровые бомбардировки местности. В отличие от россиян, израильтяне крайне аккуратно относятся к правам человека, к проблемам мирного населения и т.п. Вообще же, утверждалось, что Израиль является достойным подражания примером и образцом, которым можно было бы воспользоваться в силу внешнего сходства ситуации, если бы не порочность российской политической элиты. Такой в 2000–2002 гг. была позиция, например, еженедельников «Московские новости» и «Русская мысль», и некоторых ежедневных газет, например, «Новых известий». Отчасти сходных взглядов придерживалась одно время (в короткий период ярко выраженной оппозиционности Кремлю) «Независимая газета», однако особенностью «НГ» является принципиальная готовность предоставлять печатные площади для полярных точек зрения, поэтому на страницах газеты всегда возможны были и резкие антиизраильские и пропалестинские материалы (например, пера М.Шевченко [20, 21, 22]), а освещение событий с мест зависело только от личной позиции обозревателя. Примерно та же ситуация была (и в значительной степени и остается) у «Комсомольской правды» – там просто отсутствует четкая линия относительно освещения арабо-израильского конфликта, и эмоциональный оттенок зависит от стороны относительно линии фронта, с которой вещает

корреспондент. В таких случаях перевес, как правило, был в израильскую сторону, по той простой причине, что российским изданиям куда проще найти местного корреспондента из числа недавно уехавших в Израиль (и, как правило, ранее уже знакомых) бывших соотечественников, чем среди арабов.

Согласно другой версии освещения палестино-израильского конфликта в либеральной печати, и Израиль на оккупированных территориях, и Россия в Чечне ведут фактически неприкрытую агрессию, в ходе которой совершают военные преступления, нарушают права человека и т.п. Чеченцы же, равно как и палестинцы, правы, ибо восставший против захватчиков народ всегда прав; даже если методы восставших дики и бесчеловечны, террор – это все, что оставила им монструозная, отчужденная военная машина чужого государства, отнявшего у населения оккупированных территорий элементарные гражданские права и возможность протестовать ненасильственно. Такова позиция представителей левых правозащитных кругов, из заметных печатных органов она высказывается на страницах «Новой газеты» (таковы были материалы, например, известного публициста Б. Кагарлицкого [8]). Антисионистская и антиизраильская аргументация в основном отталкивается от обвинений в нарушении прав человека, критике неокOLONиализма и т.п. Характерно, кстати, что этот в целом вполне распространенный в западных странах правозащитный леволиберальный дискурс в России и в начале 2000-х гг. был довольно маргинальным, а к 2008–2010 гг. вообще был практически вытеснен из публичной медиа-сферы.

На первый взгляд, к сходной аргументации (скорее, на уровне поверхностной риторики) прибегали и национал-коммунистические издания, но в силу совершенно другой логики. Практически все газеты этого лагеря – «Правда», «Советская Россия», «Молния», «Дуэль», «Время» – занимали резко антиизраильскую позицию. Конечно, для некоторых изданий любая «еврейская» тема является только поводом для высказывания антисемитских чувств, однако речь сейчас не о них. Во многом антисионизм коммунистических изданий просто унаследован от позднесоветской эпохи, однако, есть и другое объяснение. Согласно позиции авторов этих газет, сионисты – это оккупанты, которые безжалостно эксплуатируют подчиненный народ. В ближневосточной ситуации можно узнать отечественную (известный прием политической журналистики – перенесение знакомой проблемы во внешнеполитическую область, дабы с помощью наиболее выпуклого или даже утрированного примера донести до читателя мысль относительно судеб своей страны): точно так же нынешний российский «режим» угнетает народ или даже проводит политику геноцида. Эта политика, в частности, наиболее отчетливо видна на примере Чечни, где, согласно публицистам этого лагеря, безответственными подонками во власти была преступно развязана «коммерческая» война. После этого можно добавить, что во главе

отечественного режима тоже стоят «сионисты», и тем самым окончательно придать проблеме мифологизированный вид, но можно этого и не делать: и без подобной конкретизации суть сказанного должна была довольно отчетливо дойти до читателя. Разумеется, в национал-коммунистической печати живы и советские антиссионистские стереотипы, и часто эксплуатируется «параллель» между «сионистской оккупацией Палестины» и фашистской оккупацией советских территорий [18].

Но описанная модель – не единственный возможный вариант интерпретации ближневосточного конфликта в патриотической прессе. Помимо это, встречались еще два варианта.

Второй вариант является следствием утрирования позиции официальных СМИ. Такие радикальные националистические издания, как, например, «Правое сопротивление» (ранее газета носила более красноречивое название – «Штурмовик»), или антисемитская газета «Я – Русский», восторженно описывали «лязг гусениц танков в оккупированных городах», отказываясь солидаризоваться с «грязными дикарями, швыряющимися камнями в носителей имперских ценностей» [6, 12]. Как и для официальных изданий, для следующих этой модели националистов, Израиль, как и Россия, противостоит в борьбе с деструктивными террористическими силами. Но в случае радикальных националистов эта модель утрируется: Израиль и Россия – форпосты западного мира перед лицом армий Гога и Магога, в некотором смысле, они находятся на линии фронта расовой войны. Кроме того, и Россия, и Израиль – последние колониальные империи, и они должны держаться этой модели, несмотря на то, что в современном мире она уже не принята. Сходная идея содержится в солидной газете «Евразийское обозрение», выступающей с традиционалистских мировоззренческих позиций: Россия и Израиль – части традиционной цивилизации, и они не должны сдаваться перед лицом всемирной энтропии и поддаваться давлению т.н. «прогрессивного мирового сообщества». Характерно, что из аналогичных постулатов леворадикальные и некоторые либеральные наблюдатели делают обратный вывод: невозможно противостоять объективному ходу истории [7]: с середины XX века эпоха империализма закончилась, восставшие народы рано или поздно изгоняли армии оккупантов: ушли англичане из Индии, французы из Алжира, американцы из Вьетнама, Россия должна уйти с Кавказа, а Израиль – с палестинских земель.

Согласно третьему, последнему варианту преломления палестино-израильского конфликта через призму отечественной политической ситуации в национал-патриотической прессе, Россия в Чечне поступает хорошо и правильно, а евреи на оккупированных территориях – совсем даже что и нет (самый яркий пример – газета «Завтра», а также «Русский вестник» и многие менее известные национал-патриотические издания). Эта

модель является в каком-то смысле инверсией двойного стандарта некоторых радикальных либералов: националисты никогда не простят другим то, что считают вполне естественным для своего государства, а либералы склонны скорее оправдывать чужие преступления, чем солидаризоваться с преступлениями своего народа. Националисты пытаются доказать читателям, что для России Северный Кавказ – исконная территория, что миссия Российской империи и Советского Союза в этом регионе была в высшей степени благотворна для местных народов, те же в силу природной дикости и низких моральных качеств при каждом удобном случае отвечали коварной неблагодарностью. Напротив, израильтяне ведут себя по отношению к своим соседям с оголтелой жестокостью и шовинизмом – впрочем, как вели себя всегда, – не устают напоминать русские антисемиты. Более того, евреи не просто ведут себя на оккупированных территориях хуже, чем русская армия на Северном Кавказе; евреи вообще не имеют никакого морального права претендовать ни на Иерусалим, ни на Святую землю хотя бы потому, что арабы для Палестины – коренное население, а современные евреи отнюдь не являются потомками рассеянных в диаспоре древних израильтян, а, скорее, потомками принявших иудаизм различных народов (согласно наиболее распространенной версии этой идеи, конечно, хазар¹).

И, наконец, последняя модель восприятия палестино-израильского конфликта принадлежит российским мусульманам. Хотя система собственно исламских средств массовой информации в России развита слабо (некоторые издания есть, но они маргинальны, сколько-нибудь заметна только газета «Современная мысль»), представители мусульманской общины имеют возможность донести свою позицию через многие средства массовой информации. Например, в различных изданиях – от «Завтра» до «Независимой газеты» – с разной степенью регулярности выходят тематические полосы, целиком посвященные исламу (в «Завтра» такая полоса поэтически обозначена как «Огненный ислам»). Резкий антисионизм, переходящий в антисемитизм, свойственен практически всем российским мусульманским деятелям – от радикала Гейдара Джемалея до умеренного во всех вопросах, кроме израильского, депутата Государственной Думы Абдул-Вахеда Ниязова (урожденный Вадим Валерьянович Медведев). Последний был избран в Думу в 1999 г. по общефедеральному списку кандидатов от прокремлевского блока Межрегиональное движение «Единство», но был исключен из одноименной фракции за «провокационные» высказывания в поддержку «мирового исламского экстремизма и терроризма», сделанные

¹ Русские националистические и антисемитские издания часто публикуют статьи современного израильского левого публициста, антисиониста и христианина Исраэля Шамира, который утверждает, что Израиль не имеет права существовать как еврейское государство, потомками древних евреев являются именно палестинские арабы, а ашкеназы являются потомками представителей восточноевропейских народов, принявших иудаизм [19].

как раз по поводу палестино-израильского конфликта во время Второй интифады. Очевидно, что взгляды А.-В. Ниязова на ближневосточный конфликт стали основанием для его исключения из правящей фракции только потому, что были восприняты в контексте внутривосточной российской ситуации.

Причиной для мусульманского антисемитизма даже в большей степени, нежели собственно религиозные догматические противоречия, является чувство панисламской солидарности. Солидарность и ощущение религиозной общности для ислама свойственны, пожалуй, куда больше, чем для других мировых религий: в идеале, вне зависимости от этнической и государственной принадлежности, все мусульмане ощущают свою принадлежность к единой *умме* (общине). В мусульманских радикальных изданиях как нечто само собой разумеющееся утверждалось, что мировой сионизм, захватив власть в христианском мире, ведет борьбу против единственной на мировой арене еще не покорившейся силе – мусульманской *уммы*. Чечня – один из фронтов этой тотальной мировой войны сионизма с исламом. Чеченские радикалы участвуют в том же конфликте, что и палестинские или ливанские. Исход войны зависит от борьбы на всех фронтах. Понятно, что эта пропаганда в стиле именовавшего себя министром информации Ичкерии Мовлади Удугова была предназначена в первую очередь для привлечения средств со стороны различных радикальных исламских фондов, однако она весьма удачно способствовала консолидации самих чеченцев. Вторжение исламистов в Дагестан летом 1999 года было провозглашено его инициаторами продолжением борьбы не с русскими, а с «мировым сионизмом», а конечной целью начавшейся войны – «освобождение Иерусалима» [11, с. 236–257]. Причем если в утрированном виде подобные пассажи естественны только для радикалов, то в относительно умеренном они повсеместно присутствуют в мусульманском информационном пространстве.

Если попытаться обобщить материал периода Второй интифады, то можно сделать простой вывод: позиция издания или автора при освещении палестино-израильского конфликта во многом зависела от позиции по северокавказскому вопросу. Можно также отметить, что выражение откровенной симпатии одной из сторон, как правило, объясняется нелюбовью к другой стороне, в частности – из-за ее ассоциаций с определенной стороной в российско-чеченском противостоянии.

Очевидно, что не только журналисты, но и широкая аудитория испытывала по отношению к ближневосточной ситуации схожие чувства. Из данных наиболее подробных социологических опросов периода начала Второй интифады очевидно, что как «проарабская», так и «произраильская» позиция большинства из определившихся в своих симпатиях респондентов объясняется, как правило, не собственно положительными

чувствами к той или иной стороне конфликта, а антипатиями к «оппонентам». Одни поддерживают арабов не потому, что считают законными их притязания на создание собственного государства, а потому, что не любят евреев, и/или испытывают негативные эмоции от «колониальной» политики Израиля, экстраполируя на нее известные реалии российской ситуации. Другие (и таких десять лет назад было больше – сегодня ситуация изменилась) заявляли о своей поддержке израильтян исключительно в силу тезиса, в упрощенном виде звучащего как «палестинцы – это такие ближневосточные чеченцы». Эта мысль напрямую была заимствована из проправительственных СМИ, в те годы все настойчиво проводивших аналогию «палестинские (террористы) – чеченские (террористы)» и утверждавших, что «Израиль борется с тем же врагом, что и Россия, – международным исламским экстремизмом».

Когда в 2000–2001 гг. западные страны захлестнула волна «нового антисемитизма», Россия оказалась вне этого контекста. Отсутствием массовых антисемитских настроений в связи с обострениями конфликта на Ближнем Востоке Россия, парадоксальным образом, обязана, в частности, антиисламскими и антикавказскими фобиями населения, являющимся во многом следствием пропагандистского обеспечения второй чеченской кампании. Как это ни печально, среднестатистический россиянин (и только ли россиянин?) готов крепить дружбу между народами только против какого-нибудь другого народа [10].

Однако уже к 2006 г. ситуация стала меняться – в первую очередь потому, что другой стала российская внутривнутриполитическая ситуация – и в стране в целом, и на Северном Кавказе, в частности. Как и в 2000–2001 гг., публицисты, находящиеся в рамках либерально-правозащитного дискурса, поддерживали Израиль, утверждая, что израильская и российская ситуация коренным образом различаются. Валерия Новодворская, одна из самых яростных и последовательных критиков действий российской власти в Чечне, писала во время Второй Ливанской войны: «Осуждать Израиль просто гадко. [...] Порядочным людям, имеющим военную подготовку, пора создавать интернациональные бригады и ехать защищать Израиль, потому что сегодня Израиль сражается не только за себя. Он сражается за европейские ценности, за светское государство, за Запад, против мракобесия и религиозного фанатизма. [...] И не надо сравнивать Ливан с Чечней – это совершенно разные вещи» [16]. Однако критика такого подхода, пожалуй, была слышна более отчетливо (отчасти потому, что к этому моменту подавляющее большинство СМИ занимало позицию, полностью лояльную к российскому руководству). Так, Леонид Радзиховский писал: «Кто «жалел чеченцев» – тем, как правило, почему-то не до жалости в отношении «мирных ливанцев». Кто сходит с ума от жалости к «детям Ливана», как-то куда спокойнее относился к событиям в Чечне». Отмечая ту же особенность, которую мы констатировали на основе данных

социологических исследований («на 5% «жалости», как правило, приходится 95% ненависти, и именно она – первична. В одном случае – ненависть к «режиму», к российской «преступной армии», в другом случае – ненависть к «сионизму»), автор призывает последовательно поддержать и российскую операцию в Чечне, и израильскую в Ливане [17]. Однако надо сказать, что такая позиция становится к 2006 г. все более маргинальной. Этому есть объяснение как с формальной точки зрения (все-таки в 2006 г. Израиль воевал на чужой территории), так и с точки зрения изменения глобального внешнеполитического контекста – возобновляя свое влияние на Ближнем Востоке, Россия налаживала связи, существовавшие с советских времен, что означало и определенные идеологические акценты [13].

Объемы статьи не позволяют проанализировать отражение Второй Ливанской кампании и операции «Литой свинец» в российских СМИ так же подробно, как это было сделано с прессой периода Второй интифады. Пожалуй, можно ограничиться цитатой из статьи известного российского политолога Сергея Маркедонова: «Ближневосточный конфликт и этнополитическая ситуация на российском Кавказе нередко становятся предметом компаративистских упражнений российских публицистов, общественных деятелей, правозащитников и ученых. В своих оценках ближневосточно-кавказских параллелей удивительным образом сходятся представители российской власти и правозащитники. И те, и другие, хотя и по совершенно разным причинам, не видят ничего общего между нынешней борьбой Израиля с «Хизбаллой» и военными действиями России в Чечне. [...] Российский истеблишмент, выражаясь словами Владимира Путина, предпочитает «отделять мух от котлет», то есть, в переводе на нормальный язык, сегодняшнее российское руководство считает, что ближневосточные исламские радикалы – это одно, а северокавказские террористы – другое. Одних надо «мочить в сортире», а с другими вести переговоры» [14].

К концу 2008 г. ситуация изменилась еще более существенным образом. Российско-грузинский конфликт в августе 2008 г. сплотил ранее разрозненные силы на внутривосточной арене: действия российского правительства в значительной степени поддерживали даже публицисты, находящиеся в оппозиционном лагере, не говоря уже о тотально доминирующем на тот момент в СМИ провластном консенсусе; Израиль же воспринимался в этой ситуации как военный и политический союзник Грузии. В дальнейшем, когда де-факто обладающий властью в секторе Газы ХАМАС признал независимость Южной Осетии и Абхазии, симпатии официальной России, никогда не соглашавшейся с причислением этой организации к террористам, стали еще более отчетливыми. Разумеется, этот дискурс стал доминировать и в лояльных к Кремлю СМИ – а на этот момент таковыми были практически все заметные издания. Маргинальный

оппозиционный либеральный дискурс (о котором можно судить, например, по приведенной выше цитате из В.И. Новодворской), был вытеснен в Интернет.

К моменту начала операции «Литой свинец» ассоциации времен Второй интифады и, соответственно, Второй чеченской кампании, ослабли. Израиль к этому времени ассоциировался уже не с Россией и ее действиями в Чечне, а с Грузией и ее действиями в Цхинвали. Разумеется, в широкой печати это означало скорее негативную оценку действиям Израиля. Альтернативное видение – ярко сформулированное, например, Юлией Латыниной в серии статей в «Ежедневном журнале», по сути, зеркальным образом расставив акценты, приняло общую методологию восприятия войны в Газе через призму войны на Кавказе. В качестве примера можно привести статью Ю. Латыниной, в которой она называет режим югоосетинский режим и власть ХАМАСа в Газе «режимами стационарного терроризма», проводя массу параллелей: «В таких режимах у граждан нет работы – и это отлично. У них должна быть единственная работа – стрелять из «кассамов» по евреям или сидеть в окопах и стрелять из автоматов по грузинам. У граждан нет денег, и это хорошо. Единственными деньгами должны быть деньги от такого вида деятельности, которую контролирует режим. Например, доставка оружия и наркотиков [...] Основа такого режима – стрельба по соседям, которых сами стационарные террористы неизменно именуют «агрессорами» или «оккупантами». Если сосед не сопротивляется, стрельба растет. Если сосед дает отпор – это еще лучше! Каждую жертву назовут мирным жителем. Это счастье для стационарного терроризма, когда убивают его граждан» [9].

На основе приведенного материала, наверное, можно сделать вывод, что в рамках сложившегося в России общественно-политического контекста палестино-израильский конфликт переосмысливается как отражение конфликтов, в которых участвует Россия – в Чечне (а также Дагестане и в целом на Северном Кавказе) в 1990-х гг. и в начале 2000-х гг. и на территории Южной Осетии и Грузии в 2008 г. При этом, если не обращать внимания на различные вариации, а обобщить доминирующий в СМИ дискурс, можно сказать, что за десять с небольшим лет произошла заметная эволюция. Но важнее всего, наверное, не то, с какой именно стороной в ближневосточном конфликте ассоциирует себя Россия, а то, что российские СМИ и их читатели оказываются в плену идеологических схем, в которых задействованы эмоции, имеющие не внешне-, а внутривнутриполитические коннотации, и которые мешают, в конечном итоге, честному, объективному и беспристрастному взгляду на палестино-израильские отношения. Ближневосточный конфликт становится только поводом для высказывания позиции для «внутреннего пользования». Другая немаловажная особенность – это то, что для публицистов поддержка той или иной стороны в палестино-израильском противостоянии формируется «от противного», из-за враждебного отношения к

одной из сторон, причем отношения, сформированного в силу ассоциации этой стороны с «врагом», реально находящимся за тысячи километров от Израиля – будь то в Москве, Грозном, Тбилиси или Цхинвали. Пожалуй, эти особенности в освещении палестино-израильского вопроса в российских СМИ отчетливо демонстрируют серьезные проблемы современного российского общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Россия поддерживает операцию против террористов. Москва предлагает поддержку возглавляемой США коалиции, но просит Запад меньше критиковать ее действия в Чечне// Christian Science Monitor, 27 сентября 2001г. (www.inosmi.ru/translation/141666.html).
2. Союз России и США уже состоялся. Эксперты «НГ» считают, что должен быть создан единый антитеррористический фронт // Независимая газета, 22 сентября 2001.
3. Авербух С. Насытились мы презрением – Киев: Главная специализированная редакция литературы на языках национальных меньшинств, 2000.
4. Бочков С., Журавель П. В.В.Путин и проблемы борьбы с терроризмом // Право и безопасность. – 2003. №1–2 (6–7). (www.dpr.ru/pravo/pravo_5_14.htm).
5. Гельман В. Ловушка полусвободы // Интернет-издание «Слон», 3 марта 2010 (<http://slon.ru/blogs/gelman/post/310531/>).
6. Елисеев А. Империализм и «дикари» // Правое сопротивление, № 6, октябрь 2001.
7. Кагарлицкий Б. Партизанщина// Новая газета, 11 сентября 2000 г.
8. Кагарлицкий Б. Как Россия – на Израиль // Новая газета, 26 октября 2000 г.
9. Латынина Ю. Стационарный терроризм // Ежедневный журнал, 15 января 2009 г., (<http://www.ej.ru/?a=note&id=8742>).
10. Лихачев В. Против кого дружить будем? // Лига наций, 24 ноября 2000 г.
11. Лихачев В. Российские мусульмане и антисемитизм: религиозные стереотипы и политическая идеология – Тирош. Труды по иудаике. Вып. VI. М.: 2003. С. 236–257.
12. Логачев Г. Почему я за Израиль? // Правое сопротивление, №4, август 2001.
13. Лузянин С. Восточная политика Путина Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). – М.: АСТ – «Восток–Запад», 2007.
14. Маркедонов С. От Кавказа до Ливана: Право и сущность двух конфликтов. – Полит.ру, 14 августа 2006 г. (http://www.polit.ru/analytics/2006/08/14/kavkaz_palestina.html).
15. Митрохин Н. Русская партия: движение русских националистов в СССР 1953–1985 – М.: Новое литературное обозрение, 2003.
16. Новодворская В. Поддержать Израиль! // Аргументы и факты, 7 августа 2006 г.
17. Радзиховский Л. Война. Совершенно разные вещи // Деловая газета «Взгляд», 9 августа 2006 г. (<http://vz.ru/columns/2006/8/9/44612.html>).

18. Ткаченко А. Дружба ради мира // Русский вестник, 16 мая 2003 г.
19. Шамир И. Хозяева дискурса. Американско-израильский терроризм. Сборник статей – Москва: Гилея, 2003.
20. Шевченко М. Дети, камни, солдаты // Независимая газета, 24 октября 2000 г.
21. Шевченко М. Интифада будет продолжаться до конца израильской оккупации // Независимая газета, 25 октября 2000 г.
22. Шевченко М. Танки у Вифлеема // Независимая газета, 26 октября 2000 г.

VYACHESLAV LIKHACHEV

THE ISRAELI–PALESTINIAN CONFLICT IN THE MIRROR OF THE RUSSIAN PRESS (2000–2010): FROM THE SECOND INTIFADA TO THE «CAST LEAD» OPERATION

SUMMARY

The article deals with the reflections of the Israeli–Palestinian conflict in the Russian printed mass-media in 2000–2010. According to the author, the Russian journalists and publicists have been perceiving the Israeli – Palestinian confrontation through the prism of the Russian conflicts in Chechnya in the early 2000s and in South Ossetia and Georgia at present. It is, first of all, the vision of the internal Russian state of affairs that the Russian publicists are guided by while writing on the Middle Eastern conflict. Newspapers shape the Russian public opinion of the sides involved in the Israeli – Palestinian confrontation through the creation of associative links between Israel, Gaza and Lebanon on the one hand, and official Moscow, Grozny, Tbilisi or Tskhinvali – on the another.

Keywords: Israeli-Palestinian conflict, Russian mass-media, Second Lebanon war, «Cast Lead» Operation, HAMAS, Gaza Strip, Chechen Republic, Second Chechen war, South Ossetia.

КАРАИМЫ И КРЫМЧАКИ В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЕ

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу современного состояния двух любопытных групп, проживающих на территории государства Израиль – караимов и крымчаков. Статья написана на основании архивных данных, опубликованных источников, а также как результат многолетних полевых исследований и контактов с израильскими караимами и крымчаками.

Ключевые слова: Израиль, караимы, крымчаки

Караимы

По мнению известнейшего исследователя Цви Анкори, ранний период истории караимов следует понимать и изучать как «продукт еврейского опыта в эпоху средневекового ислама» [17, р.3]. Местом возникновения караимства следует считать мусульманский Ближний Восток, а временем – период с VIII по X века н.э. В это время на Ближнем Востоке существовал ряд разрозненных еврейских групп (тифлисцы, юдганиты, исфаханиты, маликиты и пр.) идеологически объединенных, пожалуй, лишь одной чертой – неприятием Талмуда как источника религиозного знания.

Первым уже собственно «караимским» ученым в полном смысле этого слова можно считать теолога Биньямина (Вениамина) бен Моше Нагавенди (IX век). Именно в его работах впервые появляются термин *бнэй / баалей микра* («сыны / последователи Писания») которым он и другие ранние караимские авторы называли евреев, не признавших учения Талмуда. Остальных евреев же они называли *бнэй / баалей мишна* (ивр. «сыны / последователи Мишны»). Еще позднее появляется и термин *караимы*, под которым в IX–X веках объединяются различные анти-талмудические движения (исавиты, юдганиты, исфаханиты, тифлисцы, а также последователи Анан бен Давида). Происходя от древнееврейского корня *к-р-а*, слово *караим* является однокоренным с понятием *микра* (Св. Писание) и глаголом *ликро* – «читать». Таким образом термин «караим»² стоит переводить скорее как

² «Караим» – это множественная форма от ед. «карай». В русском языке к ивр. *караим* (уже множественному числу!) добавляется русское множественное окончание *-ы* («караимы»), т.е. фактически двойное русско-ивритское множественное окончание. Аналогичным образом, путем

«люди Писания / почитающие Писание» или даже как «библеисты». Окончательную интеграцию сторонников Анана и ранних караимов в единое течение, получившее название «караимизм» следует датировать, по-видимому, первой половиной XI века [18, р.24-25; 27, р.24].

На территории эрец Исраэль караимы появляются еще во время караимского автора Даниэля бен Моше аль-Кумиси (IX в.). Кумиси заявил, что долгом каждого еврея является *алия* (т.е. возвращение; досл. «восхождение») в эрец Исраэль. Переехав в Израиль, аль-Кумиси основал там движение *Авелей Цион* (ивр. «скорбящие по Сиону»), сторонники которого призывали всех евреев в изгнании начать переселяться в святую землю Палестины [25]. Караимский *ишув* в Иерусалиме существовал вплоть до создания государства Израиль в 1948 г., хотя к тому моменту число караимов на территории Иерусалима составляло всего несколько человек.

Незначительная группа караимов из Луцка подала прошение о разрешении на эмиграцию в Израиль еще в 1934 г. Тем не менее, насколько нам известна, дальнейшего продолжения это просьба не получила [23, р.3]. По некоторым сообщениям, около 37 караимских семей из Польши эмигрировали в Израиль в 1950 г. [16]. В 50-е и 60-е годы XX в. в Израиль начинают съезжаться многочисленные караимские эмигранты, прежде всего из Египта и Ирака [22, р.243–252; 20, р.6; 31, р.431–450; 21, р.451–469; 15]. Уже значительно позднее, после распада Советского Союза в Израиль приезжает небольшая (по разным оценкам, ок. 300–500 человек) группа крымских, российских и украинских караимов. Надо отметить, что русскоязычные караимские эмигранты преимущественно держатся в стороне от арабо- и ивритоязычных караимских переселенцев из Египта и Ирака и крайне редко вступают с ними в контакты и посещают их синагоги. В данном контексте особенно любопытно, что главой караимской общины г. Ашдода стал выходец из Крыма, Авраам (Алексей) Кефели, автор нескольких статей и книг, посвященных различным аспектам истории, фольклора и музыки караимов³. В напечатанной в Израиле на русском языке брошюре А. Кефели призывал русскоязычных караимов вернуться к традиционному пониманию караимской религии и призывал их к изучению иврита и пониманию Библии [5, с.28]. Усилиями Кефели в Ашдоде создан центр «Тиферет Исраэль», посвященный исследованию караимского иудаизма, который также печатает многочисленные книги по истории и религии караимов.

На настоящий момент в Израиле проживает ок. 25–30 тысяч караимов, более 90% из них являются эмигрантами и потомками выходцев из Египта и Ирака. Первые переселенцы из

прибавления русского множественного окончания к ивритскому, были образованы такие русские слова как, скажем, *херувимы* или *серафимы*.

³ Автор выражает глубокую благодарность А. Кефели и его семье за гостеприимность во время его поездок в г. Ашдод летом 2009 г.

этих стран говорили на арабском, иврит знала только лишь интеллектуальная элита. На настоящий момент на арабском говорят преимущественно пожилые караимы, молодежь практически полностью перешла на иврит. Караимские общины сосредоточены в основном на юге страны: в Офакиме, Бат Яме, Беэр-Шеве, Ашкелоне, Ашдоде, Рамле и Иерусалиме. Самой крупной является община города Ашдода (ок. 6–7 тыс. человек), а самой малочисленной – иерусалимская, где проживает всего несколько семейств [20, p.9]. У караимов также есть два сельскохозяйственных *йишува* – Мацлиях и Раннен на юге страны. При каждой общине есть своя синагога; особенно интересна средневековая караимская синагога в Иерусалиме, строительство которой сами караимы приписывают основателю их движения, Анан бен Давиду. Глава отдельной караимской общины носит звание *рава* или *газзана* (*хаззана*), в то время как всеми караимскими общинами Израиля управляет Израильское отделение Всемирного Караимского иудаизма (*a'ya'adut a'karaim a'olamit*) во главе с главным раввином Элияу Марзуком. В Рамле и Ашдоде находится караимский издательский центр, публикующий караимскую литературу, преимущественно религиозного характера, в основном произведения классических караимских авторов прошлого.

С момента своего приезда в Израиль в 50-е и 60-е гг. XX в. караимские *олим* испытывали значительные проблемы с признанием их еврейского статуса израильской администрацией [26, p.3; 8]. Сейчас бóльшая часть этих проблем уже разрешена. У израильских караимов есть официально признанные государством религиозные суды (*батэй дин*), разбирающие те или иные внутриобщинные проблемы. Несмотря на то, что официально смешанные караимско-раббанитские браки разрешены государством, на деле, практически каждый брак подобного рода заключается с большим трудом, в зависимости от позиции того или иного рава, к которому обращаются за разрешением на заключение брака [29, p.2].

В караимской общине современного Израиля наблюдается еще одна любопытная тенденция: община увеличивается не только за счет естественного демографического прироста, но и вследствие обращения евреев-раввинистов и др. в иудаизм караимского образца. Дело в том, что сравнительно недавно главы общины изменили свое отношение относительно этой проблемы – и разрешили принятие прозелитов в лоно караимства [34]. Особенной известностью пользуется фигура Н. Гордона, основавшего в Израиле ряд караимских организаций, частично состоящих из прозелитов [33].

Крымчаки

Этнографы называют крымчаками этнос, сформировавшийся из нескольких групп еврейского происхождения, оседавших на крымской земле в средние века, раннее новое время и в 19 в. Термин «крымчаки» возник в XIX в. для обозначения тюркоязычных евреев-

рабанитов Крыма, отличных как от караимов, так и от европейских евреев (ашкеназов), появившихся на полуострове после 1783 г. Краткое определение этого понятия принадлежит крымчакскому просветителю И.С. Кая (1887–1956) [9, с.30; 1, с.32–37]: «Крымчаки – это особая группа евреев, которая издавна живет на Крымском полуострове и в значительной мере приняла татарскую культуру» [3, с.100]⁴. По нашим оценкам, в различных странах мира (Украина, в т.ч. АР Крым; Россия; Израиль и США) проживают примерно 1200–1500 крымчаков [7, с.56-82].

История крымчакской общины в Эрец-Исраэль восходит к концу XIX в. и связана с деятельностью Хаима Хизкиягу Медини (1832–1904), крымчакского раввина в Карасубазаре (1866–1899). Уроженец Иерусалима, приглашенный в Крым из Османской империи, Х.Х. Медини известен как видный еврейский мыслитель, автор 12-томного энциклопедического собрания «Седе Хемед». В 1899 г. Х.Х. Медини уехал в Хеврон, и некоторые крымчаки последовали за ним на Святую землю [19, р.1216–1217]. Следующая волна переселения относится к 1921–1922 гг., когда многие крымчаки, спасаясь от послереволюционной разрухи и голода, эмигрировали в Палестину. По сообщению Д. Шапира, слово «крымчак» в иврите 30–50-х гг. прошлого века было синонимом понятия «крепкий мужик, занимающийся физическим трудом». У крымчакской общины Тель-Авива по улице Шадал, 25 была своя синагога, функционировавшая по сефардскому ритуалу вплоть до 1981 г. Многие из довоенных крымчакских эмигрантов уже чрезвычайно мало знают и помнят о своем происхождении.

В 1990-е гг. угасавшая крымчакская община Израиля пополнилась выходцами из бывшего СССР. На настоящий момент в Израиле, по непроверенным данным, 600–700 человек. В основном, это были выходцы из Крыма, Санкт-Петербурга и Новороссийска – семейства Гурджи, Дондо, Хондо, Чулак, Песах и др. [19, р.1216–1217]. Активист израильского общества «Кърымчахлар» (т.е. «Крымчаки») М. Чулак попытался создать общину крымских репатриантов и устраивал поминальные дни (*тъкун*). К сожалению, сегодня в крымчакской общине Израиля в сущности нет общинно-религиозной жизни. Большинство членов общины предпочитают слиться с израильским окружением и забыть о

⁴ Термин «крымчаки-евреи» зафиксирован в литературе во второй половине 50-х гг. XIX века. В документах XVIII–XIX вв. крымчаки называют себя по-татарски «срель балалары» или на иврите «бене Йисраэль», т.е. «сыны Израиля». В относящихся к более раннему периоду источниках на иврите или татарском крымчаки называются «егудим», «ягудилер» или «чуфутлар» (все это переводится как «евреи», с том лишь разницей, что последний термин имел пренебрежительный оттенок). Нет сомнений, что понятие «крымчаки-евреи» (редуцировавшееся позднее до русского «крымчаки» и татарского «крымчахлар») является калькой крымско-татарского «яхудилер кырымча» (т. е. «евреи крымского толка»). Видимо, так татарские чиновники могли представить российской администрации тюркоязычных евреев-рабанитов Крыма. Во второй половине 19 в. термин «крымчаки» становится основным для обозначения этой этнической общности. Подробнее об истории крымчаков см.: [10, с.603–612; 12, с.53–69; 11, с.75–93; 32, р.378–444; 7, с.270–283; 24; 4; 28, р.65–92].

своим крымчакским происхождением. Одна из причин подобного поведения в том, что новые репатрианты не обладали глубоким знанием крымчакских религиозно-этнических традиций. Особенно способствуют ассимиляции смешанные браки. В Израиле проживает выходец из Симферополя Михаил Гурджи, ныне единственный профессиональный историк-крымчак, автор статей об истории своей общины [2, с.18–19; 1, с.32–37]. Из других представителей общины следует выделить также американского эмигранта Израиля Рубина (Рабено), в прошлом главу «Первого Землячества крымских евреев в Америке» (*The First Brotherhood of Crimean Jews of America*). На настоящий момент И. Рубин проживает в Беит-Шемеше, также занимаясь исследованиями истории крымчаков⁵.

Единственным этно-религиозным крымчакским праздником, соблюдаемым сегодня крымчаками как в Крыму, так и в Израиле является т.н. *тъкун*⁶, день памяти крымчаков, расстрелянных в 1941–1942 гг. Этот поминальный обряд впервые был отмечен в Симферополе в 1945 г. Автору данной статьи удалось посетить крымчакский *тъкун*, состоявшийся 12 декабря 2008 г. в Натании (Израиль). На *тъкун* собралось ок. 50-60 человек, в основном представители семейств Ашкенази, Гурджи, Галач, Варшавские, Хондо, Дондо, Измирли, Карагоз. Присутствовали как чистокровные крымчакские семьи, так и смешанного происхождения. Интересно, что некоторые из крымчакских семей, проживающих в самой Натании, были репатриантами не из Крыма, но из г. Сухуми.

В заключение хочется сказать о будущем крымчакской и караимской общин в Израиле. Если говорить о караимах, то с демографической стороны общине ничего не угрожает. Ассимиляционные процессы в общине идут, пожалуй, в обе стороны: с одной стороны, некоторые караимы покидают общину и вступают в смешанные браки, с другой – многие не-караимы обращаются в караимский иудаизм и присоединяются к тем или иным караимским общинам или организациям Израиля.

С крымчакской общиной, учитывая ее малочисленность, все обстоит значительно сложнее. Большинство опрошенных нами крымчакских респондентов, как в Крыму, так и в Израиле, как правило, печально разводили руками, говоря: «Через двадцать лет от нас

⁵ Эта часть статьи основана на моей переписке с И. Рубиным в 2004–2008 гг. и присланных им материалах, среди которых следует выделить незавершенный вариант статьи «The First Brotherhood of Crimean Jews of America» (4 стр. + копии протоколов деятельности землячества в 1946/7 гг.); «Who Were the Krimchaks? A Vanishing Remnant of Rabbinic Jews» (популярная монография о крымчаках; готовится к печати); «Chanukah Came Early...» (воспоминания о поездке И. Рубина в Израиль и случайной встрече в Бейт-Шемеше с крымчакскими родственниками, которых он считал потерянными; статью можно найти на сайте www.turkolog.narod.ru); см. также: [13, с.71–73].

⁶ Слово *тъкун* происходит от ивр. *тиккун* (*исправление, установление порядка* – каббалистический термин, часто используемый в названиях специальных молитв) и является, по мнению М. Занда, сокращением от *тиккун йом а-зиккарон* (установление порядка дня памяти) или *тиккун а-нешама* (установление порядка [молитвы] о душе), аналог поминального дня *йорцайт* у ашкеназов [32, р.399–400].

останутся одни воспоминания». Я не хочу быть пессимистом. Начиная с 20 столетия, в литературе говорится о вымирании караимов, а, тем не менее, община вовсе не собирается прекращать свое существование ни в Европе, ни в Израиле и США. К тому же у нас перед глазами пример самаритянской общины, возродившейся фактически из праха: 150 человек в 1901 г. и 654 – в 2004 [14, с.81–83]. Дальнейшее существование крымчакской общины во многом зависит от самих крымчаков: если они сумеют заинтересовать своей историей и традицией крымчакскую молодежь России, Крыма и Израиля — кто знает, быть может, мы станем свидетелями этнокультурного ренессанса этой интереснейшей этнической группы.

Следует также отметить крайне любопытную самоидентификацию израильских караимов. Среди эмигрантов из бывшего СССР присутствуют как сторонники теории о тюркском происхождении восточно-европейских караимов, так и поддерживающие теорию об их еврейском происхождении. Караимы-выходцы из арабских стран, тем не менее, считали и считают себя евреями, исповедующими иудаизм караимского (т.е. неталмудического образца). Среди последних в последнее время также появилась тенденция отождествлять себя с потомками сектантов-кумранитов и, таким образом, отодвигать история раскола еврейского народа на два лагеря (караимов и раввинистов) в эпоху Второго Храма.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Гурджи М.Я. Гражданин, ученый, человек // Кърымчахлар. – Вып. 2–3. – Симферополь, 2007.
2. Гурджи М.Я. Источники по этнической истории крымчаков // Къасевет. – 1991. – № 1/21.
3. Кая И.С. По поводу одной крымчакской рукописи // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – 1927. – №1 (58).
4. Керен И. Йаадут Крым ми'кадмута ве'ад а'шоа [Еврейство Крыма от появления до Холокоста]. – Иерусалим, 1981.
5. Кефели А. Караимы (Разъяснительная брошюра по истории караимов Крыма и основам караимской религии). – Ашдод, 2002.
6. Кизилев М. Крымчаки // От киммерийцев до крымчаков. – изд. 2. – Симферополь, 2004.
7. Кизилев М.Б. Крымчаки: современное состояние общины // Евроазиатский еврейский ежегодник (2007/2008). – М., 2008.
8. Коринальди М. А'маамад а'иши шель а'караим [Личный статус караима]. – Иерусалим, 1984.
9. Коробач Н. Выдающийся просветитель И.С. Кая // Кърымчахлар – Вып. 1. – Симферополь, 2005.
10. Крымчаки // Краткая еврейская энциклопедия. – Том 4. – Иерусалим, 1988. С. 603–612.
11. Куповецкий М.С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. – М.: Наука, 1983.

12. Куповецкий М.С. К этнической истории крымчаков // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР. – М., 1989.
13. Рубин И. Первое братство крымских евреев Америки // Кърымчахлар. – Вып. 2–3. – Симферополь, 2007.
14. Снопов Ю.А. Самаритяне: история и современная этносоциальная ситуация // Этнографическое обозрение. – 2004. – №3.
15. Newman A.N. The Karaite Jews in Israel. – M.A. Thesis, University of South Africa, 1996.
16. American Hebrew. – 160:14 (28.06.1950).
17. Ankori Z. Karaites in Byzantium: The Formative Years, 970–1100. – New York–Jerusalem, 1959.
18. Ben-Shammai H. Between Ananites and Karaites // Studies in Muslim-Jewish Relations.– 1993. – Vol. 1.
19. Ben-Yaakob A. Medini, Hayyim Hezekiah ben Raphael Elijah (1832–1904) // Encyclopedia Judaica. – 11. – Jerusalem, 1971.
20. Ben-Zvie I. Karaites Come to Israel // Palestine Post. – March 3, 1950.
21. Colligan S. E. Living Liminality: Karaite Jews Negotiate Identity and Community in Israel and the United States // Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources / Edited by Meira Polliack. – Leiden: Brill, 2003.
22. Goldschmidt E., Fried K., Steinberg A.G., Cohen T. The Karaite Community of Iraq in Israel: A Genetic Study // The American Journal of Human Genetics. – 1976. – №28.
23. Karaites Ask to Settle in Palestine // Palestine Post – January 24, 1934.
24. Khazanov A. The Krymchaks: a Vanishing Group in the Soviet Union. – Jerusalem, 1989.
25. Nemoy L. Karaite Anthology: Excerpts from the Early Literature. New Haven: Yale University Press, 1952.
26. Rubinstein A. Karaites Demand Full Recognition // Jerusalem Post. – 22 September 1978.
27. Schur N. The History of the Karaites. – Wien, 1992.
28. Shapira D. Some Notes on the History of the Crimean Jewry from the Ancient Times Until the End of the 19th Century, With Emphasis on the Qrimçaq Jews in the First Half of the 19th Century // Jews and Slavs. 2007. – Vol. 19.
29. Shapiro H. Karaites Seek Legal Recognition of their Courts // Jerusalem Post. – November 24, 1992.
30. The Karaite Presence in Old Jerusalem, Past, Present and Future // KJA Bulletin. – September 1984.
31. Trevisan-Semi E. From Egypt to Israel: The Birth of a Karaite 'Edah in Israel // Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources / Edited by Meira Polliack. – Leiden: Brill, 2003.
32. Zand M. Notes on the Culture of the Non-Ashkenazi Jewish Communities Under Soviet Rule // Jewish Culture and Identity in the Soviet Union, ed. by Y. Ro'i and A. Beker. –New York University Press, 1991.
33. www.karaite-korner.org
34. www.orahsaddiqim.org/current_articles/conversion_marzouq.shtml

MIKHAIL KIZILOV
KARAITES AND KRYMCHAKS IN CONTEMPORARY ISRAEL

SUMMARY

This article is devoted to the analysis of a current state of two curious groups living in territory of Israel – Karaites and Krymchaks. Article is written on the basis of the contemporary records, the published sources, and also as result of long-term field research and contacts with Israeli Karaites and Krymchaks.

Keywords: Israel, Karaites, Krymchaks

ЗАХАР ГЕЛЬМАН

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ИЗРАИЛЯ ХАИМ ВЕЙЦМАН – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И УЧЕНЫЙ

АННОТАЦИЯ

Первый президент Израиля Хаим Вейцман был не только выдающимся политиком, но и крупным ученым. Его научные интересы были связаны с химией. Многоплановой деятельности Хаима Вейцмана как государственного деятеля и ученого-химика и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: сионизм, Израиль, химия, наука

Среди выдающихся политических деятелей химиков по профессии совсем немного. А для перечисления химиков, занимавших высшие государственные посты, хватит пальцев одной руки. Академик Ю.А. Золотов в очень интересной статье «Химики, проявившие себя в иных областях», опубликованной в журнале «Химия и жизнь» в 2001 году, в разделе «Политика» указывает на баронессу Маргарет Тэтчер, окончившую в свое время химический факультет Самервилл-колледжа Оксфордского университета, и занимавшую в 1979–1990 гг. пост премьер-министра Великобритании, и на химика-органика Елену Чаушеску (1919–1989), жену президента Социалистической Республики Румынии Николае Чаушеску, в последние годы жизни занявшую пост вице-президента страны [4, с.58–63]. Ю.Золотов не упомянул Хаима Вейцмана (1874–1952), первого президента Государства Израиль и крупного химика-органика, в годы предшествовавшие Второй мировой войне дважды номинировавшегося на Нобелевскую премию по химии.

Действительно, о жизни Хаима Вейцмана, уроженце России, до недавнего времени мало что было известно на его родине. Цензура Страны Советов купировала все сведения об Израиле, если они не укладывались в каноны советской пропаганды. А фигура Хаима Вейцмана этим канонам как раз противоречила.

Хаим Вейцман родился 27 ноября 1874 г. в местечке Мотоль (Мотоле), недалеко от Пинска. Он был третьим из пятнадцати детей Ошера (Озера) Вейцмана (1850–1911) и Рахели-Леи Чмеринский (1852–1939). Трое их родившихся детей умерли в детстве, из выживших двенадцати девять получили высшее образование, что было по тем временам редчайшим случаем, учитывая существовавшую тогда строгую «процентную норму» для евреев, стремившихся получить среднее и высшее образование⁷.

До одиннадцати лет Хаим учился в хедере – начальной еврейской школе, где изучал Тору и иврит. В 1885 году его послали продолжать образование в реальное училище в Пинске. В училище Хаим проявил себя блестящим учеником, особенно в области предметов естественно-научного цикла. Именно в Пинске он решил стать химиком.

Еще в Мотеле Хаим мечтал присоединиться к организации «Ховевей Цион» («Любящие Сион»), одной из первых еврейских сионистских организаций. В Пинске он сумел осуществить свою мечту и стал посещать собрания этой организации. Кроме Хаима, из остальных братьев и сестер только Файвл выбрал путь сионизма. Спектр политических симпатий остальных оказался довольно пестрым: социализм всех мастей, анархизм, разных оттенков ассимиляторство и т.д. Много позже Х. Вейцман с мягкой иронией рассказывал, что его матушка по поводу политической разношерстости своих детей рассуждала примерно так: «Как не повернется, а мне будет хорошо. Если прав Шмуэль (сын-революционер), нам будет хорошо в России, а если прав окажется Хаим (это я), мы уедем в Палестину» [2, с.11]. В своих воспоминаниях Х. Вейцман не брался судить, кто оказался прав, а кто не прав, он только отметил тот факт, что последние годы его мать счастливо прожила в Палестине вместе с большей частью своей семьи. Именно она основала в Хайфе в 1920-е гг. первый на территории тогдашней Палестины дом для престарелых.

1 апреля 1925 г. она присутствовала на торжественной церемонии открытия Еврейского университета на горе Скопус (Хар ха'Цофим) в Иерусалиме. Церемонией руководил ее сын Хаим, внесший огромный вклад в создание этого университета. В первый Совет директоров Еврейского университета входили такие видные ученые как Мартин Бубер, Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн.

Одна из сестер Х. Вейцмана осталась в Советской России. О ней есть сведения в воспоминаниях Эстер Маркиш – жены выдающегося советского еврейского поэта Переца Маркиша, расстрелянного вместе с другими деятелями еврейской культуры 12 августа 1952 г. Однажды в очереди к окошечку справочной Лефортовской тюрьмы, куда ее привели

⁷ Согласно «Высочайшему повелению» в ограничении приема евреев в высшие учебные заведения существовали следующие нормы: «три процента для столичных учебных заведений, пять для находящихся в прочих местностях Империи вне черты оседлости и десять процентов в районе сей черты» [11; 7, с.21]

поиски мужа сразу после его ареста, Э. Маркиш встретила пожилую женщину... Далее предоставим слово самой Э. Маркиш: «Выяснилось, что женщина эта – ее звали Маша – родная сестра президента Государства Израиль Хаима Вейцмана. МГБ, как видно, посчитало неловким сажать в тюрьму сестру президента суверенного государства, но мужа Маши забрали. А муж ее был сугубо русский человек – то ли Ваня, то ли Вася. Сидел он, выходит дело, лишь за то, что приходился свояком президенту еврейского государства. Этот парадоксальный факт, однако, не сделал его антисемитом: после смерти Сталина Маша вместе с освобожденным из тюрьмы мужем уехала в Израиль» [10, с.39]. Отношение Х. Вейцмана к социалистическим идеям можно определить как достаточно прохладное, хотя к ярким противникам социализма, его, конечно же, отнести нельзя. Тем не менее, многих видных социалистов он не жаловал. Например, Х. Вейцман писал: «Мое неприятие Ленина и Плеханова и высокомерного Троцкого было вызвано тем презрением, с каким они смотрели на любого еврея, которого волновала судьба его народа и воодушевляла еврейская история и традиция» [2, с.44].

А вот князь Г.Е. Львов и А.Ф. Керенский, возглавлявшие правительство России между Февральской и Октябрьской революциями, к сионизму относились вполне лояльно. Бывший член Временного правительства России и бывший председатель учредительного собрания В.М.Чернов, прибывший в Палестину 31 декабря 1934 года с лекционным турне по приглашению партии МАПАЙ (*Мифлегет поалей Эрец-Исраэль* – Рабочей партии Израиля) видел «в борьбе евреев за возвращение на прародину... и возможность утвердить здесь свой национальный очаг» – ключ к «утверждению социалистических ценностей над буржуазными», альтернативу «большевистскому извращению светлой и гуманной марксистской идеи» [13, с.19].

Из политических партий тогдашней России сионистам «сочувствовали» кадеты и эсеры. Видный эсер Пинхас Рутенберг в сентябре 1914 года встретился с Вейцманом в Лондоне и предложил ему создать военные части из евреев-выходцев из России, которые сражались бы на стороне Антанты. Со своей стороны, страны Антанты должны были бы активизировать помощь сионистским организациям в создании Еврейской республики на территории Эрец-Исраэль (Палестины). Однако реалии войны и сложное внутреннее положение в России заставили задвинуть этот план в долги ящик, а потом и вовсе забыть его.

Во время Первой мировой войны завязалась дружба Вейцмана с Леоном Блюмом (1872–1950), возглавившим французских социалистов после убийства Жана Жореса (1859–1914). Л. Блюм вошел в историю и как первый премьер-министр Франции еврейского происхождения. Он возглавлял правительство Французской республики в 1936–1937 гг. и один месяц в 1938 году. Интересно, что один из лидеров французских сионистов, уроженец

Варшавы, Марк (Мордехай) Ярблном (1887–1972) также отмечает несомненный интерес Л. Блюма к сионизму. По словам М. Ярблнома, Х. Вейцман «сразу понял, какую ценность может представлять политический деятель уровня Леона Блюма для дела сионизма» [1, с.631].

На первый взгляд может показаться странным, что Х. Вейцман не особенно жаловал и Теодора Герцля, основоположника современного сионизма. По-началу Х. Вейцман и его друзья с восторгом встретили книгу Т. Герцля «Еврейское государство», ознаменовавшую поворот в новейшей истории еврейского народа. Однако Х. Вейцману была совершенно чужда «практика» Т. Герцля, который гонялся за различными высокопоставленными особами только с одной целью – чтобы еврейское государство «дадено» было сверху, так сказать, «власть предержажими». Когда Великобритания неожиданно предложила сионистскому движению создать еврейское государство на территории Уганды, то Т. Герцль готов был такое предложение принять, а Х. Вейцман и его сторонники ответили категорическим отказом. Х. Вейцман видел в сионизме широкое народное движение, мировоззрение, а не сиюминутное решение еврейского вопроса [14, с.5]. Он подчеркивал: «Тех, кто думает, что можно найти короткий, удобный путь в Эрец-Исраэль, ожидает разочарование. В Эрец-Исраэль ведет только один путь – трудный» [2, с.15].

Небезынтересно отметить, что сионистские идеи были более или менее популярны в среде среднего класса, в какой-то степени у бедноты, а вот почти все еврейские магнаты были яркими антисионистами. Уже в 1901 г. 27-летний Х. Вейцман основал Демократическую фракцию в Сионистской организации, а в знаменательном 1917 г. он избирается президентом Английской сионистской организации. С 1920 г. Х. Вейцман – председатель Всемирной сионистской организации.

Хаим Вейцман был сторонником так называемого «мягкого сионизма». В этом отношении он резко отличался от другого лидера сионистского движения, также выходца из России Владимира (Зеэва) Жаботинского (1880–1940), к слову говоря, друга известного писателя и переводчика Корнея Чуковского. Так, Х. Вейцман важнейшим фактором сионистского движения считал союз с Великобританией, а З. Жаботинский видел в англичанах колонизаторов и создавал боевые отряды для борьбы с ними.

Неудивительно, что Зеэв Жаботинский, поначалу соратник Х. Вейцмана, вскоре стал его серьезным противником [5, с.146–206].

Как известно, сторонники З. Жаботинского в итоге победили. Даже в 1946 г. Х. Вейцман готов был идти на уступки и компромиссы вплоть до отказа от немедленного создания еврейского государства. Оказавшись в меньшинстве, Х. Вейцман даже отказался участвовать в XXII Сионистском конгрессе, который состоялся в Базеле в 1946 г. Каково же

было удивление Х. Вейцмана, когда, отдыхая в одном из нью-йоркских отелей, он получает телеграмму с предложением возглавить государство Израиль. Вначале он был избран председателем Временного совета государства, а 16 февраля 1949 г. Х. Вейцман стал первым президентом Израиля.

Но вернемся к Хаиму Вейцману как химику. Хаим Вейцман нередко подчеркивал особое место химии в его жизни. Химию он любил, не только как область научной деятельности. Х. Вейцман был уверен, что занятия химией развили его аналитические способности и позволили с успехом проявить себя на политическом поприще.

В 1892 г. восемнадцатилетний Х. Вейцман блестяще выдержал выпускные экзамены в реальном училище в Пинске, где проучился семь лет, и решил продолжить образование в Германии. Фактически отъезд в Германию был вынужденным шагом, ибо «процентная норма», существовавшая в России для евреев, делала получение образования для еврейского юноши весьма проблематичным.

В Германии поначалу Х. Вейцман учился в Высшей технической школе Дармштадта. Окончив два семестра, он решил изучать биохимию и перешел в Высшую техническую школу в Берлине, где преподавал знаменитый немецкий химик-органик Людвиг Гаттерман (1860–1920). Л. Гаттерман за свою жизнь воспитал замечательную плеяду химиков-органиков, среди которых был и русский химик, будущий академик Академии наук СССР П.П. Шорыгин (1881–1939) [3, с.6–7]. Однако на становление Х. Вейцмана как ученого значительное влияние оказал не знаменитый Л. Гаттерман, а его ученик Августин Быстрицкий (1862–1936). Благодаря А. Быстрицкому предметом исследований Х. Вейцмана стали полициклические ароматические соединения. Одновременно А. Быстрицкий привил Х. Вейцману интерес к производству красящих веществ.

Когда А. Быстрицкий получил место работы во Фрейбургском университете (Германия), туда же перевелся и студент Х. Вейцман. В 1899 г. там же, во Фрейбурге, Х. Вейцман защищает сразу две, правда, небольшие диссертации на степень доктора философии [20]. После защиты он переезжает в Швейцарию и становится преподавателем, приват-доцентом и ассистентом известного немецкого химика и историка химии Карла Гребе (1841–1920) в Женевском университете.

Там же, в Швейцарии, Вейцман знакомится с Верой Хацман (1882–1966), уроженкой Ростова-на-Дону, которая изучала медицину в Женевском университете. Вскоре молодые люди играют свадьбу, и оба переезжают в Великобританию, где Вера продолжила учебу на медицинском факультете Манчестерского университета.

С 1904 г. Х. Вейцман работает в научно-исследовательском химическом отделе Манчестерского университета. Его непосредственным руководителем оказывается Уильям

Генри Перкин-младший (1869–1929), основные работы которого тоже связаны с химией циклических соединений. В 1910 г. семья Вейцман получила британское гражданство, а в 1913 году Хаим Вейцман стал доцентом Манчестерского университета.

Еще в 1911 г. Х.Вейцман разработал процесс получения *n*-бутилового спирта одновременно с ацетоном при сбраживании углеводов. Этот процесс Х. Вейцман осуществил с помощью бактерий *Clostridium acetobutylicum*, которые после работ Х. Вейцмана стали называться *Clostridium acetobutylicum* Weizmann. Эта реакция, открытая Х. Вейцманом, особое значение имела в Англии, где ацетон использовался в качестве компонента бездымного пороха «кордит». Позже большее значение приобрел не ацетон, а другой продукт этой реакции *n*-бутиловый спирт, который стали использовать для производства быстросохнущих автомобильных лаков [12, с.330].

Будущий премьер-министр Великобритании У. Черчилль считал, что благодаря этому открытию Х. Вейцмана, его страна смогла выстоять в войне с Германией в Первую мировую и Вторую мировую войны. У. Черчилль был убежден, что за работы с использованием ацетона Вейцман достоин Нобелевской премии.

Важное значение для промышленности имело получение Х. Вейцманом изопрена видоизменением реакции русского химика Фаворского (1860–1945) [12, с.227]. Немало Х. Вейцман занимался и проблемой промышленного синтеза органических соединений из сельскохозяйственных продуктов или нефти. Большое значение имело открытие Х. Вейцманом ряда механизмов реакций, в которых участвовали различные нефтяные фракции [15, р.2840–2844]. Немалый вклад внес Х. Вейцман в химию красящих веществ, изучение фотохимии аминокислот, белков и кетонов [16, р.274–278].

Х. Вейцман дружил со многими крупнейшими учеными XX в. Мало кто знает, что сионистское движение поддерживал Альберт Эйнштейн [18, р.177]. Поддержкой А. Эйнштейна Х. Вейцман заручился во время своего первого приезда в США в 1921 г. Более того, А. Эйнштейн присоединился к поездке Х. Вейцмана по Америке, целью которой было сбор средств на создание еврейского университета в Палестине [9, с.261].

Надо сказать, что А.Эйнштейн проявлял активный интерес к сионистскому движению и не отделял себя от судьбы еврейского народа [17].

Однако сам А. Эйнштейн в Палестину не поехал, объясняя свой поступок тем, что на него не произвела благоприятного впечатления администрация Иерусалимского университета. О своих отношениях с Х. Вейцманом А. Эйнштейн выразился так: «Как сказал бы Фрейд, мои отношения с Вейцманом были неоднозначными» [8, с.94–95]. Тем не менее, после смерти Х. Вейцмана правительство Израиля предложило пост президента страны

именно А. Эйнштейну. Однако, А. Эйнштейн, зная, о своей неизлечимой болезни, от этого предложения отказался.

Не сумел убедить Х. Вейцман переехать в Палестину и многих других выдающихся эмигрантов-евреев. Например, ставшего впоследствии президентом Американского физического общества Юджина Вигнера, математика Германа Вейля, физиков Джеймса Франка и Георга Плачека, дирижера Артуро Тосканини.

Непростые отношения сложились у Х. Вейцмана с выдающимся немецким химиком Фрицем Габером (1868–1934), который вошел в историю науки, прежде всего, как один из создателей промышленного способа синтеза аммиака. Именно «за синтез аммиака из составляющих его элементов» Ф. Габеру была присуждена Нобелевская премия по химии 1918 года. Печальную известность получили работы Ф. Габера в области химии отравляющих веществ. Во время Первой мировой войны Ф. Габер возглавлял Химический департамент Военного министерства Германии. Неудивительно, что вручение ему Нобелевской премии вызвало резкую критику со стороны ученых стран Антанты, которые рассматривали Ф. Габера, как военного преступника, участвовавшего в создании химического оружия [19].

Будучи евреем по рождению, Ф. Габер, тем не менее почти всю жизнь ощущал себя ура-немецким патриотом. Он принял христианство, склонял к этому членов своей семьи. По словам Х. Вейцмана, Ф. Габер почти «до конца жизни не питал никакого уважения к своему еврейству... делал все возможное, чтобы отговорить Эйнштейна от участия в наших еврейских делах» [19, p.169, 172, 177, 210]. Однако, когда в Германии восторжествовал оголтелый шовинизм и расизм, то Ф. Габеру не помог и его немецкий патриотизм. В 1933 г. его заставили уйти с поста директора Института физической химии и электрохимии, а вскоре и покинуть страну. Сначала Ф. Габер вместе с группой своих молодых сотрудников переехал в Англию, где сделал попытку продолжить свои научные изыскания в небольшой лаборатории, любезно предоставленной Э. Резерфордом. Однако глубокая депрессия, вызванная эмиграцией, совершенно лишила его возможности сосредоточиться на работе. Именно в этот момент Ф. Габер активно стал искать встречи с Х. Вейцманом [18, p.169, 177–178]. По понятным причинам Х. Вейцман этой встречи не жаждал. И все-таки встреча состоялась. Помог случай. Сын Ф. Габера, тоже химик, поступил на работу к шурину Х. Вейцмана Иосифу Блюменфельду, владельцу крупной химической фабрики в Париже. Однажды во время очередного визита в Лондон И. Блюменфельд привез к Х. Вейцману обоих Габеров. Несомненно, Ф. Габер сильно изменился, если сам попросил Х. Вейцмана содействовать ему в переезде в Палестину. Вероятно, такая просьба со стороны недавнего яркого немецкого ура-патриота удивила и Х. Вейцмана. Содействие Х. Вейцман обещал

оказать, но состояние Ф. Габера было настолько удручающим, что, прежде всего, ему был рекомендован отдых в Швейцарии. После отдыха он намеревался отправиться в «страну обетованную». Однако добраться туда ему уже не довелось – 29 января 1934 г. Ф. Габер скончался в Базеле.

Дружеские отношения связывали Х. Вейцмана и с другим выдающимся немецким химиком – Рихардом Вильштеттером (1872–1942), внесшим важный вклад в исследование различных природных соединений. Ему была присуждена Нобелевская премия по химии 1915 г. «за исследования окрашивающих веществ растительного происхождения, главным образом хлорофилла».

Х. Вейцман рассказывает о Р. Вильштеттере, как об очень доброжелательном человеке и образцовом ученом [18, p.169, 172, 177, 210]. «Несмотря на свою блестящую репутацию и звание Нобелевского лауреата, – пишет Х. Вейцман, – Вильштеттер был скромным, нетребовательным и застенчивым человеком, он часто напоминал мне всеми уважаемого еврейского ребя прежних времен» [2, с.344].

С Р. Вильштеттером случилась примерно та же история, что и с его другом Ф. Габером, только на несколько лет раньше. Уже в 1935 г. он был вынужден покинуть Мюнхенский университет и проводить свои исследования в домашней лаборатории. Однако членом Совета университета он числился вплоть до 1938 г. Именно в том году произошло событие, после которого он больше никогда не появлялся в университете, несмотря на многочисленные просьбы коллег, не попавшихся на удочку нацистской пропаганды. Х. Вейцман рассказывает об этом случае так: «В 1938 г. на заседании Совета университета разгорелся спор из-за назначения одного минералога. Совету был предложен кандидат, некто Гольдшмидт, но едва прозвучало его имя, как по залу пробежал шепоток и кто-то произнес: «Еще один еврей!» Не говоря ни слова, Р. Вильштеттер встал, собрал свои бумаги и покинул зал» [2, с.344].

Несмотря на все свои злоключения, Р. Вильштеттер оставался в Германии вплоть до начала Второй мировой войны. Он не откликнулся на призыв Х. Вейцмана переехать в Палестину, а нашел прибежище в Швейцарии, где и умер 3 августа 1942 г.

Теперь осталось ответить на такой непростой вопрос: что представляет собой сионизм, несомненным приверженцем которого был Хаим Вейцман? Не собираясь распространяться по этому поводу, приведу, тем не менее, в качестве ответа несколько строк из писем Франца Кафки, крупнейшего писателя XX века, адресованных Милене. Наблюдая прокатившиеся 16–19 ноября 1920 г. в Праге волны антисемитских демонстраций, он писал: «Все послеобеденные часы провожу теперь на улицах и купаюсь в волнах юдофобства... как тут не понять того, кто уезжает из страны, где его так ненавидят (для этого вовсе нет нужды

ни в каком сионизме или в чувстве народной общности). Геройство, выражающееся в том, что человек все-таки остается, – это геройство тараканов, которых тоже никакими силами не вытравишь из ванной» [6, с.557].

В России сионистские идеи стали распространяться особенно активно с середины 80-х гг. прошлого века. Почему именно тогда? Потому что в 1881 г. по стране прокатились чудовищные еврейские погромы. Именно в это же время резко возросла эмиграция из России. Эмигранты тех лет направлялись в основном за океан, но и в Палестину прибывало немало. Таким образом, оказались обезлюженными тысячи деревень, сел и местечек на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, западных и южных районах России. Неудивительно, что в 1885 г. Х. Вейцман, начавший учебу в реальном училище в Пинске, впервые заявил о своей вере в сионизм. Он верил, что именно сионизм даст спасение «...нашим отверженным и угнетенным братьям» [14, с.1].

Вейцман, в частности, писал: «Доколе мы будем уповать на милость царей Европы, доколе будем ждать, чтобы они сжалились над нами и предоставили нам место, где мы сможем отдохнуть душой? Наша единственная цель – Сион» [14, с.2]. К слову говоря, копия этого письма хранится в Архиве Вейцмана в израильском городе Реховоте, в Институте науки, к созданию которого будущий президент Израиля приложил немало сил. Датой создания Института науки считается 1934 год. Через пятнадцать лет Институт был преобразован в главный научно-исследовательский институт страны, выполняющий по сути функции Израильской академии наук. Как дань уважения Хаиму Вейцману Институт назван его именем (Институт Вейцмана).

Хаим Вейцман умер в Реховоте 9 ноября 1952 г. Согласно его желанию он был похоронен в саду своего реховотского дома. После него остались жена Вера и старший сын Биньямин. Младший сын, Михаил, погиб при выполнении боевого задания во время Второй мировой войны. Интересно заметить, что племянник Хаима Вейцмана Эзер Вейцман (1924–2005), военный летчик по профессии, в 1993–2000 гг. также занимал пост президента Израиля.

Память о Хаиме Вейцмане хранят не только в Израиле. Например, в немецком университете Фрейбурга мемориальная доска гласит: «Здесь учился доктор Хаим Вейцман, первый президент государства Израиль».

Не пора ли вспомнить Х. Вейцмана и на его родине?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Барнави Э., Фридендер С. Евреи и XX век. Аналитический словарь / Пер. с французского; под общей редакцией Т.А.Баскаковой. Москва, «Текст» – «Лехам», 2004.
2. Вейцман Х. В поисках пути / Пер. с англ. Р.Нудельман. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1983. – Т. I.
3. Гельман З.Е. Академик П.П. Шорыгин. – М.: Знание, 1985.
4. Золотов Ю.А. Химики, проявившие себя в иных областях // Химия и жизнь. – 2001. – №9.
5. Калир Э. Некудат ха'шевер. – Иерусалаим: Кармель, 2002 (на иврите) [Калир Э. Точка разрыва. – Иерусалим: Кармель, 2002].
6. Кафка Ф. Письма Милене. Пер. А. Карельского // Кафка Ф. Замок. Роман. Новеллы и притчи. Письмо отцу. Письма Милене / Пер. с нем. – М.: Издательство политической литературы, 1991.
7. Кельнер В.Е. Евреи, которые жили в России // Евреи в России. XIX век. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.
8. Кмо Эйнштейн амар. Ор Йехуда: Ход арци, 1999, с. 94–95 (на иврите) [Так говорил Эйнштейн. Ор Йехуда: Ход арци, 1999].
9. Кузнецов Б.Г. Эйнштейн. – М.: Наука, 1967.
10. Маркиш Э. Из воспоминаний // Горизонт. – 1991. – №6.
11. Свод законов Российской империи. – СПб., 1913. – Т. 9: Свод законов о состояниях. – Кн. 1. – Раздел 5: О состоянии инородцев. – Глава 2. – Пункт 787. – Примечание 2.
12. Физер Л., Физер М. Органическая химия. Углубленный курс / Пер. с англ.; под ред. Н.С.Вульфсона. – М.: Химия, 1966.
13. Хазан В. Виктор Чернов в Палестине // Окна. Приложение к газете «Вести». – Тель-Авив, 2004. – 9 сентября.
14. Хаим Вейцман (1874–1952) / Из истории государства Израиль. 40 лет. – Иерусалим: Лексикон, 1988.
15. Bergmann E.D. Obituary notice: Chaim Weizmann, 1874–1952 // Journal of the Chemical Society. – 1953. – August.
16. Chaim Weizman // Dict. of Science Biography. – N.Y.: Ch. Scribner's sons, 1976.
17. Einshtein A. About Zionizm / Trans. from German L. Simon. – N.Y.: Macmillan, 1931.
18. Litvinoff B. Weizman. Last of the Patriarchs. – London: Hodder and Stoughton, 1976.
19. Stolzenberg D. Fritz Haber: Chemist, Nobel Laureate, German, Jew: a Biography / Translated from German. – Philadelphia: Chem. Heritage Press, 2004.
20. Weizmann Ch.I. Ekektrolytische Reduktion von 1-Nitroanthrachinon. II Über die Kondensation von Phenanthrenchinon und 1-Nitroanthrachinon mit einigen Phenolen. Diss./Freiburg: Mattem.= Naturw. – Bern, 1899. – 52 s.

ZAHAR GELMAN
CHAIM WEIZMANN, THE FIRST PRESIDENT OF ISRAEL –
STATE-BUILDER AND SCIENTIST

SUMMARY

The first President of Israel, Professor Chaim Weizmann – scientist and statesman – was among the leaders who were instrumental in the establishment of the State of Israel. Throughout his life, Weizmann combined scientific endeavor with intensive involvement in Zionist activities. As a leader of the World Zionist Movement for many years, he was highly influential in formulating Zionist strategy and succeeded in broadening support for the Zionist movement and in mobilizing Jewish capital to further Zionist endeavors in Palestine. Quite naturally, one of the first acts of the Provisional Government of Israel was to appoint Chaim Weizmann as President of the Provisional Council of the State. In February 1949 – a month after Israel's first general elections – a special session of the Knesset elected him the first President of the State of Israel.

Keywords: Zionism, Israel, State-building, Chemistry, Science

«НЕПРИМИРИМЫЙ» ХАМАС

(рецензия на кн.:

Эпштейн А.Д. ХАМАС в региональной политике. Израиль, Иордания и Палестинская Национальная Администрация перед вызовом исламского фундаментализма. – М.: Институт Ближнего Востока, 2007. – 164 с.)

Ключевые слова: Израиль, Палестина, Иордания, ХАМАС, арабо-израильский конфликт

Рецензируемая книга израильского историка Алека Д. Эпштейна привлекает внимание исследователей-востоковедов (и не только востоковедов, но и политологов) тем, что автор во многом оказался провидцем в отношении ситуации: за три года до вооруженных столкновений между боевиками ХАМАС и ФАТХ он выражал сомнение в единстве действий руководителей Палестинской национальной администрации (ПНА). Этот момент и некоторые другие тонкие аналитические наблюдения, отмеченные в книге, сразу же вызывают доверие к его работе.

Победа исламской радикальной организации ХАМАС в ходе «едва ли не самых демократичных на Ближнем Востоке выборов» (С. 8) самым парадоксальным образом опрокинула расчеты основных акторов ближневосточного кризиса. В их числе оказались и американские аналитики, выразившие уверенность в том, что при условии соблюдения демократических принципов (в их трактовке и понимании в США и на Западе) к власти в ПНА обязательно придут «умеренные политики». Все получилось наоборот. Почему так произошло? На этот острый вопрос и пытается ответить Алек Д. Эпштейн, «предлагая осмыслить казавшиеся незыблемыми догмы в свете того, что произошло в секторе Газа в июне 2007 года» (С. 9).

Итоги «осмысления» А.Д. Эпштейн излагает в главе I (С. 10–20), суммируя их следующим образом. Он полагает, что «силовой захват власти в Газе», осуществленный движением ХАМАС можно охарактеризовать как «военный переворот», как считают, например, президент Египта Хосни Мубарака и глава ПНА Махмуда Аббаса, «лишь отчасти». Действительно, судя по результатам выборов в Палестинский законодательный совет в пяти избирательных округах сектора Газа, из 24 избранных депутатов 15

представляли ХАМАС. Это свидетельствует о том, что большинство населения сектора Газа (62,5%) поддержало именно исламистов и, следовательно, нельзя назвать произошедшее насильственным захватом власти.

Кроме того, изменения в характере палестино-израильского (автор берет шире – «всего арабо-израильского») конфликта назревали задолго до этих событий. Дело в том, подчеркивает А.Д. Эпштейн, что центр острых противоречий, возникших между организацией ФАТХ во главе с Я. Арафатом и другими частями ООП, в частности – ХАМАС, сместился в сторону внутripалестинских разногласий по поводу конечных целей борьбы. ФАТХ ограничивала область своих противостояний с Израилем требованием освобождения оккупированных территорий и созданием независимого Палестинского государства, а ХАМАС настаивала на ведении борьбы палестинцев как на части «общемирового джихада» против «неверных». Она добивается своего контроля уже не только над Газой и Западным берегом реки Иордан (семь тысяч кв. км), но хочет получить весь регион, находившийся ранее под мандатом Великобритании, что составляет 27,5 тысяч кв. км. И – главное – ХАМАС «также хочет исламскую Палестину, в которой правит шариат, а не законы, подобные западным» (С. 19). Таким образом, руководство ХАМАС в отличие от ФАТХ и ООП стремится не просто к изгнанию израильских оккупантов, но и к созданию «исламского государства на всей территории Палестины, в том числе, и на месте Израиля» (С. 22).

Завоевать авторитет среди палестинцев и добиться победы на выборах в июне 2007 г. ХАМАСу удалось не только потому, что члены его руководства, в отличие от лидеров ФАТХа, действовали или непосредственно на территории ПНА или же в соседних с Израилем странах. Немало важную роль в привлечении сторонников имело проведение ими активной социальной политики в части создания благотворительных фондов для помощи бедным слоям населения. Построив для себя прочную социальную опору, ХАМАС смог оказать сильное идеологическое влияние на палестинцев, вовлекая их в террористические акции. И здесь автор отмечает губительные последствия той же, внешне довольно привлекательной политики руководства в области вербовки террористов-смертников: «сначала они [лидеры боевиков] намечали в качестве потенциального “шахида” юношу из бедной семьи, которому нечего было терять, и в жизни которого не было никаких перспектив. Затем следовало предложение, от которого было непросто отказаться: посмертная слава героя палестинского народа и райское блаженство в окружении 72 гурий на небесах, а также полное материальное обеспечение его семьи здесь, на земле...» (С. 41–42). Считаю выделение автором социальных подходов к пополнению рядов террористов

важным для объективной оценки причин распространения радикального ислама, несущего гибель арабам, евреям и просто случайным людям, оказавшимся жертвами убийств.

Заголовок главы VII «От триумфа демократии до не очень бархатной революции: сектор Газа в 2006–2007 годах», по-моему, точно отражает смысл и содержание последующих событий, к которым привели палестинцев обострившиеся разногласия в руководстве ПНА. Представители ХАМАС в новом парламенте отвергли предложенную председателем ПНА Махмудом Аббасом «единую стратегическую цель – переговоры с Израилем», открыто признававшую отказ от вооруженной борьбы. Разногласия привели к появлению «двухполюсной» политической системы и завершились полным разрывом между ХАМАС и ФАТХ с применением оружия и многочисленными жертвами.

Автор напоминает о том, что международное сообщество пыталось всяческими способами не допустить или, по крайней мере, снизить накал противостояния. США и Европа, обескураженные победой ХАМАС на (демократических!) выборах, объявили этой организации, внесенной в списки террористических организаций задолго до выборов, «дипломатический бойкот», затем было объявлено о прекращении финансовой помощи государствами-донорами. Россия стала инициатором двух раундов переговоров в Москве с представителями ХАМАС, но – безрезультатно. Как пишет Алек Д. Эпштейн, «ХАМАС остался верен своему принципу вооруженной борьбы под знаменем исламизма, добившись при этом не частичного..., а полного контроля над сектором Газа» (С. 109).

Хотелось бы отметить одну, на мой взгляд, существенную деталь в исследовании Алека Д. Эпштейна, которая касается отношения к террористической деятельности вообще, и в палестино-израильском конфликте, в частности. На страницах своей книги он приводит несколько фактов, свидетельствующих о том, что власти США и Израиля, несмотря на громкие заявления о необходимости бескомпромиссной борьбы с террористической угрозой, не единожды выдавали разрешение на въезд в свою страну лицам, причастность которых к террору была доказана. Израильская администрация, объявившая основателя ХАМАС шейха А. Ясина «самым опасным [деятелем] радикального палестинского движения сопротивления», тем не менее, отступила (и так было не единожды) от своего принципа «никаких уступок террористам» и выпустила его из тюрьмы в обмен на двух спецназовцев «Моссада», захваченных во время совершения (тоже!) террористического акта в Иордании против главы Политического бюро ХАМАС Халеда Машаля (Подробно см. Главу IV, с. 54–70). Поневоле остаешься в недоумении: 1) как можно бороться с терроризмом при помощи террористических методов; 2) как можно так круто менять свои принципы. И в том, и в другом случае это наводит на мысли о «подковерной» игре.

В заключение считаю необходимым отметить большую фактологическую и аналитическую ценность исследования Алека Д. Эпштейна, действительно скрупулезно и объективно подошедшего к оценке затянувшегося многолетнего конфликта, конца которому не видно не только в «конце тоннеля», но и на обширной территории всего Ближнего и Среднего Востока. Об этом говорит и сам автор: «Анализируя проблему беспристрастно, трудно даже представить, на каких основах может зиждиться сколько-нибудь стабильное мирное урегулирование между израильтянами и палестинскими арабами» (С. 145).

VLADIMIR PLASTUN
THE «UNCOMPROMISING» HAMAS

Book review of: Alek D. Epstein, *Confronting HAMAS: Israel, Jordan and PNA face to face with Islamic fundamentalism* (Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies, 2007), 164 pp. [in Russian]. ISBN 978-5-89394-186-9

Keywords: Israel, Palestine, Jordan, HAMAS, Arab-Israeli Conflict

**ИРАН И ИЗРАИЛЬ:
БОРЬБА ЗА РЕГИОНАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО**

(рецензия на кн.:

Месамед В.И. Иран-Израиль: от партнерства к конфликту. –

М.: Институт Ближнего Востока, 2009. – 347 с.)

Ключевые слова: Иран, Израиль, противостояние

В современной геополитической ситуации в мире можно увидеть постоянное противостояние отдельных стран или союзов государств с другими странами. Это наглядно можно было увидеть еще двадцать лет, в период Холодной войны, когда существовала конфронтация между западным и советским блоками. Однако поражение Советского Союза в этом противостоянии не означало, что конкуренции за лидерство как во всем мире, так и в разных регионах, прекратится. Такое противостояние мы можем наблюдать в отношениях Турции и Греции, Индии и Пакистана и т.д. В последнее время можно говорить даже об определенной конкуренции между США и Китаем. Но есть еще одно такое противостояние между двумя странами Ближнего Востока, которое длится вот уже тридцать лет, принимая последние пять лет все более и более опасные обороты, когда от слов, обвинений, громких заявлений стороны могут перейти к вооруженному столкновению. Речь идет об Иране и Израиле, антагонизм между которыми, порою кажется, существовал всегда. Каково же может быть удивление у незнакомого с историей ирано-израильских связей человека, если ему рассказать, что оба государства три десятилетия назад были партнерами в регионе, если не сказать даже больше – союзниками. И в этой связи огромный интерес представляет первое и пока единственное в отечественной иранистике и в отечественном израилеведении монографическое исследование ирано-израильских отношений – книга Владимира Месамеда⁸ «Иран–Израиль: от партнерства к конфликту».

⁸ Несмотря на то, что автор рецензируемой книги проживает в другом государстве – Израиле, мы придерживаемся принципа, что все русскоязычные исследователи, независимо от гражданства, работают на благо отечественной науки.

Автор известен как один из немногих серьезных экспертов по современному Ирану. Тот, кто имел возможность быть знакомым с другими его работами, отметит присущее ему стремление к подробному изложению фактического материала; знание персидского языка и иврита обеспечивают ему возможность использовать огромную источниковедческую базу, что делает его книгу особенно ценной. Его труд касается не только истории отношений двух стран, много внимания В. Месамед уделяет современному состоянию отношений между Тегераном и Иерусалимом, особенно последнему пятилетию, когда ирано-израильская напряженность стала принимать уже реальную угрозу военного столкновения между двумя региональными державами.

Монография структурно состоит из введения и семи глав, каждая из которых состоит из нескольких параграфов, заключения и приложения.

Хронологические рамки исследования могут показаться достаточно широкими, поскольку автор дает экскурс в историю ирано-еврейских отношений, которые уходят своими корнями в I тысячелетие до н.э. Однако основное содержание книги посвящено событиям XX–XXI вв.

Исследование В. Месамеда интересно тем, что автор описал отношения двух стран в период до 1979 года, когда вместо нынешнего противостояния стороны отличало стремление к взаимовыгодному сотрудничеству. В ретроспективе очевидно, что правление шаха Мохаммада-Реза Пехлеви было «золотым временем» двусторонних отношений. Израиль входил в первую десятку торговых партнеров Ирана (с. 9).

В. Месамед сумел показать, что контакты между государствами до 1979 года носили достаточно интенсивный характер, представители израильских государственных и частных учреждений законно функционировали на территории Ирана, а помощь более передового в плане технологий Израиля шахскому Ирану носила нередко безвозмездный характер. Такие сферы как сельское хозяйство, нефтяная промышленность, оборона, система безопасности и медицина были основными сферами сотрудничества между странами. Впрочем, стоит вслед за В. Месамедом отметить, что и после 1979 года, когда в стране установился исламский режим, Иран продолжал использовать израильское оружие, в частности, в войне с Ираком.

Серьезным фактором в отношениях между двумя странами является наличие крупной по численности еврейской общины в Иране. Сионистское движение среди иранских евреев сыграло большую роль в репатриации из этой страны большой группы евреев (среди которых, кстати, был и будущий восьмой президент Израиля Моше Кацав). В. Месамед показывает, как после 1979 года происходит процесс «встраивания» еврейской общины в новый исламский режим, который не отличается особым дружелюбием по отношению к ней.

1979 год стал годом «великого перелома» в отношениях между Ираном и Израилем. Новый режим, установившийся в Иране, подразумевал экспансию исламской революции за пределы страны. Для начала это нужно было сделать в рамках всего исламского мира. Однако камнем преткновения в осуществлении этого проекта являлось наличие Израиля в самом сердце исламской цивилизации, тем более, что под контролем еврейского государства находится Иерусалим, в котором располагается одна из святынь ислама – мечеть аль-Акса. Однако, как отмечает В. Месамед, у антиизраильского курса иранских исламистов была и другая, более утилитарная причина. Революционеры, взяв власть, столкнулись с трудностями в решении насущных социально-экономических проблем внутри страны. Для отвлечения внимания населения от этих невзгод необходим внешний враг, на роль которого удачно подходит, помимо США, Государство Израиль. И образ Израиля как «малого Сатаны» в Иране «работает».

Среди других аспектов ирано-израильского противостояния, длящегося вот уже тридцать с лишним лет, стоит отметить использование Ираном своих «вассалов» из числа военизированных организаций в странах, граничащих с Израилем, среди которых выделяются ливанская «Хизбалла» и палестинский ХАМАС. Этот опыт Ирана стоит считать «успешным», поскольку не участвуя напрямую, Иран через эти организации может вести войну с Израилем. Не зря же ряд исследователей (А.Д. Эпштейн, В. Ханин) назвали Вторую ливанскую войну 2006 года первой ирано-израильской войной.

Впрочем, как пишет В. Месамед, «в иерархии исходящих от Ирана угроз, наиболее важной в Израиле считают ядерную» (с. 249). Оно и понятно. Появление такого оружия у страны, лидеры которой не скрывают своей агрессивной враждебности, представляет наибольшую опасность для еврейского государства. Противостоять стремлению Ирана обзавестись собственным ядерным арсеналом Израиль может только двумя путями – взывать к мировому сообществу с требованием введения экономических санкций против исламского режима (впрочем, это неэффективный способ, поскольку правители Ирана готовы пойти на изоляцию страны, лишь бы получить атомную бомбу) или же осуществлением военной операции по уничтожению ядерных объектов Ирана (благо, что опыт у Израиля имеется: в 1981 году израильские ВВС уничтожили иракский ядерный реактор в Осираке, а в 2007 году бомбили реактор, строившейся Сирией). Какой из них наиболее реальный, покажет время.

Завершая свое исследование, В. Месамед решил собрать все курьезные и не очень случаи контактов между израильтянами и иранцами в период после Исламской революции 1979 года. В главе «Взгляд с двух сторон» он описал примеры, когда создаваемый образ другого государства начинает влиять на сознание, мировоззрение, даже образ поведения

жителей страны. Примерами подобных фактов можно назвать отказы иранских спортсменов в участии на международных соревнованиях рядом с израильскими спортсменами.

Оценивая в целом монографию Владимира Месамеда «Иран–Израиль: от партнерства к конфликту», стоит сказать о ее значимости для российского востоковедения. Насколько нам известно, на русском языке вообще нет ни одной книги, посвященной столь актуальной сегодня теме как ирано-израильские отношения. Поэтому появление первого масштабного труда по этой проблеме дает возможность, с одной стороны, заполнить этот историографический и политологический вакуум, а, с другой стороны, позволит в дальнейшем другим исследователям воспользоваться книгой В. Месамеда как отправной точкой для своих научных исследований.

Безусловно, книга В.И. Месамеда заслуживает высокой оценки: автор поднял огромный пласт документов, книг, диссертаций, собрав воедино факты о малоизученной на русском языке проблеме, проанализировав которые дал свою оценку феномену ирано-израильских отношений. Монография будет интересна специалистам, интересующимся проблемами исламо-израильского конфликта (после 1979 года арабо-израильский конфликт из межнационального превратился в межрелигиозный), у которого есть начало, но, увы, так и нет до сих пор сколько-нибудь приемлемого решения.

RAIS SULEYMANOV
IRAN AND ISRAEL:
STRUGGLE FOR REGIONAL LEADERSHIP

Book review of: Vladimir Mesamed, *Iran and Israel: From Partnership to Conflict* (Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies, 2009), 347 pp. [in Russian]. ISBN 978-5-89394-210-1.

Keywords: Iran, Israel, Middle Eastern conflicts

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агапов Михаил Геннадьевич (Тюмень, Россия) – кандидат исторических наук (тема диссертации: «СССР и палестинская проблема в 1920-е–1943 гг.»), доцент кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета.

Электронная почта: magapov@inbox.ru

Блащаница Артем Викторович (Тюмень, Россия) – ассистент кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета.

Электронная почта: bartem_int@mail.ru

Варшавер Евгений Александрович (Москва, Россия) – магистр социологии, выпускник Московской высшей школы социальных и экономических наук, стажер Института изучения терроризма Междисциплинарного центра в Герцлии (Израиль).

Электронная почта: varshavere@gmail.com

Гаврилов Александр Данилович (Москва, Россия) – выпускник кафедры иудаики, магистрант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Электронная почта: h3t@rambler.ru

Гельман Захар Ефимович (Реховот, Израиль) – доктор химических наук. Организатор и первый заведующий кафедрой истории науки и культуры в Государственной классической академии им. Маймонида.

Электронная почта: zgelman@mail.ru

Кизилев Михаил Борисович (Беэр-Шева, Израиль) – доктор философии, выпускник Оксфордского университета, преподаватель кафедры еврейской философии Университета им. Бен-Гуриона в Негеве.

Электронная почта: mikhail.kizilov@gmail.com

Кожеуров Станислав Александрович (Москва, Россия) – выпускник кафедры иудаики, магистрант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Электронная почта: maarav@gmail.com

Лихачев Вячеслав Андреевич (Киев, Украина) преподавал в Институте стран Азии и Африки при МГУ и ряде украинских вузов. Автор шести книг, посвященных идеологии и деятельности правых радикалов и ксенофобии на постсоветском пространстве.

Электронная почта: vyacheslav.likhachev@gmail.com

Пластун Владимир Никитович (Новосибирск, Россия) – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета.

Электронная почта: vladimir_plastun@mail.ru

Сулейманов Раис Равкатович (Казань, Россия) – заместитель руководителя Центра евразийских и международных исследований Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

Электронная почта: rais.suleymanov@rambler.ru

Фадеев Иван Андреевич (Москва, Россия) – выпускник и магистрант кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова; преподаватель истории религий, Институт истории культур, Москва.

Электронная почта: rbw_london@yahoo.co.uk

Шандра Антон Владимирович (Арзамас, Россия) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара, автор книги «Проблема Палестины: британский след».

Электронная почта: shandra83@rambler.ru

Шаповалов Михаил Сергеевич (Омск, Россия) – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Омского филиала Новосибирской государственной академии водного транспорта.

Электронная почта: shapovalov_ms@mail.ru

Эпштейн Александр Давидович (Иерусалим, Израиль) – доктор социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии Открытого университета Израиля, Центра Чейза Еврейского университета в Иерусалиме, приглашенный профессор Московской высшей школы социально-экономических наук и кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Электронная почта: alekdep@gmail.com

LIST OF CONTRIBUTORS

Agapov Mikhail (Tyumen, Russia) – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Modern History and International Relations, Tyumen State University.

E-mail: magapov@inbox.ru

Blashchanitsa Artem (Tyumen, Russia) – Assistant Professor, Department of Modern History and International Relations, Tyumen State University.

E-mail: bartem_int@mail.ru

Epstein Alek D. (Jerusalem, Israel) – Ph.D. (Sociology) is affiliated with the Department of Sociology, Political Science and Communication, Open University of Israel; Chais Center at the Hebrew University of Jerusalem and Department of Jewish Studies, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University.

E-mail: alekdep@gmail.com

Fadeyev Ivan (Moscow, Russia) – Bachelor (Oriental History), Graduate Student, Department of Political Sciences, Institute of Asian and African Studies, Moscow State Lomonosov University; Adjunct Lecturer, Institute of Cultural History, Moscow.

E-mail: rbw_london@yahoo.co.uk

Gavrilov Alexander (Moscow, Russia) – Bachelor (Oriental History), Graduate Student, Department of Political Sciences, Institute of Asian and African Studies, Moscow State Lomonosov University.

E-mail: h3t@rambler.ru

Gelman Zahar (Rehovot, Israel) – Ph.D. (Chemistry), the Former Head, Department of History of Science and Culture, State Classical Maimonides Academy.

E-mail: zgelman@mail.ru

Kizilov Mikhail (Beer Sheva, Israel) – Ph.D. (History), Kreitman Fellow at Ben Gurion University of the Negev, former associate member of Merton College at Oxford, the author of «The Karaites Through the Travelers' Eyes» (New York, 2003) and «The Karaites of Galicia: An Ethnoreligious Minority Among the Ashkenazim, the Turks, and the Slavs, 1772–1945» (Brill, 2008).

E-mail: mikhail.kizilov@gmail.com

Kozheurov Stanislav (Moscow, Russia) – Bachelor (Oriental History), Graduate Student, Department of Political Sciences, Institute of Asian and African Studies, Moscow State Lomonosov University.

E-mail: maarav@gmail.com

Likhachev Viacheslav A. (Kiev, Ukraine) – Adjunct Lecturer, Institute of Asian and African Studies, Moscow State Lomonosov University; he has written extensively on Antisemitism and Xenophobia in Russia and Ukraine, authored six books and dozens of manuscripts published worldwide.

E-mail: vyacheslav.likhachev@gmail.com

Plastun Vladimir (Novosibirsk, Russia) – Ph. D. (History), Professor, Department of Oriental Studies, Novosibirsk State University.

E-mail: vladimir_plastun@mail.ru

Shandra Anton (Arzamas, Russia) – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of World History, Arzamas State Pedagogical Institute.

E-mail: shandra83@rambler.ru

Shapovalov Mikhail (Omsk, Russia) – Ph.D. (History), Senior Lecturer, Department of Humanities, Omsk Institute of Water Transport (Branch), Novosibirsk State Academy of Water Transport.

E-mail: shapovalov_ms@mail.ru

Suleymanov Rais (Kazan, Russia) – Deputy Director, Center for Eurasian and International Studies, Kazan State University.

E-mail: rais.suleymanov@rambler.ru

Varshaver Evgeni (Moscow, Russia) received M.A. in Sociology from the Moscow School of Social and Economic Sciences. He is currently a graduate student at the Institute of Counter-Terrorism Studies at the Interdisciplinary Center, Herzliya, Israel.

E-mail: varshavere@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, НАПРАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Об оформлении. Статью необходимо набрать на компьютере в редакторе Word или совместимом с ним и предоставить в электронной версии по электронной почте или ином носителе: дискете 3,5 дюйма, CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW.

E-mail: cemi_ksu@mail.ru

Поля. Сверху и снизу – по 2 см; слева – 3 см, справа – по 1,5 см.

Заголовок. В верхнем правом углу жирным шрифтом (**ЖИРНЫМ**) (14 пт.) – имя и фамилия автора. Далее по центру также жирным шрифтом (**ЖИРНЫМ**) Times New Roman размером 14 пт. прописными буквами печатается название статьи.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman 12 пт. Абзацный отступ 1,25 см. Межстрочный интервал полуторный. Текст выравнивается по ширине.

Библиографический и аннотационный аппарат оформляются в соответствии с ГОСТ 7.12–93, ГОСТ 7.9-95, ГОСТ 7.82-2001, ГОСТ 7.1-2003, ГОСТ 7.05.-2008 и тщательно выверяются на правильность и точность. Согласно требованиям ВАК (информационное сообщение №45.1-132 от 14. 10. 2008.) наличие пристатейных библиографических списков, аннотации и ключевых слов, также контактной информации об авторе является обязательным требованием к научной публикации.

УДК (Универсальная десятичная классификация). В соответствии с требованиями ВАК в верхнем левом углу указывается номер УДК шрифтом Times New Roman 12 пт.

Ссылки оформляются в виде квадратных скобок, в которых указывается порядковый номер цитируемого издания из списка использованной литературы и номер страницы. Если ссылка на архив, в ней указывается порядковый номер цитируемого издания из списка использованной литературы, номер дела и номер листа.

Список использованных источников и литературы приводится под статьей **в алфавитном порядке** шрифтом Times New Roman 11 пт. Блочные ссылки не допускаются.

О содержании. В заключительной части статьи и аннотации необходимо отразить новизну результатов исследования, область их возможного практического, научного или педагогического применения.

Аннотация к статье на русском языке, состоящая из 45-50 слов, помещается через строку после названия статьи. Текст аннотации на английском языке (**Summary**) помещается после основного текста статьи, в котором приводится английский перевод заглавия статьи с указанием имени и фамилии автора..

Ключевые слова (термины и понятия), относящиеся к концептуальному содержанию публикации (10 ключевых слов) помещаются в начале статьи (на русском языке) и в конце статьи (на английском языке).

Сведения об авторе: ФИО **полностью**, информация об авторе (должности, организации, ученые степени, ученые звания или место обучения), почтовый адрес для переписки, номер контактного телефона и **e-mail** для связи на русском и английском языках.

В редакции все поступившие статьи направляются на внутреннее экспертное рецензирование. Высказанные замечания передаются автору по электронной почте. После переработки материалы вновь рассматривает рецензент, после чего принимается решение о направлении в печать.

Подписано в печать
Усл.печ. л. 11,2 Тираж 500 экз.
Заказ